БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИРЕСИОНА.
Античный мир и его наследие

Издательство Белгородского государственного университета
2002

ББК 63.3 (0) 3
И 79

Ответственный редактор-составитель:
кандидат исторических наук Н.Н. Болгов.

Рецензенты:
доктор исторических наук А.Н. Мошкин
доктор философских наук В.П. Римский

И 79
ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. [Вып. 2]. – Белгород, Издательство Белгородского государственного университета, 2002. – 170 с.

В настоящее издание вошли материалы второго научного семинара, проведенного кафедрой всеобщей истории Белгородского государственного университета 1 марта 2002 г. (первый состоялся в 1999 г.). Среди авторов сборника – преподаватели БелГУ, других вузов России, Украины, представители академических институтов, а также начинающие ученые. Представлена хроника событий научной жизни белгородского антиковедения за первое полугодие 2002 г.

Книга может быть полезной всем, кто изучает проблемы античной истории и культуры.

Издание продолжает серию, начатую сборником «Античный мир» (Белгород, 1999) [вып. 1].

И 79

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее издание вошли материалы второго научного семинара, проведенного кафедрой всеобщей истории Белгородского государственного университета 1 марта 2002 г. (первый состоялся в 1999 г.). Среди авторов сборника – преподаватели БелГУ, других вузов России, Украины, представители академических институтов, а также начинающие ученые. Представлена хроника событий научной жизни белгородского антиковедения за первое полугодие 2002 г.

Издание продолжает серию, начатую сборником «Античный мир» (Белгород, 1999) [вып. 1]. Начиная три года назад наш проект, мы, конечно, рассчитывали на его продолжение. Но гарантировать его, безусловно, никто не мог. Тем не менее, наш семинар, задуманный как форум молодых ученых и аспирантов при участии ряда ведущих специалистов, продолжает проводиться и в общем сохраняет свою концепцию.

Как и в прошлый раз, помимо докладчиков, лично присутствовавших на семинаре, мы публикуем тексты, присланные нашими заочными авторами. С удовлетворением можем отметить географическое расширение наших связей. В настоящем сборнике впервые представлены ученые Крыма (Симферополь, Севастополь). Уже традиционно основной блок работ сформирован представителями Харькова, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга.

Раздел об античном наследии в последующих веках здесь представлен в основном работами культурологов, о чем и говорилось в качестве пожелания на первом семинаре в 1999 г. и что тогда отсутствовало.

Сохранил свои позиции раздел «Хроника», куда мы включили всю информацию об антиковедческих делах в нашем вузе.

Надеемся, что этот, второй, выпуск нашего сборника получит продолжение в будущем, привлечет новых друзей, сохранит старых. Тем самым наш город, находящийся на самой середине пути из крупнейших городов России к Северному Причерноморью, продолжит свои «транзитные» функции и станет более известен в мире антиковедов и археологов-классиков не только как пограничный пункт, **[4]** но и как фокус, собирающий коллег и друзей с разных концов нашего общего научного пространства.

***

Правила оформления научного аппарата соответствуют вариантам, представленным авторами.

Статьи публикуются в авторском варианте с минимальной редакторской правкой в области стилистики. **[5]**

I. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ГРЕЦИИ И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

ВЛИЯНИЕ ВАРВАРСКИХ ПЛЕМЕН НА КУЗНЕЧНОЕ ДЕЛО В АНТИЧНЫХ ПОЛИСАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (VII–V ВВ. ДО Н.Э.)

С.А. Усанов (Харьков)

Вопрос о том, поставляли ли греки железные изделия соседним племенам или же сами были зависимы от поставок железа окрестными племенами, до настоящего времени окончательно не решен. Так, Л.Д. Фомин считает, что добыча железа и изготовление предметов из него в античных городах и в частности Ольвии не была достаточно хорошо налажена, и основная масса железных изделий попадала туда из лесостепной Скифии, где металлургия железа была на более высоком уровне, чем кузнечное ремесло греческих городов Северного Причерноморья и степных скифов[1]. Единственный ремесленный центр последних, - Каменское городище, - не был достаточно развит и не мог удовлетворить потребности в кузнечных изделиях не только жителей греческих городов, но и собственное население. Однако следует отметить, что эта точка зрения основана на небольшом количестве предметов исследованных Л.Д. Фоминым, и поэтому выглядит недостаточно убедительным.

Следует сразу отметить, что большинство железных предметов найденных в греческих городах Северного Причерноморья, находятся в таком плохом состоянии из-за сильной коррозии, что для исследований пригодны лишь некоторые из них. Из двух сотен железных изделий, найденных в Ольвии и Тире, пригодными для исследований оказались лишь четыре: это крица, гвоздь, обломок режущего инструмента и железный предмет, назначения которого установить не удалось.

При металлографическом исследовании этих предметов выяснилось, что все они изготовлены из простого кричного железа или неравномерно науглероженной стали, полученной в горне естественным путем. Все предметы имеют большое количество шлаковых включений в своей структуре, а обломок режущего инструмента **[6]** имеет также пустоты в металле. Все это позволяет говорить об очень плохой проковке металла и о низкой квалификации мастеров, изготовивших эти предметы. Если сравнить эти предметы с материалами, известными нам по памятникам лесостепной Скифии, такими, как Бельское[2], Трахтемировское и Люботинское[3] городища, то становится видно, что мастера, изготовившие железные предметы из Ольвии и Тиры, значительно уступали в своем мастерстве ремесленникам Лесостепной Скифии. Так, например, почти все исследованные железные предметы из Лесостепной Скифии изготовлены из хорошо прокованного железа, кроме того, для повышения рабочих свойств этих предметов применялась цементация

металла, а также метод пакетирования (изготовление железа из сваренных вместе полос железа и стали)[4].

В отличие от Л.Д. Фомина, Д.Б. Шелов[5] и А.С. Островерхов[6] считают, что добыча и обработка железа, изготовление предметов из него были одними из основных ремесел в античных городах Северного Причерноморья, а античные кузнецы не только удовлетворяли потребности внутреннего рынка, но и выпускали продукцию, которая шла на внешний рынок. К сожалению, материалы, которые использовал А.С. Островерхов, не имеют точной датировки. Они, в основном, собирались на развеянных дюнах, а его мнение о том, что кузнечные мастера греческих городов Северного Причерноморья полностью снабжали своей продукцией внешний рынок, не имеет веских доказательств.

С.В. Паньков более осторожно подошел к решению этого вопроса. Он, основываясь на данных специальных анализов, считает, что добыча железа в античных городах Северного Причерноморья была в основном развита в позднеархаический период, однако не настолько развита, чтобы обеспечить потребности не только соседних племен, но и свои собственные[7].

Однако не следует считать, что во всех античных городах Северного Причерноморья наблюдалась ситуация с кузнечным ремеслом, как в Ольвии и Тире. Так, например, при металлографических исследованиях железных предметов из некрополя Горгиппии V- IV вв. до н.э., проведенных Н.Н. Тереховой и Л.С. Розановой[8], выяснилось, что предметы изготовлены из довольно хорошо прокованного металла. Кроме того, при изготовлении некоторых предметов вооружения **[7]** из некрополя Горгиппии уже фиксируется сварка железа со сталью и применяется поверхностная или местная цементация.

Исследование кузнечной продукции из городских слоев Горгиппии Ш в. до н.э. показало, что в это время местные кузнечные мастера уже применяли большое разнообразие технологических приемов при изготовлении предметов из железа, в том числе вварку стальных пластин в железную основу и термообработку.

Сравнивая изделия кузнечных мастеров Горгиппии и немногие исследованные предметы из Ольвии и Тиры с кузнечной продукцией соседних племен, следует предположить, что кузнечное ремесло античных городов Северного Причерноморья находилось в определенной зависимости от его развития у их соседей - племен Северного Кавказа и Скифии, и от степени удаленности греческих полисов от ремесленных центров варварского мира. Так, например, кузнечные мастера Ольвии и Тиры находились вдалеке от более развитых ремесленных центров Лесостепной Скифии, в то время как мастера Горгиппии находились рядом с кавказскими племенами, кузнечные мастера которых в совершенстве владели методами обработки железа еще в VI-V вв. до н.э. и применяли сложную технологию при изготовлении предметов из железа. По материалам могильников Султан-Гора III[9], Сержень-Юрт и Тлийского могильника[10] видно, что кавказские мастера в VI-V вв. до н.э. при изготовлении предметов из железа применяли метод пакетирования и цемента-

цию как готовых изделий, так и заготовок, кроме того, кавказские мастера уже в это время применяли термообработку, хотя и довольно редко.

Как видим, имеющийся исследованный материал малочислен и, по нашему мнению, недостаточно широко изучен. В связи с этим, считаем возможным дальнейшее развитие исследований в этом направлении следующим образом: привлечение более широкого фактического материала с различных памятников, и, для более широкой технологической атрибутации археологических фактов, - применение дополнительных, новых, ранее не применявшихся или мало применявшихся, методов исследований. К таким перспективным методам следует отнести: электронную микроскопию, рентген-методы, различные виды рентгендиагностики и другие, физические и физико-химические методы исследований[11]. **[8]**

Примечания

1. Фомін Л.Д. Техніка обробки заліза в Ольвії і Тірі // Археологія. – 1974. – №13. – С.25-31.
2. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – К.: Наукова думка,1987. – 184 с.
3. Солнцев Л.А., Шрамко Б.А. Металлографические исследования железных изделий Люботинского городища // Люботинское городище. - Харьков: Регион-информ,1998. - С. 132-143.
4. Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии // СА. – 1964. – № 4.– С.38-45.
5. Шелов Д.Б. Железоделательное производство в Северном Причерноморье в раннеантичное время // КСИА .– 1979. – Вып.159. – С.3-10.
6. Островерхов А.С. Про чорну металургію на Ягорлицькому поселені // Археологія. – 1978. – № 28. – С.26-36.
7. Паньков С.В. Про стан залізодобування в античному виробництві Північного Причорномор'я // Археологія. – 1996. – № 2. – С.49-54.
8. Розанова Л.С. Терехова Н.Н. Железообработка в античных центрах северного Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Материалы международной конференции. Кишенев, 10 - 14 декабря 1990 г. – К., 1991. – С.187-188.
9. Терехова Н.Н. Технология изготовления железных предметов из могильника Султан-Гора III // КСИА. – 1986. – Вып. 186. - С.21-24.
10. Вознесенская Г.А. Технология производства железных предметов Тлийского могильника //Очерки технологии древнейших производств. – М.:Наука,1975. – С.76-117.
11. Мінжулін О.І. Реставрація творів з металу. - К.: Спалах, 1998. - С.39-42.

ДИОНИС И КУЛЬТ ПРАВИТЕЛЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА

К.Ю. Нефедов (Харьков)

Античный культ правителя на протяжении всей своей истории был тесно связан с культом Диониса. Празднества в честь эллинистических царей и римских императоров нередко проходили совместно с Дионисиями, культовые изображения монархов наделялись **[9]** вакхическими чертами, ритуал царского культа заимствовал дионисийские элементы. Некоторые правители, в частности, Птолемей IV, Антиох VI, Митридат Евпатор, Марк Антоний, Калигула и Нерон, носили культовый эпитет Диониса. Все эти явления неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, однако в целом феномен дионисизации культа правителя ещё не получил в научной литературе надлежащей интерпретации. Многочисленные исследования по этой теме[1] позво-

ляют судить лишь о том, каким образом в конкретной исторической ситуации культ того или иного правителя приобретал дионисийские черты, но не проясняют со всей очевидностью, почему из всех античных богов именно Дионис был так тесно связан с культовым почитанием монархов. Чтобы внести хотя бы относительную ясность в эту проблему, представляется целесообразным обратиться к изучению начальной стадии процесса дионисизации культа правителя, которая приходится на период раннего эллинизма - так называемую эпоху диадохов (323-281 гг. до н.э.).

Первым античным правителем, образ которого подвергся значительной дионисизации, был Александр Македонский. Некоторые античные авторы сообщают, что сам Александр во время похода в Индию всячески стремился подражать Дионису, который в древние времена, якобы, также совершил поход в эту страну (Arr., Anab. V, 1-2; VI, 28, 1; Plut., Alex. 67; Curt., III, 10, 5; VII, 9, 15; 11, 2; VIII, 10; IX, 3, 19; 4, 21; 10, 6; Diod., XVII, 106, 1; XVIII, 15, 1; 55, 2; Just., XII, 8, 16; Strab., III, 5, 6; XV, 1, 6-7). Однако детальный анализ этих сообщений, предпринятый в 1928 г. А.Д. Ноком[2], показал, что все они восходят к поздней исторической традиции и не подтверждаются свидетельствами участников восточного похода. Более того, сам миф о покорении Вакхом Индии сложился только после смерти Александра под влиянием истории его завоеваний. Тенденция к слиянию образов Александра и Диониса, по мнению Нока, впервые проявилась в сочинении Клитарха, жившего в Александрии на рубеже IV-III вв. до н.э., и затем активно развивалась в птолемеевском Египте, так как Птолемеи возводили собственное происхождение к македонскому завоевателю и Вакху[3]. Последующие исследователи развили эту теорию, утвердив в научной литературе мнение о том, что решающую роль в процессе сложения образа Александра-Диониса с самого начала играла птолемеевская пропаганда[4]. **[10]**

Для такого заключения, однако, нет достаточных оснований. В деятельности царского двора эпохи Птолемея I невозможно обнаружить стремления провести параллель между Александром и Дионисом. На ранних птолемеевских монетах, в официальном александрийском царском культе и даже в истории восточного похода, написанной самим Птолемеем I, Александр выступает только в образе сына Зевса-Аммона и никак не связан с Дионисом[5]. Вакхические элементы впервые проявляются в александрийском царском культе только при Птолемее II[6], а первые прямые указания на происхождение Александра и Птолемеев от Диониса относятся ко второй половине III в. до н.э. (OGIS, №-54; FgrHist. 631, F. 1). Поэтому с большим основанием можно полагать, что тенденция к сопоставлению Александра с Дионисом изначально шла «снизу» - от греко-македонского населения Александрии, и только при Птолемее II была активно поддержана царским двором.

Проявления указанной тенденции в самом начале III вв. до н.э. можно обнаружить не только в птолемеевском Египте, но и в государстве Селевкидов. Вскоре после 301 г. до н.э. Селевк Никатор начал выпускать в Сузах и Персеполе серебряные монеты, на аверсе которых был помещен портрет Александра в шлеме, увенчанном символами Диониса - рогами и ушами быка

и шкурой пантеры[7]. Исследователи полагают, что Селевк придал изображению Александра вакхические черты с единственной целью - увековечить на монетах собственные успехи в завоевании Востока, покоренного ранее только Александром и Дионисом[8]. Такое мнение, однако, представляется сомнительным, ибо упомянутые монеты были выпущены не по случаю окончания восточного похода Селевка в 303 г. до н.э., а в честь его победы над Антигоном в битве при Ипсе в 301 г.[9] Кроме того, миф о походе Диониса в Индию, как можно судить по фрагментам Клитарха, в те годы только начинал складываться[10], и образ Александра-Вакха ещё не мог однозначно ассоциироваться с покорением Азии. Селевкидский посол при дворе Чандрагупты Мегасфен в сочинении об Индии, написанном не ранее 290 г. до н.э., изложил этот миф, якобы, со слов индейцев, полагая, что он слабо знаком эллинам (FgrHist. 715, F. 4-12; Diod., II, 38-40; Arr., Ind. 5-7; Strab., XV, 1, 7). Следовательно, ко времени выпуска упомянутых монет в государстве Селевкидов ещё не сложилась устойчивая традиция о походе Диониса на Восток. **[11]**

Таким образом, процесс дионисизации образа Александра начался, судя по всему, на рубеже IV-III вв. до н.э. в среде греко-македонского населения Птолемеевского Египта и государства Селевкидов. Для того, чтобы понять, почему это произошло именно там, следует, как нам кажется, обратить внимание на тот факт, что в государствах Птолемея I и Селевка Никатора значительно более существенное развитие, чем в других регионах эллинистического мира получила традиция сакрального почитания Александра. В Александрии культ Александра как основателя города и покровителя державы Птолемея отправлялся, вероятно, еще с 319-318 гг. до н.э., причем Александр выступал при этом в образе сына Зевса-Аммона, своего рода «нового Геракла» и считался сверхъестественным покровителем города и всей державы Птолемея[11]. О существовании официального культа Александра в державе Селевка свидетельств не сохранилось, но тот факт, что покойный монарх пользовался здесь культовым статусом, не вызывает сомнений. Ещё в 312 г. до н.э. Селевк убедил своих солдат совершить рискованный поход в Вавилон, заверив их, что Александр во сне пообещал ему полный успех (Diod., XIX, 90). Считалось также, что божественный Александр способствовал официальному принятию Селевком в 304 г. до н.э. царского титула, после чего македонского завоевателя стали изображать на селевкидских монетах в образе сына Зевса-Аммона[12]. Наконец, в битве при Ипсе Александр, согласно легендам, принял сторону Селевка и Лисимаха, обеспечив им победу над могущественным Антигоном (Plut., Demetr. 29)[13].

Таким образом, в птолемеевском Египте и державе Селевка I Александр к началу III в. до н.э. едва ли не окончательно превратился в божество. Это обстоятельство, очевидно, и дало повод для сопоставления его с Вакхом. Дионис в религиозных представлениях был не только богом виноделия и социальной релаксации, но и своего рода универсальным богом-героем, единственным подлинным богочеловеком[14]. Только ему удалось, перетерпев все героические страсти, ещё при жизни обратиться из смертного в божество и получить от людей соответствующее почитание (Eur., Bach. Iff). Поэтому в

орфических и вакхических ритуалах Дионис неизменно связывался с идей бессмертия и апофеозом умершего миста[15]. По этой же причине образы всех греческих героев, как показал в свое время Вяч. Иванов, **[12]** постоянно подвергались дионисизации, а некоторые из этих «боголюдей» со временем даже стали ипостасями Диониса[16]. В контексте таких представлений образ Александра, на глазах современников превратившегося из человека в божество, естественным путём стремился к дионисизации. Эту тенденцию усиливали отчетливые параллели между Дионисом и Александром: оба они считались сыновьями Зевса и «истинными царями», прославились героическими деяниями, приняли раннюю смерть и удостоились массового сакрального почитания за свои заслуги. Конечно, в отношении Александра напрашивалось сопоставление и с более «приземленным» богочеловеком - Гераклом, который претерпел аналогичную героическую судьбу. Однако Геракл удостоился культа только посмертно, в то время как Александр получал божеские почести уже при жизни[17]. Кроме того, для Александра к началу III в. сопоставление с Гераклом было уже пройденным этапом. Сам царь при жизни всячески стремился уподобиться этому герою, а в посмертном птолемеевском и селевкидском культе за ним, как мы имели возможность убедиться, окончательно закрепился статус «нового Геракла». Теперь же на сопоставление с Гераклом как идеальным царем и героем претендовали и преемники Александра, в том числе - Птолемей и Селевк[18]. Птолемей, к тому же, имел для этого достаточно серьезные причины, ибо с 304 г. до н.э. сам получал божеские почести на Родосе[19]. Поэтому Александр, как несравненно более значительная и сакральная фигура, должен был занять в иерархии «боголюдей» более высокую ступень и уподобиться уже не Гераклу, а непосредственно Дионису.

Таким образом, дионисизация Александра, судя по всему, явилась следствием его активного культового почитания в державах Птолемея и Селевка. К концу IV в. до н.э. у греко-македонского населения этих государств, очевидно, возникла потребность каким-то образом концептуализировать культ покойного царя, ввести «новое божество» в систему традиционных представлений. Моделью для формирования нового образа Александра вслед за Гераклом стал Дионис, судьба которого служила единственным аналогом необычайному возвышению покойного завоевателя. Тенденция к дионисизации, как было показано, исходила «снизу» и развивалась, вероятно, по канонам традиционного мифологического мышления с его **[13]** синкретизмом и инверсивной, ассоциативно-символической логикой[20]. Именно поэтому в сочинении Клитарха не только Александр уподоблялся Дионису, но и Дионис заимствовал черты Александра, превратившись, в частности, в завоевателя Индии[21]. У Мегасфена Дионис и Геракл уже едва ли не полностью уподобились Александру: они завоевывают Индию как люди и становятся богами только после того, как получают божеские почести за заслуги (Megas. ap. Diod., II, 38-40). Законченный образ Александра-Вакха был воплощен в то время только на монетах Селевка, который, очевидно, имел для этого особые причины. Согласно традиционным мифам, Дионис совершил поход не с Запада на Восток, а с Востока на Запад – из Бактрии в Малую Азию и Европу

(Eur., Bacch. 13-15; 312-315). Селевк в ходе своих завоеваний проделал аналогичный путь: покорив Бактрию, он вскоре двинулся в Малую Азию, где и разбил Антигона при Ипсе[22]. Поэтому, поместив на монетах, выпущенных в честь битвы при Ипсе, вакхический портрет Александра, Селевк, очевидно, старался подчеркнуть, что его покровитель, проявил свой «дионисизм», проведя Селевка «по пути Диониса» к решающей победе.

В эпоху раннего эллинизма активной дионисизации подвергся также образ и культ одного из диадохов - Деметрия Полиоркета[23]. Плутарх сообщает, что отдельные дионисийские почести были возданы Деметрию в Афинах ещё в 307 г. до н.э. (Plut., Demetr. XI-XIII). Однако, как показал на основании данных эпиграфического анализа Х. Хабихт, в действительности первые дионисийские элементы появились в культе Деметрия только в 295 г. до н.э.[24] В этот год в Афинах к традиционным Великим Дионисиям было присоединено специальное празднество Деметрии, а также принят закон, согласно которому, каждый визит Деметрия в город следовало отмечать как прибытие Диониса и Деметры[25]. Когда Деметрий в 291 г. вновь прибыл в Афины, в его честь действительно было устроено настоящее вакхическое празднество с возлияниями, возжиганием благовоний и танцами, на котором, кроме всего прочего, исполнили специальный итифаллический гимн, прославлявший царя как живого бога (Athen., VI, 253 b-254 a).

Около 294 г. до н.э. совмещение Дионисий и Деметрий было произведено также на Эвбее: эти празднества проходили поочередно в четырех главных городах острова с участием специальной труппы **[14]** технитов Диониса (IG, XII, 9, № 207). Сам Деметрий с 295-294 гг. до н.э. стал помещать на монетах собственный портрет с вакхическими рогами[26].

Причины дионисизации культа Деметрия исследователи обычно ищут в чертах сходства между Полиоркетом и Вакхом. Деметрий, якобы, уподоблялся этому богу как талантливый полководец, основатель и благодетель городов, а также походил на него своей внешностью, характером, поведением и пристрастиями[27]. Такой подход, однако, оставляет возможность принять следствия дионисизации за её причины и не проясняет, почему Деметрий стал сопоставляться с Дионисом только с 295 г. до н.э. Между тем, некоторые факты дают основание видеть в дионисизации Деметрия такое же следствие активного развития культа правителя, каким была дионисизация Александра. В 314-302 гг. до н.э. культовое почитание Деметрия и его отца Антигона Одноглазого было установлено в целом ряде греческих полисов[28]. Антигонидам приносили жертвы, посвящали празднества, воздвигали культовые статуи и алтари. В Афинах их портреты были вытканы на священном пеплосе, а с 304 г. Деметрию позволили даже жить в Парфеноне (Diod., XX, 42-43; Plut., Demetr. XXIV). Такого прижизненного культового почитания в античном мире ранее не удостаивался ни один человек. Поэтому уже в те годы образ Деметрия в массовом сознании мог ассоциироваться с Дионисом. Последующие события должны были ещё более усилить тенденцию к такому сопоставлению.

После битвы при Ипсе, в которой погиб Антигон, Деметрий лишился почти всех своих владений и сам его царский статус оказался под сомнением. Однако вскоре он восстановил былую мощь и к 295-294 гг. до н.э. вернул себе большую часть Греции, захватил македонский трон и вновь стал массово почитаться в греческих полисах[29]. Подобно Дионису, Деметрий сумел «возродиться из праха», вернуть себе царское достоинство и богоравный почет и даже утвердиться в таких исконно дионисийских местах, как Фивы и Македония. Теперь он представал перед эллинами и македонянами как новый истинный богочеловек, в гораздо большей степени, чем сам Александр, подобный Дионису. Очевидно, именно поэтому Деметрий осмелился поместить свой вакхический портрет на монеты, где ранее изображались только божества или Александр, и по этой же причине, **[15]** культ Полиоркета подвергся дионисизации и приобрел невиданные ранее масштабы и формы. Афиняне посылали к Деметрию за оракулом, называли его именем месяцы и дни календаря, а его самого именовали в итифаллическом гимне «единственным живым богом» (Plut., Demetr. XII; Athen., VI, 253 c)[30]. Культовое почитание Деметрия в те годы являло собой апогей развития культа правителя в античном мире в целом[31], и это вполне закономерно, ибо эллины впервые лицезрели перед собой «богочеловека во плоти» и не могли не отразить этот факт в ритуале.

Следует заметить, что дионисизация образа и культа Деметрия имела под собой и очевидную политическую подоплеку. Восстановив былое могущество, Полиоркет возродил старые притязания Антигона на трон Александра и начал вынашивать планы достижения «мирового господства»[32]. Богочеловеческий статус и дионисизм Деметрия способствовали обоснованию этих притязаний уже только потому, что в «вакхического героя» превратился в то время сам Александр. При сравнении монет Селевка, на которых изображен Александр-Дионис, и монет Деметрия с его собственным изображением должно было создаваться впечатление, что живой богочеловек должен прийти на смену покойному. Не случайно, во время проведения афинских Дионисий-Деметрий на проскении вывешивалось изображение Деметрия, восседавшего на ойкумене (Athen., XII, 536a).

Дионисийский образ так прочно закрепился за Деметрием, что в последующей античной литературной традиции вакхическими чертами были наделены внешность, характер и поведение Полиоркета, а сама его жизнь сопоставлена с судьбою Диониса (Plut., Demetr. I, 7; II, 3; XIX, 6; XLV; LII, 1-2; Diod., XX, 92, 3)[33]. Весьма примечательно также, что сын Деметрия Антигон Гонат стремился предстать перед поданными в образе Пана - спутника и потомка Диониса[34]. С чертами Пана изображался иногда Птолемей I[35] – «спутник» и фиктивный родственник дионисийского Александра. На некоторых изображениях Птолемею придавались и вакхические черты[36].

Таким образом, феномен дионисизации культа правителя явился следствием или, своего рода, симптомом чрезвычайно массового распространения сакрального почитания монархов в эпоху раннего эллинизма. Активное развитие царского культа, акцентированного **[16]** по началу преимуществен-

но на ритуале, вызвало к жизни потребность концептуализировать образы наиболее почитаемых правителей в контексте традиционной религиозно-мифологической системы, представив их по аналогии с первым богочеловеком – Вакхом. «Обожествленные» монархи сопоставились с Дионисом не по каким-то внешним признакам, а по самой своей сути – как люди, обратившиеся в божество. Поэтому глубоко ошибочным является распространенное в научной литературе мнение о том, что дионисизация должна была лишь усилить степень обожествления царя. Монархов сравнивали с Дионисом не просто потому что он был божеством, а потому, что некогда он также был человеком, царем и героем. «Вакхические» правители не превращались в новых богов, как это иногда полагают. Дионис в данном случае выступал в роли идеального прообраза героя-богочеловека, и сопоставление с ним носило символический характер. Оно было призвано вести непривычных для эллинского мира абсолютных «вселенских» монархов в круг традиционных представлений и символов и связать их власть с концептуальными основами бытия. Некоторой аналогией этому действу может служить сопоставление средневековых европейских королей и русских императоров с Иисусом Христом. Феномен дионисизации, таким образом, способствовал формированию новой эллинистической картины мира, важнейшее место в которой постепенно занимал богоподобный царь-герой.

Примечания

1. См. напр.: Rose H.J. The Departure of Dionysos //Annals of Archaeology and Anthropology of the University of Liverpool. – 1924. – V. 11. – P. 25-45; Nock A.D. Notes on Ruler Cult // JHS. – 1928. – V. 48. – P. 21-38; Scott K. The Deification of Demetrius Poliorcetes // AJPh. - 1928. – V. 49. – P. 139-143, 217-239; Tonriau J. La dynastie Ptolemaique et la religion dionysiaque // Cd'E. – 1950. – V. 25. – P. 283-316; Tondriau J. Dionysos, dieu royal. Du Bacchos tauromorphie primitiff aux souverains hellenistique Neoi Dionysoi // Melanges H., Gregoire. – Bruxelles, 1953. – P. 411-456; Неверов О.Я. Митридат Дионис // Сообщения Гос. Эрмитажа. – 1973. - № 37. – С. 41-45; Goukowsky P. Essai sur les origins du mythe d'Alexandre. – Nancy, 1978-1981. - V. 2. – P. 75-93; Donderer M. Dionysos und Ptolemaios Soter als Meleager – zwei Gemälde des Antiphilos // Zu Alexander der Grosse. Festschrift G. Wirt. – Amsterdam, 1988. – Bd. 2. – S. 781-799. **[17]**
2. Nock A.D. Op. cit. – P. 21-31.
3. Ibid. – P. 27-31.
4. Tarn W.W. Alexander the Great. – Cambridge, 1950. – V. 2. – P. 45-60; Cerfaux L. Tondriau J. Un concurrent du christianisme: Le culte des souverains des souverains dans la civilization Greco-Romaine. – Tournai, 1957. – P. 148-167; Goukowsky P. Op. cit. – V. 1. – P. 131-145; Holbl G. Geschichte des Ptolemдerreichs. Politik, Ideologie und religiose Kultur von Alexander der Grosse bis zum romischen Eroberung. – Darmstadt, 1994. – S. 86-87; Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. – Oxford, 1972. – V. 1. – P. 205-20; Stewart A. Faces of Power. Alexandr's Image and Hellenistic Politics. –Berkeley; Los-Angeles; Oxford, 1993. – P. 156-177.
5. Kienst D. Alexander, Zeus und Ammon // Zu Alexander der Grosse… - S. 304-333; Mшrkholm O. Early Hellenistic Coinage from Accession of Alexander to the Peace of Apame (336-188 B.C.). – Cambridge, 1991. – P. 63-65; Gokowsky P. Op. cit. – P. 141-145.
6. Athen., V, 201- d – 202 b; Tondriau J. La dynastie… - P. 284-285; Rice E.E. The Grand Processsion of Ptolemy Philadelphus. – Oxford, 1983. – P. 12-35.
7. Davis N., Kraay C. The Hellenistic Kingdoms. Portrait Coins and History. – L., 1973. – P. 108, Ill. No. 49-52. В этом изображении ранее видели портрет самого Селевка Никатора (См.: Newell E.T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints. – N.Y., 1938. – P. 154-156; Funk B. Die Wurzeln der hellenistischen Euergetes-Religion im Staat und in den Stadten des Seleukos Nikator // Hellenische Poleis. – B., 1973. – Bd. 3. – S. 1298-1300). Однако Ф. Тэгер и Р.А. Хэдли убедительно доказали, что здесь изображен именно Александр – см.: Hadley R.A. Seleucus, Dionysus or Alexander? // Numismatic Chronicle. – 1974. – P. 9-13; Taeger F. Charisma. Studien zur Geschichte der antike Herrscherkultes. – Stuttgart, 1957. – S. 281-283; ср.: Smith R.R.R. Hellenistic Royal Portraits. – Oxford, 1988. – P. 60-61.

8. Hadley R.A. Seleucus… - P. 10-12; Hadley R.A. Royal Propaganda of Seleucus I and Lysimachus // JHS. – 1974. – V. 94. – P. 56-57; Taeger F. Op. cit. – S. 282; Smith R.R.R. Op. cit. – P. 61; Grainger J.P. Seleukos Nikator: Consructing a Hellenistic Kingdom. – L.; N.-Y., 1990. - P. 210-212.
9. Hadley R.A. Royal Propaganda… - P. 56-58.
10. Nock A.D. Op. cit. – P. 24-27; Goukowsky P. Op. cit. – V. 1. – P. 139-144.
11. См.: Нефедов К.Ю. Птолемей I Сотер и учреждение культа Александра Македонского в Александрии // Античный мир. – Белгород, 1999. – С. 20-26; Leschhon W. “Gründer der Stadt”: Studien zu einem politisch-religiosen Phдnomenon der griechische Geschichte. – Wiesbaden; Stuttgart, 1994. – S. 210-218; Fraser P.M. Op. cit. – P. 210-215.
12. Hadley R.A. Royal Propaganda… - P. 54-55; Goukowsky P. Op. cit. – V. 1. – P. 211-213. **[18]**
13. Hadley R.A. Royal Propaganda… - P. 56-58.
14. Иванов Вяч. Дионис и прадионисийствою – Спб., 1994. – С. 68-73; см. также: Henrichs A. “He Had A God On Him”: Human and Divine in the Modern Views of Dionysus / Masks of Dionusus. – N.Y., 1993. – P. 239-258.
15. Graf F. Textes orphiques et ritual bacchique // Orphism et Orphee en l’honneur de J. Rudhardt. – Geneve, 1991. – P. 87-102.
16. Иванов Вяч. Указ. соч. – С. 68-90.
17. Ср.: Taeger F. Op. cit. – S. 218-219.
18. Derichs W. Herakles. Vorbild des Herrschers in der Antike. – Köln, 1950. – S. 68-88; Tondriau J. Rois Lagides compares ou identifies a des divinites // Cd’E. – 1948. – V. 23. – P. 127-134.
19. См.: Нефедов К.Ю. До питання про культ Птолемея I на Родосі // Актульні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. – Харків, 1998. – Вип. 3. – С. 134-138.
20. См.: Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – М., 1987.
21. Goukowsky P. Op. cit. – V. 1. – P. 139-144.
22. Grainger J.P. Op. cit. – P. 103-125.
23. Обычно полагают, что уподобиться Дионису стремился еще отец Деметрия – Антигон Одноглазый (см.: Tondriau J. Dionysos, dieu royal…- P. 455; Scott K. The Deification… - P. 154, 223; Kertesz I. Bemerkungen zum Kult des Demetrios Poliorcetes // Oikumene. – 1978. – Bd.2. – S. 168; Самохина Г.С. Афины и ранние Антигониды (к вопросу об эволюции культа правителя в раннеэллинистический период) // Античная гражданская община. – Л., 1986. – С. 70-71; Goukowsky P. Op.cit.V.1. - P. 120). Основанием для такого заключения служит высказывание Геродиана о том, что некий царь Антигон «…во всем подражал Дионису, покрывая голову плющом вместо кавсии и диадемы и нося в руках тирс вместо скипетра» (Ab excessu divi Marci. I, 3, 3). Однако видеть в этом монархе именно Антигона Одноглазого нет оснований. Геродиан упоминает его в числе преемников Александра, получивших царскую власть в молодом возрасте, в то время как Антигон Одноглазый стал царем в 76 лет. Поэтому в упоминаемом Геродианом Антигоне следует видеть, скорее, Антигона Гоната, получившего царскую власть в 34 года. Популярная в прошлом гипотеза В. Тарна о том, что Антигон Гонат никогда не получал божеских почестей и запрещал культ своей особы в настоящее время опровергнута эпиграфическими данными (см.: Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. – М., 1999. – С. 163-166).
24. Habicht Chr. Gottmenschentum und griechische Städte. – München, 1970. – S. 49-55.
25. IG ^{2}, II, No. 649; Plut., Demetr. X-XIII; Habicht Chr. Op. cit. – S. 45-54. **[19]**
26. Mшrkholm O. Op. cit. – P. 50-53; Smith R.R.R. Op. cit. – P. 22-27.
27. Scott K. Op. cit. – P. 223-234; Tondriau J. Demetrios Poliorcetes, Neos Theos // BSAA. – 1949. – V. 38. – P. 2-7; Kertesz I. Op. cit. – S. 162-172; Habicht Chr. Op. cit. – S. 213; Самохина Г.С Ук. соч. – С. 70-73.
28. Scott K. Op. cit. ; Tondriau J. Demetrios Poliorcetes…; Cerfaux L., Tondriau J. Op. cit. – P. 171-187; Taeger F. Op. cit. – S. 258-275; Habicht Chr. Op. cit. – S. 42-82; Нефедов К.Ю. О возникновении культа Антигона Одноглазого // Древности: 1997-1998. – Харьков, 1999. – С. 90-95.
29. Bengtson H. Die Diadochen. Die Nachfölger Alexanders der Grossen. – München, 1987. - S. 101-106.
30. Habiccht Chr. Op. cit. – S. 53-55.
31. Price S.R.F. Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor. – Cambridge, 1986. – P. 222-223.
32. Begtson H. Op.cit. – S. 104-105.
33. Scott K. Op. cit. – P. 223-227.
34. Laubscher H.P. Hellenistische Herrscher und Pan // MDAI (A). – 1985. - Bd. 100. – S. 348-349.
35. Ibid. – S. 346.
36. Donderer M. Op. cit. – S. 781-799.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ: ОТ «МИФА» К «ЛОГОСУ» И ОБРАТНО

А.В. Хазина (Нижний Новгород)

Проблема соотношения мифа и утопии в культурно-историческом аспекте чрезвычайно обширна, чтобы быть рассмотренной в одном исследовании, но очень важна для анализа генезиса античной утопической мысли в целом и эллинистической утопии в частности. Миф постоянно используется античными мыслителями в самых различных формах и не только не утрачивается в утопических конструкциях, но и рационалистически перерабатывается. Поэтому необходимо остановиться на важнейших аспектах соотношения мифа и утопии применительно к эллинизму.

В связи с этим, на наш взгляд, важны принципы анализа античных утопий, предложенные итальянским ученым А. Джаннини. Основываясь на идеях Роде и Мамфорда, он стремится представить эволюцию «утопии бегства» или «сентиментальной идиллии» от мифа **[20]** к реальности, предлагая выделять в утопических идеях - мифические, фантастические и исторические элементы. При этом, повествования о «золотом веке» и «островах блаженных» Джаннини рассматривает как представления о рае, обращенные и в прошлое, и будущее, а переход к историческим преданиям, идеализирующим примитивные народы, (например, в утопиях Феопомпа, Гекатея, Ямбула) как результат постепенной рационализации утопической мысли[1].

Разумеется, мифические, фантастические и исторические элементы часто соединяются в одном утопическом повествовании, но предложенный подход отражает постоянное взаимопереплетение мифа и утопии в античной общественной мысли, свойственное затем практически всем историческим эпохам.

Понятие «мифическая утопия», которое употребляют, например, Г. Болдри и Р. Мюллер, для эллинистической утопии имеет особый смысл, определяемый «симпатическим» вниманием к старине и традиции[2].

«Мифическая утопия» включает в себя многообразные варианты легенды о «золотом веке». Чтобы выявить роль мифов и их элементы в эллинистической утопической традиции, остановимся на соотношении мифа и утопии в предшествующем утопическом опыте.

Легенды и сказания о «золотом веке», широко распространенные в фольклоре у разных народов, в мифологии древних греков имели этиологическую функцию (буквально «причинную»), т.е. объясняли появление различных природных и культурных явлений и «социальных объектов»[3]. Некоторые исследователи считают, что они еще не имеют отношения к представлениям о «природном» равенстве людей[4].

Но уже у Гомера и Гесиода встречаются утопические контексты мифа, связанные с противопоставлением идеализируемого прошлого несовершенной действительности. Так, Гомер создает воображаемый миф героического прошлого, который представляется ему как правильно

устроенная аристократическая община, не знающая борьбы между знатью и «худородными».

Давая в «Одиссее» красочное описание Елисейских полей, где ведут вечную блаженную жизнь герои - любимцы богов (Od. IV. 561-569), Гомер полностью противопоставляет картину «островов блаженных» горестной жизни, которую ведут бесплотные тени **[21]** в Аиде, а также опасностям, которым подвергаются люди на Земле. Вместе с тем, утопические мотивы в поэмах Гомера не отделялись в сознании их автора от воображаемой общественной гармонии, существовавшей как на земле, так и на Олимпе (Od. VI. 44-46). Еще была сильна зависимость от традиционной архаической мифологии, которой не была свойственна социально-критическая функция и которая смешивала фантастическое с реально существующим, идеальное с реальным, невозможное с возможным, желаемое с действительным[5].

Но в образах идеальных народов, какими представлены в «Илиаде» «справедливейшие абии» (VIII. 6), «непорочные эфиопы» (I. 423-424), феаки, в феакийском круге рассказов из «Одиссеи» Гомера (Od. VI, VII), а также в многочисленных зарисовках «островов блаженных» и «золотого века» в «Трудах и днях» Гесиода (Hes. Ergg. 90-95; 117; 122-126; 230-237) присутствует оппозиция между божественным, идеальным порядком и миром, в котором пребывают люди из-за совершенных злых поступков. Следовательно, как отмечает Ф. Полак, здесь уже проявляется демифологизирующая функция утопии[6], которая в греческой утопической мысли не доходила до полного отрицания мифических элементов, отражая движение двух дивергентных социальностей античности: олимпийско-мифологический ритуальный контекст с мифологически ориентированным знанием и собственно теоретический, научный способ мысли и знания.

В дальнейшем изображенные Гомером и Гесиодом «идеальные народы», «острова блаженных» воспринимались последующими поколениями греческих утопистов как канон, в соответствие с которым, изображались «золотой век» или «жизнь при Кроносе».

У Платона греческое μυθος было многозначным понятием, и далеко не все его смыслы относились к художественным и вообще конкретным текстам. Миф у Платона выступает не только как «живое, наивное, тождественное себе», но и как «...иное себе... иносказание или символ»[7].

Миф, как сфера мечтаемого, устремленного в будущее был синонимичен платоновской утопии. А двойственное отношение афинского мыслителя к мифу вызывало амбивалентность собственно платоновского утопизма[8]. **[22]**

Так, к древней мифологии Платон относится критически, укоряя фантазии Гомера и Гесиода за несоответствие философской истине и философской нравственности; он изгоняет мифотворцев-поэтов из своего идеального государства, но тут же сам переходит к конструированию собственной мифологии. В «Законах» философ рационалистически перерабатывает народную легенду о «жизни при Кроносе», и теория идеального общества выстраивается с учетом конкретных географических

(Plato. Legg. IV. 704), социально-исторических условий (количество семей, их культурный уровень) (Ibid. IV. 707). В «Государстве» же он создает собственные мифы, развивающие сложившуюся во второй половине IV в. традицию идеализации «отеческой конституции».

Платон использует элементы гесиодовского рассказа о смене поколений для создания своей идеологической конструкции, с помощью которой основатели государства могли бы влиять на будущие поколения стражей и «третьего сословия», чтобы закрепить в их сознании при помощи «благородного вымысла» идею вечности и низменности иерархического порядка в реальном полисе (Plato. Resp. III. 415a-d; VIII. 546e-547c)[9].

В «Государстве» утопическое творчество Платона соединило миф и логос в рамках конструктивного воображения (Plato. Legg. IV. 501c), что явилось качественным признаком соотношения утопии и мифа в классической утопической традиции.

Для Платона обращение к мифологическим образам и создание собственных «мифов» представлялось самым естественным и доступным способом достижения понимания со стороны тех, к кому он обращал свою проповедь нового общественного идеала. Как отмечает А. Бортолотти: «...у различных классов и сословий в различных городах Греции верования и культы были достаточно разнообразны и одни и те же проблемы... часто осознавались различным образом. Различные способы понимания религии, различные верования, различные формы культа сосуществуют часто в то же самое время в том же самом городе, а нередко и в одном и том же человеке»[10]. У эллинистических утопистов потребность в использовании мифов актуализировалась в еще большей степени.

Разрастание общественно-государственной жизни, втягивание, с походами Александра, в рамки одной политической системы **[23]** огромных территорий с различным этническим составом, уровнем культуры, социальной организацией, различными условиями экономической жизни, политической обстановки определяли синкретизм эллинистической культуры, в которой синтезировались наиболее устойчивые местные элементы с принесенными завоевателями, греками и негреками. Потребности греко-эллинистического мифа побуждали утопическое конструирование к актуализации мифа и различных анахронизмов.

В такой ситуации авторам утопических проектов приходилось обращаться к языку, наиболее доступному и понятному для большинства сограждан. Разумеется, самыми традиционными были народные мифологические представления.

Своеобразие формы утопических проектов эллинистического времени определялось довольно нарочитой установкой на комбинирование деталей из различных по своему идейному составу легенд, и это отражалось на содержании утопии.

Так, легенды о «золотом роде»[11], «жизни при Кроносе» и «далеких странах» соединяются в повествовании с жесткими утопическими построениями.

Примером крайнего влияния мифологических преданий на идеологические конструкции может служить повесть Феопомпа о Меропии. На «неизмеримом по величине» материке - Меропии, который лежит «ἔξω τουδε του κόσμου», живут люди, вдвое превышающие ростом и продолжительностью жизни всех смертных. Благодатная земля обильно питает все живое (Ael. V. H. III. 18 = FGrH. 115F, 75C). Лежащая за пределами ойкумены Меропия подобна материку «блаженных»- этому устойчивому образу греческой мифологии.

Как в платоновском мифе об Атлантиде, рассказанном в «Тимее», «Критии» и повествующем о борьбе между небольшой, но идеально управляемой общиной с огромной державой, которой свойственны «извращенные формы правления» (Plato. Resp. IV. 422a-423в), так и в повествовании о Меропии происходит раздвоение утопического идеала. Феопомп противопоставляет два самых больших города этого материка - Μάχιμος (Воинственный) и Ευσεβής (Благочестивый). Жители последнего подобны избранным богами гомеровским эфиопам, ибо «живут в мире и великом богатстве, извлекают плоды из земли, не возделывая и не засевая ее, без плуга и быков. **[24]** Всегда здоровые и умирающие со смехом и радостью они так справедливы, что боги пребывают вместе с ними» (Ael. V. H. III. 18 = F Gr.H. 115F, 75C), словно «непорочные эфиопы», к которым Зевс «с сонмом бессмертных» регулярно отправляется на пиры (Ill. I. 423-423). Граждане же Махима как и «Медный род» - поколение старших воителей у Гесиода (Hes. Ergg. 143-145) самые воинственные (Ael. V. H. III. 18 = FGrH. 115F, 75C).

В утопическом труде Гекатея о гипербореях, который во многом совпадает с изображенным Гекатеем «киммерийским государством» (Schol. Apoll. Rhod. II. 675; II. 34, 386-388; VII. 3, 6), утопический образ перемещается на остров гипербореев, расположенный в Северном океане и равный по величине Сицилии.

Благодаря отрывку, сохранившемуся у Диодора Сицилийского[12] можно понять, что главным для Гекатея было назидательное описание благочестивого народа, живущего под покровительством великого Аполлона на необыкновенно плодородном острове (Diod. II. 47; Pind. Ol. 3, 16).

В греческой мифологии гипербореи, особенно любимые Аполлоном (Himer. Orat. XIV. 10), вместе с эфиопами, феаками, лотофагами относились к числу народов, близких к богам и любимых ими. Гипербореи вели блаженную жизнь, сопровождавшуюся, по легенде, песнями, танцами, музыкой и пирами; вечное веселье и благоговейные молитвы были характерны для этого народа жрецов и слуг Аполлона (Pind. Pyth. X. 29-47). По-видимому, Гекатей, также как и Феопомп, выражает утопические образы через фольклорные и мифологические мотивы, выступая продолжателем традиций литературной утопии Гесиода и Платона.

И вновь образ «островов блаженных» возникает в «Священной записи» Эвгемера. Э. Роде, характеризует Эвгемера как автора «воздвигшего современный утопический роман о путешествии в качестве роскошных входных ворот, ведущих в пустыню его собственного прагматизирующего

искажения мифов»[13].

Во всяком случае, такая точка зрения не противоречит мнениям античных и средневековых авторов, которые воспринимали Эвгемера, прежде всего, как создателя оригинальной теории происхождения веры в богов. По Эвгемеру, эти боги первоначально были выдающимися людьми, а впоследствии удостоились божественного **[25]** статуса за свои благодеяния (Diod. VI. 2; VI. 1, 6; V. 46, 3; Plutarhus. De Iside et Osiride. 23; Aug. De civit.VI. 7.1; VII. 21.1). Отрывки из «Священной записи», сохранившиеся у Диодора[14] и изображающие красочный пейзаж Панхайи - одного из трех «счастливых» островов, позволяют считать, что основной причиной создания этого произведения было рационалистическое толкование мифологии, которое, однако, не помешало созданию своего утопического идеала, связанного с представлением о «благодатном острове», на котором идеальная природа сопутствует счастливой жизни «благородных» и «доблестных» местных жителей (панхайев).

На Панхайе есть «...всякие сады и луга с разными плодами и цветами», «здесь растут густые беспрерывные леса с высокими деревьями» и множеством птиц, так что «... весь вид этой местности наполнен божественным величием, и это делает ее достойной богов этой страны» (Diod.V. 43. 2). Плодоносные орешники и виноградники дают обильное пропитание жителям, не требуя обработки (Diod. V. 43. 3). На острове такое изобилие ладана, что его хватит воскурить фимиам богам всего мира (Diod. V. 41. 4). Земля Панхайи богата золотом, серебром, медью, оловом и железом (Diod. V. 46. 4). «Населяют остров не только коренные жители, называемые панхайами, но и народы пришлые - океаниты, индейцы, скифы и критяне» (Diod. V. 42. 4). Как считает В.А. Гуторов, можно предположить, что в «Священной записи» был рассказ о борьбе благородного и дикого народов которая кончилась прямым вмешательством богов и изгнанием дойев Амоном, после чего на острове остались только благородные народы. Во всяком случае, очевидно, что Гекатей как и Феопомп использует давнюю традицию противопоставления, сначала в мифологии, а затем в греческой утопической литературе, справедливых и несправедливых народов, «золотого рода» с «серебряными людьми» (Hes. Ergg. 127-139) и «медным родом» (Ibid. 143-145), подобных феакам и киклопам у Гомера или атлантам и древним афинянам у Платона.

Наконец, Ямбул, воспринимая «сад Алкиноя» (Hom. Od. 82-105; 112-132) топосом «земного рая», переносит волшебный образ на природу созданных его воображением далеких островов Солнца (Diod. II. 56. 7). Еще Лукиан (II в. н.э.) рассматривая ряд фантастических повествований, созданных греками за тысячелетний период и критикуя утопические вымыслы книдийца Ктесия и Ямбула, **[26]** отмечал их взаимосвязь с «Одиссеей» Гомера и называл Одиссея «руководителем, научившим описывать подобного рода несообразности...» (Luc. V. H. 1, 3. Пер. К.В. Тревер).

Очевидно, что и Ямбул в утопической конструкции использовал

многочисленные зарисовки «золотого рода», характерные для более ранних произведений этого жанра. «Взяв Солнечный остров Ямбула, о котором рассказывает Диодор, мы тотчас видим, что остров Солнца близок «золотому веку», который воспроизводит греческий миф, и который раньше получает формулировку в поэме Гесиода «Труды и дни» и изображает людей «золотого века» как игнорирующих не только тяжелую работу, но и законы старения и смерти»[15].

Таким образом, следует обратить внимание на то, что Феопомп, Гекатей, Эвгемер и Ямбул активно используют в своих утопиях мифологические мотивы «священных мест», идеальной природы, благообразного образа жизни избранных богами народов. Причем миф у них становится не местом действия идеализированного прошлого, объясняющего происхождение явлений настоящего, но основой морального примера и даже больше – источником всевозможных утопических вымыслов, из которых создается утопическое пространство. Используя мотив изобильной природы, «Священных островов», Феопомп, Гекатей, Эвгемер и Ямбул достигают утопического идеала абсолютной автономии и автаркии, т. е. полной обеспеченности и независимости, при которых отпадает необходимость в труде.

Мотив благообразной жизни «избранных народов» перевоплощается в утопический идеал счастливого образа жизни.

Такая установка утопических проектов на комбинирование деталей из различных легенд и мифологических образов не обязательно свидетельствует о растворении эллинистической утопии в мифе, архаизации, обращении ее идеала в прошлое, как полагает Р. Бихлер. Актуализация мотивов «блаженных островов», «золотого рода» могла быть вызвана причинами чисто рационального характера. Достаточно вспомнить, как после походов Александра Македонского и его полководцев активизировался интерес греков к географии; в сочинениях же эллинистических историков география занимает гораздо большее место, чем у их предшественников.

Полибий, Посидоний, Страбон были известны не только как историки, но и как географы. Сам Диодор, по-видимому, побывал в **[27]** некоторых районах Азии и Европы, посетив Сицилию, Италию и Египет (Diod. I. 22. 2; 44, I. 83. 8).

Известно, что Гекатей жил в Египте, в результате чего им была написана «Египетская история», отрывки из которой приводит Диодор (Diod. I. 73-74).

В. Элер предполагает, что Ямбул совершил плавание на Цейлон и был «первым человеком греческого мира, который жил на Цейлоне. Его можно воспринимать как серьезного географа и ни в коем случае, как социального утописта». Даже если путешествие Эвгемера от берегов «Счастливой Аравии», предпринятое им по поручению его друга царя Кассандра, (Diod. VI. 1. 4) и Ямбула в «счастливую Аравию», к «островам Солнца», а затем в Индию, являются лишь элементами историко-литературной фикции[16], все же они могут свидетельствовать о своеобразном ренессансе глубокого интереса

греков к различным сторонам жизни других народов[17].

В начале III в. до н.э. также появляется обширная литература, посвященная описаниям жизни «варварских народов»; в частности, до нас дошел рассказ Эфора о добродетельном «природном» образе жизни скифов (FGr.H. 70F. 42, 158). Поэтому утопическая мысль, не теряя самостоятельности, начинает переплетаться с описанием удивительных явлений, связанных с образом жизни других народов.

Поиски идеала в дальних странах, соединяясь с усилившимся географическим и этнографическим интересом, в условиях кризиса полиса могли ассоциироваться с жизнью на «островах блаженных», «золотым родом», являясь утопической конкретизацией мифологических представлений, но не растворяясь в них.

Примером десакрализации и рационализации мифа в эллинистической утопии может служить явное стремление утопистов представить «совсем иное общество». Как отмечает в своих комментариях к Диодору А. Бэртон, Гекатей, восхищавшийся египетской кастовой системой, отчетливо противопоставляет ее «анархии», царящей в греческих полисах[18].

В целом можно констатировать, что обращение эллинистической утопии к мифу и даже некое «ренессансное» отношение к нему определилось несколькими причинами. Истоки сложного и неоднозначного взаимодействия между миром и утопией лежали в их генетическом родстве, признаки которого выделяются в наличии бинарных **[28]** оппозиций мира подлинного и иллюзорного, которые приобретали в утопии новый смысл, фиксируя оптимистическое стремление к изменению мира в области художественной фантазии; а также во временных представлениях, где ретроспективный характер утопических стремлений был во многом обусловлен временным восприятием, характерным для мифологической картины мира. И в этом смысле эллинистическая утопия находилась в традициях как гомеровского и гесиодовского эпоса с его утопическим контекстом, так и платоновских утопических построений, в целом, отражая общий характер соотношения религиозно-мифологических и рационалистических представлений в античной культуре. Но если для Гомера и Гесиода соотношение мифа и утопии характеризовалось разложением традиционной архаической мифологии и активизацией демифологизирующей функции утопии, а у Платона утопия и «платоновские мифы» практически не имели ничего общего с мифологией в собственном смысле, (миф полностью утратил характер верования и рационалистически использовался в методологической основе теории развития общества), то специфика эллинизма состояла в «прочувственном» отношении к мифу и мифопоэтизирующей рациональности утопического конструирования. Обращение эллинистической утопии к мифу можно выразить словами Руссо: миф это «то, что было когда-то физически или понятийно» и «к чему, может статься, следует вернуться вновь»[19].

Актуализация мифа в утопиях Гекатея, Эвгемера и Ямбула была вызвана также влиянием кризисной исторической ситуации и может

рассматриваться как вполне сознательная архаизация, стремление облечь свою мысль в близкие массовому сознанию мифологические формы. Положение, которое открывал для себя человек восточно-эллинистической цивилизации перед лицом истории, привело к тому, что внутренними психологическими стимулами утопического творчества стали выступать стремления всеми средствами остановить нежелательное развитие событий. Поэтому критическая функция утопического конструирования, со свойственным ей стремлением к рационалистической оформленности отступила на задний план, а компенсаторная, выдвигаясь, начала тяготеть к внелогическим познавательным процедурам - вере, нравственному инстинкту, этико-мистическому переживанию. Утопия вполне закономерно вернулась **[29]** к форме, в которой наиболее отработаны все эти процедуры - к мифу. Отсюда и повышенный архаизирующий пафос и мифологизирующий тон эллинистических утопий.

Выдвижение же в определяющий принцип общественного устройства, абсолютной справедливости с идеализацией «ликургова космоса» или «естественного состояния» жизни общин, древневосточной иерархии может рассматриваться как дальнейшая разработка ведущего идеала античного мировоззрения – «автаркии», в противовес пришедшей в упадок полисной организации. И в этом смысле эллинистическая утопия стремится к поиску новых идеальных форм общественной жизни, разработанных на основе законов разума, продолжая традиции рационалистической утопии классического периода.

Примечания

1. Giannini A. Mito e utopia nella letteratura greca prima di Platone // RIL. Classe di Lettere. 101. 1967. P.101.

2. Baldry H.C. Ancien Utopias. Southampton, 1965. P.4; Muller R. Grundprobleme der aristotelischen Geselschaftstheorie // Muller R. Menschenbild und Humanismus der Antike. Leipzig, 1980. S.286.

3. Мелетинский Е. М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь. М., 1990. С. 635.

4. Лурье С. Я. История античной общественной мысли. Общественные группировки и умственные движения в эллинском мире. М.-Л., 1929. С. 40-43.

5. Finley M.I. The World of Odysseus. New York, 1962. P.154, 157; Ferguson J. Utopias.of the Classical World. L., 1975. P. 11-12.

6. Polak F. The Image of Future. Vol.1. Leiden;N.Y., 1961.P.419.

7. Аверинцев С. С. Неоплатонизм перед лицом платоновской критики мифопоэтического мышления // Платон и его эпоха / Отв. ред. Кессиди Ф.Х. С. 83-84.

8. Отечественные и зарубежные исследователи Платона С.С. Аверинцев, А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи, Г. Керн, Т. Ллойд и другие показали, что в семантическом контексте греческого философа "миф" может означать чудесный рассказ о богах, о героях, о давних временах, но может значить и "слово" - священное слово, мнение, вообще речь.

9. В "Государстве" же разговор о преобразованиях общественной жизни имеет гипотетический характер: "где-то на небе", а не в Средиземноморье; постоянно используемые формулы "утверждаю", "запрещаю", "разрешаю" подчеркивают возможность, которой в действительности не существует. **[30]**

10. Bortolotti A. La religione nel pensiero di Platone dai primi dialoghi al Fedro. Firenze,1986. P.5.

11. Мы пользуемся вслед за Г. Болдри, Б. Гатцем, Ю.Г. Чернышовым понятием "золотой род", т.к. за разницей в переводах -"золотой род" и "золотой век", скрывается разница в восприятии исторического времени, в сути утопических интерпретаций мифологических преданий о "жизни при Кроносе" и о "Сатурновом царстве ". См. Baldry H.C. Who invented the golden age? // CJQu. Vol. 46. 155. № 1. P.83-92; Gatz B. Weltalter, goldene Zeit und sinnverwandete Vorstellungen (Spudasmata,16). Hildesheim, 1967. S.204-206; Чернышов Ю.Г. О возникновении понятия "золотой век" // Проблемы политической истории античного

общества. Л., 1985. С. 124-132.

12. Сам Диодор очень внимательно относился к мифу, рассматривая его как отражение человеческого опыта, сохранившегося в качестве пережитка в памяти потомства. Сокрушаясь, что мифологическая история не заняла подобающего места в историографии (Diod. IV. 1. 1), в "Исторической библиотеке" он добросовестно собирает различные мифологические рассказы и исторические курьезы. В этом многие исследователи видят влияние эвгемеровской традиции. См.: Spoeri W. Spat hellenistische Berichte uber Welt, Kultur und Gotter. Basel. 1959. S.190ff.; Строгецкий В.М. Введение к "Исторической библиотеке Диодора Сицилийского и его историко-философское содержание // ВДИ. 1986. № 2. С. 70.

13. Rohde E. Der griechische Roman und seine Vorlaufer. Berlin. 1960. S. 237.

14. "Священная запись" дошла до нас в довольно хорошей степени сохранности, по-видимому, не только благодаря бережному отношению к мифу самого Диодора, но и его особому интересу к проблеме соответствия совершенной общественной жизни идеальной природе. (Diod. I. 1. 3). См. Трофимова Н.К. К пониманию "утопии Ямбула" у Диодора Сицилийского // История социалистических учений/ Под ред. А.А. Искендерова. М., 1982 . С. 245-247.

15. Mossé Cl. Les utopies égalitaries a l'epoque hellenistique // RH. 1969. T. 242/2. P. 300-301.

16. Ehler W.W. Mit dem Sudwestmonsun nach Ceylon. Eine interpretation der Jambul-Exzerpte Diodors // WJA 1985.XI.S.80. Некоторые исследователи, например, И.Г. Дройзен, У. Тарн, отстаивают версию о реальности событий, связанных с путешествием Эвгемера. См.: Jacoby F. Euhemeros // RE. 1909. Vol. VI/I. S.952.

17. Так, в историографии предпринимается ряд попыток идентифицировать остров, описываемый, например, в утопии Ямбула, с реально существующим - Цейлоном или Борнео. Rohde E. Die griechische… S.251-256. См. также: Ferguson J. Utopias... P. 125-126; Ehler W.W. Mit dem Sudwestmonsun… S.80. **[31]**

18. Burton A. Diodorus Siculus. Book 1. Commentary 1. Leiden, 1972. P.217-218.

19. Rousseau Y.-Y. Discours sur l'origine et les fondemens de l'inegalite parmi les hommes. Amsterdam, Rey, 1755 // Rousseau Y-Y.Oeuvres completes, a cura di J.Storrobinski. Paris, 1964, V.III.P.123.

О ХАРАКТЕРЕ НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЙ ИСТОРИИ ХЕРСОНЕСА В I В. ДО Н.Э.

Е.Я. Туровский (Севастополь)

Выдающийся российский ученый-нумизмат А.В. Орешников выдвинул в свое время гипотезу, принятую другими исследователями, согласно которой вслед за разгромом боспорского царя Фарнака последовала «первая элевтерия», которую город получил от Цезаря в 45 г. до н.э. /Орешников,1922/. Около этого года был осуществлен выпуск, запечатлевший столь славное событие в истории полиса. Это выпуск медных оболов, имеющих две разновидности: первая имеет надпись ΕΛΕΥΘΕ ΧΕΡCΟΝΗC, изображение бодающего быка на аверсе и Деву, поражающую лань, и монограмму ΠΑΡ на реверсе; вторая – монетами с теми же типами, меняющимися местами: на лицевой стороне Дева с ланью и надпись ΧΕΡC ΕΛΕΥ, на оборотной – бык и имя ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥ.

На оболе второй разновидности в последний раз в монетной практике Херсонеса в легенде монеты появляется личное имя монетного магистрата. Думается, что сам этот монетный выпуск был наполнен для херсонеситов глубоким символизмом и смыслом: типы аверса и реверса дают два наиболее популярных сюжета полисных монет эпохи независимости, которые, очевидно, выступали в качестве гербов (παρασιμον) Херсонеса.

В период первой элевтерии, как показывают памятники лапидарной эпиграфики, происходит возврат к способу правления, существовавшему в горо-

де до его подчинения Митридату и Фарнаку. В этом смысле показательно, что на элевтерийном выпуске появляется **[32]** имя контролирующего монетную чеканку чиновника. Впрочем, в данном случае это, по-видимому, не более чем дань утраченной к I в. до н. э. традиции.

Вскоре (приблизительно к 20-м гг. до н.э.) происходят изменения в государственном строе Херсонеса (декреты в полисе принимаются уже не от лица диойкета и номофилаков, а от лица проэдров). Большинство исследователей объясняют данное обстоятельство аристократизацией политического режима в Херсонесе. С апреля 24 г. до н.э. в городе начинается новое летоисчисление /Анохин, 1963/. По поводу причин введения так называемой «херсонесской эры» существуют различные точки зрения. Поскольку на декретах II в. н.э. наряду с датами херсонесской эры упоминается «царствующая Дева» (βασιλευοΰσης Παρθένου), возникла гипотеза, согласно которой новая эра была принята в связи с провозглашением Девы царствующей. По мнению Г.Д. Белова, принятие эры связано с получением Херсонесом статуса свободного города от императора Августа /1948, с.97-98/. Против такой возможности выступил В.А. Анохин, который вполне справедливо отметил, что, во-первых, на монетах должно было бы присутствовать указание на «свободу», как во времена «первой» и «второй элевтерии»; во-вторых, именно для этого периода имеется свидетельство Страбона о подчинении Херсонеса Боспору (Strabo,VII, 4,3). Как известно, «первая элевтерия» не вызвала появления особой эры, и, напротив, принятая в 24 г. до н.э. не была отменена в связи с получением городом «второй элевтерии» при Антонине Пии. Короче говоря, утверждение о предоставлении Августом свободы Херсонесу в 24 г. до н.э. нельзя обосновать ни фактами, ни более или менее вероятными предположениями /Анохин, 1977, с. 74-75/.

В свою очередь В.А. Анохин предложил следующую версию. Исследователь, указывая на огромное значение для всей дальнейшей истории Херсонеса события, положившего начало новому летоисчислению, предложил считать таковым историю, переданную Константину Багрянородным в новелле о благородной херсонеситке Гикии /Анохин, 1977, с.75/. Не отрицая возможности присутствия в данной легенде реальной подосновы, считаю, что использовать ее для исторических реконструкций достаточно рискованно. Определение, данное этой главе «Об управлении империей» великим немецким историком Т. Моммзеном, - «херсонесские сказки» и сегодня, на мой взгляд, остается вполне актуальным. **[33]**

Рискну предложить следующее возможное объяснение причины введения нового летоисчисления в Херсонесе. Как видно из сказанного выше, начало этого летоисчисления совпадает по времени с изменением государственного строя. Можно предположить, что пришедшие к власти херсонесские аристократы решили увековечить свою победу введением новой городской эры.

КУЛЬТ АСКЛЕПИЯ В АНТИЧНЫХ ГОРОДАХ

ЗАПАДНОГО ПОНТА В РИМСКИЙ ПЕРИОД

О.М. Ильина (Харьков)

Религиозные верования греческих городов Западного Понта – Аполлонии, Истрии, Одессоса, Томи, Круны-Дионисополя, Каллатии и Месембрии в римский период изучены сравнительно мало, хотя представляют важную часть исторического наследия античного общества в Причерноморье. Религия играла значительную роль в системе государственного устройства греческих полисов, во многом помогала формированию моральных ценностей и этнического самосознания, осмысленного гражданского долга, этических норм, зарождению научного мировоззрения, где почитание, любовь к богам и Отчизне были взаимообусловленными и мыслились как неразрывное целое. Поэтому-то в западнопонтийских полисах и уделялось такое внимание официальным и частным религиозным культам, что имело отражение в сооружении величественных храмов и статуй, проведении пышных праздников и соревнований, упоминании наиболее почитаемых божеств в государственных декретах и изображении их на монетах полисов. Однако, в исторической литературе эта тема не нашла должного освещения. В настоящей работе делается **[34]** попытка воссоздать некоторые аспекты почитания культа Асклепия в античных городах Западного Понта, оставшиеся вне поля зрения исследоватетелей, используя как непосредственные археологические, иконографические, нумизматические и эпиграфические источники, так и свидетельства античных авторов.

Асклепий, как и близкий ему функционально культ Аполлона Врача почитался в западнопонтийских полисах еще с эллинистических времен [1, с.108]. Согласно гипотезе Д. Дечева, впервые представленной в работе «Асклепий как фрако-греческое божество» в 1925 г., традиции поклонения рассматриваемого культа имеют фракийские корни, что подтверждается фракийской этимологией имени божества [2, с.131]. Противоположной версии, об индо-европейском происхождении культа, придерживались М. Попов, Дж. Томпсон, предполагавшие, что культ Асклепия был принесен в античные города Западного Понта из метрополий и сохранялся на протяжении всего периода существования полисов [3, с. 28–30; 5, с. 186–189].

Известно, что в Томи, Одессосе, Месембрии существовали храмы рассматриваемого божества, которые являлись центрами поклонения верующих не только греческих полисов, но и соседних фракийских поселений [1, с. 119]. Расположенные в живописных уголках Западного Понта храмы Асклепия и других здравоносных божеств стали центрами лечения и паломничества. Вероятно, несмотря на развитие медицинской науки с отдельными успешными исцелениями, античная медицина во многом была бессильной. Это заставляло больных искать исцеления в храмах и святилищах Асклепия и Аполлона, которые славились своими чудесными излечениями больных. Возможно, что определенную роль играло психологическое воздействие, или внушение, которому подвергали пациентов после предварительных наблюде-

ний и процедур на начальном этапе их пребывания в храме или святилище [5, с.128]. Данные о положительных результатах при соединении психологических способов воздействия на пациентов с храмовой медициной подтверждают посвящения храма Асклепия, расположенных в зоне римских терм [6, с.27]. Посвящения выполнены в виде рельефного изображения храма, с искусно исполненным фасадом в ионийском стиле. На ступеньках храма изображен Асклепий, его иконография выполнена в классической традиции [7, № 86 bis]. **[35]** Согласно тексту посвящений и археологическому материалу, храм был перестроен и реконструирован во время строительства терм, т.е. во время Антонина Пия и функционировал до III в. н.э. [6, с.199]. Среди паломников храма были греки, римляне, романизированные фракийцы, что подтверждают посвящения, датируемые I – II вв. н.э. [7, № 76 pout., № 8]. Иконография божества отличается многообразием и изяществом. Однако, традиционно продолжают сохраняться элементы и атрибуты, присущие Асклепию в классический период, которые можно разделить на общие (яйцо как символ жизни, змея, огонь, алтарь, кипарис, лавр) и используемые для выполнения лечебной функции божества (свиток папируса, чаша, мак) [8, с.30]. Почитание Асклепия подтверждают и самостоятельные изображения его основного атрибута – змеи, олицетворяющей творческую силу природы, помощника и союзника бога-врача. Связь змеи с подземными силами представляет ее характерным атрибутом хтонического божества, одновременно символизирующего развитие жизни, природы и плодородия [36, с. 170–173]. Исследователи предполагают, что первоначальный теримофорный образ змеи подчеркивал лечебное могущество Асклепия; в римский период он приобретает функции помощника божества при лечении больных в качестве доброго демона, одновременно отнимающего и дающего жизнь, а ежегодная смена кожи символизирует возвращение здоровья после излечения, возрождение жизненных и духовных сил и энергии. В асклепионах, традиционно, змеи являлись неделимой частью храмового инвентаря. Наибольшей популярностью, согласно источникам, пользовался редкий вид змеи из Эпидавра. В своем «Описании Эллады» Павсаний представляет подобный вид змеи, которая была посвящена Асклепию и объявлена священной (Paus. II, 28).

Согласно эпиграфическим источникам, в святилище Асклепия и Гигиеи обращались больные, которым обыкновенная медицина по большей части помочь не могла. В храме пациента тщательно готовили к священному сну, в котором он получал от божества указание на то, каким образом он мог излечиться. Под руководством жрецов паломники проходили обряд очищения, состоящий из купания, окуривания, диеты и т.п. [9, с. 393–395].

После молитв и жертвоприношений богомольцы отправлялись в специально отведенную для сна часть храма, где во сне должна была **[36]** произойти встреча с Асклепием, другими здравоносными божествами или знамениями, впоследствии расшифровывавшимися служителями культа. Если этого не происходило, появлялись жрецы храма в облачении Асклепия. В тех случаях, когда инкубация не помогала, паломника обвиняли в недостаточной вере или нарушении обрядов. Исцеленные пациенты благодарили бога, посвящая ему

надписи, статуи, рельефы, исцеленные части тела, выполненные из мрамора, керамики, металла, или выплачивали деньги за лечение [5, с.135–136; 9, с. 370–371].

К числу предметов, посвященных Асклепию в Одессосе, при храме которого они проходили курс лечения, относятся посвятительные надписи и рельефы, статуэтки Асклепия, Телесфора и Гигиеи, а так же керамические фрагменты рук, ног [10, с.77]. Подобная традиция посвящать богу исцеленные части тела, которые изготавливались из керамики, мрамора, металла существовала в Эпидавре, Афинах, Коринфе [9, с.368; 11, с.64]. В северо-причерноморском полисе Херсонесе археологические источники, подтверждающие исполнение обряда благодарения божества, представлены мраморными и бронзовыми статуэтками Асклепия и Гигиеи [12, с.16], геммой с изображением этих божеств [12, с.16] и, что особенно важно, вотивным изображением больной руки, изготовленной из керамики [5, с.136; 11, с.64].

Вероятно, неотъемлемой частью культового обряда Асклепия были религиозные угощения в честь бога-врача, что подтверждают эпиграфические данные из Карасура, где в римский период существовал храм Асклепия при котором действовало религиозное содружество, проводившее жертвоприношения и связанные с культом пиршества, в честь божества [35, с.147–150]. В содружество «сотрапезников Асклепия» входило 12 романизированных фракийцев, которые, согласно традиции, считали, что ритуальная трапеза в храме Асклепия, в присутствии статуи или рельефного изображения божества, способствовала мистическому объединению с богом, сопричастности с целительными, охранительными силами [35, с.150–151].

Об асклепионе в Месембрии рассказывает надпись в честь Главка Антония, которому за заслуги перед городской общиной был воздвигнут памятник в районе храма Асклепия [1, с.119]. Г. Михайлов датировал посвящение I в. н.э. и предполагал, что Главк Антоний был **[37]** удостоен почести при жизни за храбрость, преданность народу, выполняя жреческие обязанности в храме Асклепия и занимаясь успешным врачеванием паломников [7, №. 315]. Среди привилегий, полученных Главком, были освобождение от налогов, гражданских обязанностей. Надпись интересна тем, что в ней определена профессия служителя культа Асклепия, как «жрец» и «врач», что дает возможность предположить совмещение Главком Антонием обязанностей жреца и врача, существовании храмовой медицины, которая удачно использовалась для исцеления не только горожан, но и военных, находящихся в городе [7, №. 135]. Особой заслугой жреца-врача, по мнению благодарных горожан, являлось воспитание «наследников-последователей», имевших право пользоваться привилегиями Главка Антония [8, с.31]. Очевидно, в Месембрии Главк Антоний стал родоначальником династии врачей, тесно связанной с жреческим аппаратом святилища Асклепия. Посвящение на фрагменте краснолакового сосуда от Александра Главка Гигиее и Телесфору подтверждает данное предположение [6, с.31–33]. Согласно эпиграфическим источникам, в западнопонтийских полисах врачи выполняли не только жреческие функции, но и обязанности гимнасиархов, обучая молодежь, стремясь к совершенствованию

физического развития граждан [38, с.249–252]. В Дионисополе в III в. н.э. было представлено посвящение некоему уважаемому гражданину, сочетавшему обязанности булевта, жреца, врача и гимнасиарха [7, № 15 bis]. Ко II–III вв. н.э. относится рельеф Асклепиада Апела, сына Деметрия, привилегированного жреца и врача из Одессоса, который добровольно несколько раз занимал должность гимнасиарха, за что и был награжден эпитетами «народолюбец», «храбрейший из граждан» [38, с.251].

В Херсонесе Таврическом эпиграфические и археологические источники указывают на существование храмовой медицины и династии врачей, основателями которой были выходцы из Восточного Средиземноморья [11, с.58–64]. Вероятно, как и в заподнопонтийских полисах, храм бога Асклепия в Херсонесе был одним из центров храмовой медицины в Причерноморье [5, с.135], что подтверждают посвятительные надписи с упоминанием этого храма [13, №. 372; № 562], мраморные рельефы с изображением Асклепия в виде фракийского всадника и фигуры в гиматии [14, с.269; 15, с.264], найденные в соседних помещениях портового района. **[38]**

Учитывая специфику рассматриваемого культа, Асклепий почитался в западнопонтийских полисах как индивидуально, так и вместе с второстепенными божествами, близкими ему функционально и мифологически, образующими его свиту, семью, антураж. Второстепенные божества сопутствующие Асклепию, можно разделить на две группы, имеющие функциональные отличия: здравеносные и лечебные. К первой относятся мифологическая дочь бога Гигиея и божество здоровья Аигле [16, p.192]. Иконография культов первой группы в западнопонтийских полисах выполнена в классической традиции; как правило, в правой руке богиня держит блюдо или чашу, а в левой змею, которая пьет из сосуда [17, с.18–29]. К лечебным культам-спутникам Асклепия, можно отнести женские божества Панацею, Язо, Акезо и мужские – Махаона и Телесфора, особенно популярного в рассматриваемых городах [16, p.120, 192]. По предположению Г. Михайлова, мифологические корни данного божества переплетаются с фракийским демоном хранителем здоровья [18, с.235]. По версии Васильева, культ Телесфора имеет фракийское происхождение, выполняющего функции божества-покровителя магической медицины [8, с.30–31]. Телесфор, изображался в виде юноши, который был одет в длинный, слабо драпированный плащ с остроконечным капюшоном [10, с.77; 19, с.32–33].

Кроме традиционных спутников Асклепий в западнопонтийских полисах почитался с другими божествами, находящимися в мифологическом или функциональном родстве. Согласно эпиграфическим и археологическим источникам в Аполлонии параллельно с богом эпонимом Аполлоном Врачом почитался культ Асклепия [20, с.201, 210, 218; 7, № 78, № 78 bis, № 79, № 80, № 399]. Солярные свойства этих божеств были хорошо известны жителям западного Понта, благодаря знаниям религиозно-философских учений, где они уподоблялись не только солнцу, свету, но и жизни [21, с.5–34]. В данном контексте интересны сходные философские толкования солярной сути Аполлона в ипостаси врачевателя и бога врачей у Павсания: «Асклепий – это воз-

дух, и поэтому он так необходим для здоровья людям и в равной мере всем животным, а Аполлон – это солнце, и его очень правильно называть отцом Асклепия, так как солнце, согласуя свое движение с временами года, сообщает здоровье и воздуху» [Paus. VII, 23]. **[39]**

Любопытно посвящение из Истрии «Как Асклепию, Гигиее, так и Эроту», сохранившееся на ручке чернолакового канфара III в. н.э. Сосуд, возможно, применялся в обрядах домашнего культа или на пиршественных церемониях, где он служил для специальных возлияний в честь божеств здоровья и бога любви [22, с.98].

Официальный характер культа Асклепия в Томи подтверждает фрагмент с посвящением и рельефным изображением головы Асклепия и Гигиеи. Бог традиционно изображен с пышной бородой, под его лицом два плющевидных листка, внутри фронтона две поднявшиеся вверх головы, змеи, как сакральный знак исцеления и хтонизма [23, с.42–52]. Аналогичный рельеф был найден при раскопках в северопонтийском полисе Ольвии, где согласно источникам, Аврелий Юлиан построил храмы верховным божествам, в их числе Асклепию и Гигиее [24, с.79]. В этом святилище они почитались как сакральные божества, способствовавшие защите и спасению полиса и его граждан. Почетное место в храме занимал мраморный рельеф римского времени с изображением ритуальной сцены почитания культа Асклепия: слева у алтаря сидит бог или его жрец, из-под трона выползает змея, которой он подносит сосуд. К алтарю движется процессия адорантов, впереди стоит канефора с корзиной на голове, за ней мужчина и дети, одетые в праздничные одежды, ведущие жертвенного быка. Вероятно сюжеты, изображенные на рельефах, раскрывают сущность обряда жертвоприношения богу или его символу – змее, в культе бога повелителя и врачевателя [24, с. 131, 135].

Официальный характер культа Асклепия в Херсонесе и выполнение подобных функций доказывают найденные в погребениях могильника у совхоза «Севастопольский» граффито на краснолаковой посуде с именем Асклепия [ГХМ, инв. № 74/36574], краснолаковое блюдо с изображением в центре бога, окруженного фигурами, выполняющими обрядовые функции [ГХМ, инв. № 62/36562]. О существовании официального культа этого здравоносного божества могут свидетельствовать его изображения на херсонесских монетах первых веков нашей эры [25, табл. 2, 5, 8, 11, 38], что доказывает расширение ипостасей его почитания не только как врачевателя, но, вероятно, и как покровителя гражданской общины.

Изображение Асклепия на монетах Истрии, Каллатии, Одессоса, Том зафиксировано во время Траяна, когда вместе с божеством **[40]** изображалась змея [26, с.11]. В Одессосе во время Гордиана III было выпущено два вида медальонов с изображением Великого бога и Асклепия, Асклепия и Гигиеи [26, с.20]. На монетах Каллатии изображение Асклепия встречается во времена Антонина Пия. Эти монеты были найдены в святилище Глава Панеге. Видимо, почитатели этого божества из Каллатии совершали паломничество в храм синкретического бога [27, с.21–23].

Вероятно, популярность здравоносных культов привела к почитанию божества, возникновению его святилищ в других, не только греческих поселениях Фракии и Мёзии. Большой популярностью как у жителей западнопонтийских полисов, так и у местных фракийских племен получило, открытое в 1903 г. святилище Асклепия, синкретизированного с культом Фракийского всадника (Глава Панеге) [28, с.1].

Интересно предположение Т. Баласчева, о происхождении названия святилища от личного греческого имени «Панацея», олицетворявшего женское здравоносное божество [29, с.6]. Однако, наиболее правдоподобной представляется интерпретация В. Гершева, прослеживающего данную этимологию от фракийского корня «панисос» или «паника» – река, источник [30, с.59]. Исследователь рассматривает связь между названиями местности и целебными источниками Глава Панеге, лечебные свойства которых использовались служителями культа. Святилище имело прямоугольную форму. Рядом с ним находилось специальное помещение для богомольцев типа лечебницы, где они могли получать необходимую помощь, лекарства. Большинство памятников храма относят к римскому периоду и изображают Асклепия, Гигиею и Телесфора [8, с.43–45]. Асклепий представлен в виде фракийского всадника [14, с.240]. В трех надписях божество имеет эпитет Всемогущий и представлено без традиционных спутников. Пять посвящений направлены Асклепию Салдоуссенскому, однако иконографически на рельефах представлен Фракийский всадник. Надписи выполнены на греческом и латинском языках, дедикантами римлянами, греками и фракийцами [8, с.47].

Синкретизация фракийского всадника с Асклепием произошла и в религиозном центре Айтоска Баня (римские Agnae Calidae), где бил горячий источник, считавшийся целебным с древнейших времен. Божеству-покровителю этого источника больные приносили в дар кольца, **[41]** фибулы, монеты [31, с.157]. Наряду с македонскими и фракийскими здесь обнаружены монеты и западнопонтийских городов, что свидетельствует о широкой популярности святилища. Вероятно, греки почитали связанное с этим источником местное божество в его синкретизированном образе.

О том, что подобный синкретизированный культ пользовался большой популярностью и в западнопонтийских полисах, говорят эпиграфические, археологические источники из Одессоса, Томи, Месембрии, Аполлонии, Истрии. Так из 32 вотивных плит римского периода из Одессоса, посвященных Асклепию-Герою, 13 оказались без имени посвятителей, на 10 плитах имена дарителей - фракийского и романизированного фракийского происхождения, 7 надписей содержат дедиканты римлян и только двое из них греки [32, с.54, 61]. Религиозный синкретизм дополняется иконографическим и представляет бога в греческой одежде, лицо обрамлено густой бородой, ему присущи традиционные атрибуты и аксессуары Асклепия, тогда как для изображения классического образа Героя-Всадника используют изображения безбородого юноши, во фракийской шапке, рубахе, штанах [8, с.43].

Синтез рассматриваемых культов проявился в синкретизации ипостасей почитания Асклепия, рассматривая которые, можно выделить традицион-

ные, используемые для определений функций божества еще в метрополиях: iatros – врач; soter – спаситель; kotileus – подающий исцеления, лекарства; orthios – исправитель; paian – помошник; и синкретизированные Асклепия-Героя [33, с.83–88] - Салдосинос, Салтунсинос, Зимидренос.

Рассматривая ипостаси почитания Асклепия в западнопонтийских городах, И. Дуриданов, среди греческих эпиклез, выделил ряд фракийских, которые употреблялись как с Асклепием, так и с Фракийским всадником: «Зумудренос» - «водяной змей»; «Спитопуранос» - «тот, кому принадлежит священный огонь» [34, с.41–44; 37, с.94]. Не случайно, по мнению исследователя, эти эпитемы стали общими для рассматриваемых культов, ведь божества имели общие символы: змея, горящий алтарь; общие функциональные особенности [28, с.11]. Эпиграфические источники Одессоса, Томи, Месембрии подтверждают популярность синкретического культа использованием этнических имен: Laltecaputenus, Σκαλπηυος, Στραμιυος и т.п. **[42]**

Таким образом, почитание культа Асклепия в западнопонтийских полисах имело официальный характер. Одессос, Томи, Истрия, Месембрия, Круны-Дионисополь, Каллатия и Аполлония играют роль культовых центров храмовой медицины, религиозной жизнью которых управляли выборные или получившие должности по праву наследования жрецы-врачи. Очевидно, популярности культа Асклепия способствовало не только сохранение традиционных функций, иконографии, но и приобретение новых ипостасей, особенности отправления культов, синкретизации с местными фракийскими божествами, которая происходила в результате тесных и длительных связей между западно-фракийскими племенами еще в эллинистическую эпоху.

Литература

1. Данов Хр. М. Западният бряг на Черно море в древноста. – София, 1947.
2. Дечев Д. Асклепий като трако–гръцко божество // ИБАИ. – 1929.
3. Попов М. Проучвания върху произходе, развитето и характера на културе към Асклепий // НТрВМИ. – София, 1963.
4. Томпсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. – М., 1958.
5. Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I – III вв. н.э.). – Харьков, 1996.
6. Тракийска древност. Кратка енциклопедия / Под ред.Попов Д. – София, 1993.
7. Mihailov. Inscreptiones Graecae in Bulgaria repertoe. V. I. – София, 1970.
8. Василев В. Медицинате в Древна Тракия. – София, 1975.
9. Жебелев С.А. Религиозное врачевание в древней Греции // ЗРАО. 1893. Нов. сер. Т. 6.
10. Дремсизова–Нелчинова Ц., Тончева Г. Антични теракоти. – София, 1971.
11. Кадеев В.И. О медицине в Херсонесе Таврическом // Древности. – 1994.
12. Щеглов А.Н. Скульптурные изображения Асклепия // СХМ. – 1960. – Вып.1.
13. Latyschev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Craecae et Latinoe. – Petropoli, 1916. Vol. 1, ed 2.
14. Кадеев В.И. Раскопки в Херсонесе // АО 1970 года. – М., 1971.
15. Кадеев В.И. Раскопки в портовом районе Херсонеса // АО 1981 года. – М., 1983. **[43]**
16. Castiglioni A. A History of Medicine. – New-York, 1958.
17. Стоянов Т. За иконографията семантиката на женските изображения в паметниците на Тракийския конник // Векове. – 1987. – № 1.
18. Михайлов Г. Траките. – София, 1972.
19. Гочева З. Тракийски элементи в гръцката митология // Отечество. – 1976. № 3.
20. Блаватская Т.В. Западнопонтийские города в VII–I вв. до н.э. – М., 1952.
21. Фол А. Проучване върху гръцките извори за Древна Тракия // ГСУИ. – 1080. – Т.70.
22. Тодоров Я. Пагонизмъте в Долина Мизия. – София, 1928.
23. Попов Р. Характеристика на българските вярвания за змия // Изкуство. – 1983. № 1.

24. Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. – Киев, 1992.
25. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. – Вып.16.
26. Герасимов Т. Антични и средневековни монети в България. – София, 1975.
27. Божилов Л. Здравеносни божества върху монети градове в нашите земли // Нумизматика. – 1970. № 3.
28. Добруски В. Тракийско светлище на Асклепий от Глава Панега. // Археол. Известия на Нар. Музей. – 1907. –Т.1.
29. Баласчев Т. Старотракийски божества и светлища. – София, 1934.
30. Георгиев В. Българска етимология и ономастика. – София, 1960.
31. Зограф А.Н. Находки монет в святилищах на Черноморье // СА. VII. – 1941.
32. Соловьянов Н.И. О культах римской армии Мёзии и Фракии в I–III вв. н.э. // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. –М.; 1986.
33. Танкова В. Епитети на Асклепий от Тракия и Долина Мизия // ИМЮБ. – 1981. – Т.9.
34. Дуриданов И. Език на Траките. – София, 1976.
35. Дончева И. Свидетелства за култа към Асклепий в Карасура // Seminarium Tracicum. – Sem. Th. 3. – София, 1998.
36. Дончева И. Култът към Асклепий в Никополис над Иструм // Tracie Antiqua. —Th. A. 10. –София, 1999.
37. Маразов И. Тракийският дракон // Tracie Antiqua —Th. A. 10. –София, 1999.
38. Вагилански Л. Епиграфски данни за гимнасиархи в Тракия // Tracie Antiqua. —Th. A. 10. –София, 1999.

Summary

The Asklepey's cult of the Roman period played an important role in the religious life of the Western Pont towns. Odesses, Tomis, Kallatia, **[44]** Mesembria, Appolonia, Dionisopol and Istria became centers of pilgrims, temple-medicine and spreading influence of health-bringing gods. Probably, the popularity of the Asklepey's cult was enhanced not only with maintenance of the traditional functions, sacred painting, attributes, but also with assuming some new natures: cult performing, uniting with local gods.

The official character of the Asklepey's cult is as well prove by archeological, sacred-painting, numismatic, epigraphic sources, as with the ancient author's evidence.

К ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ: НИЩЕПРИИМНЫЙ ДОМ СВ. ФОКИ В ХЕРСОНЕСЕ (V В.)

Н.Н. Болгов, А.М. Болгова (Белгород)

В 1896 г. на городище Херсонеса был найден небольшой глиняный кружок с изображением св. Фоки, служивший формой для оттисков на глиняных сосудах для освященной жидкости или пробкой для сосудов[1]. В настоящее время он хранится в Государственном Эрмитаже.

Святой изображен в лодке стоящим лицом к зрителю с воздетыми руками, в коротком одеянии. Голова окружена нимбом. Черты лица ясно не обозначены. Слева у пояса, по мнению В.В. Латышева, подвешена большая рыба. На фоне также видны трезубец, руль, два весла. Надпись гласит: «Евлогия святого Фоки богадельни Херсона».

О культе св. Фоки в Северном Причерноморье говорит агиографический текст «Похвала святому мученику Фоке» (II пол. IV в.) епископа Астерия Амасийского[2]. Из него следует, что Фока подвизался в Синопе на южном берегу Черного моря, «...и все, даже дикие скифы, как те, что обитают по ту сторону Евксинского Понта, по соседству с Меотийским озером и рекою Та-

наисом, так и те, что живут на Боспоре и вдоль побережья до реки Фасида, все приносят дары вертоградарю», т.е. садовнику Фоке.

Садовник (κηπουρος) Фока был покровителем мореплавателей, а также нищих, убогих и странников. По Астерию, Фока – садовник, **[45]** занимавшийся делами благотворительности. Иногда его смешивают с мучеником Фокой, жившим во времена Траяна (нач. II в.; день поминовения – 14 июля). Его иконографический тип – рыбак. Именно такое смешение мы наблюдаем на рассматриваемом памятнике из Херсонеса.

Храм с останками мученика являлся местом постоянного стечения нищих и странников, получавших там готовую трапезу. Астерий отмечает: «Установился обычай у моряков иметь Фоку своим сотрапезником, и так как невозможно, чтобы тот, кто сейчас отрешился от плоти, вместе вкушал пищу и был участником стола, то посмотрите, как благочестивое размышление мудро справилось с невозможным. В самом деле, каждый день они – моряки – отделяют часть еды по равной доле от всех участников трапезы; один же кто-нибудь из застольников покупает эту часть и кладет деньги, а на следующий день другой, а затем третий, так что этот жребий покупки, обходя всех, на каждый день дает покупщика части. Когда же их (моряков) примет гавань, или высадятся они на землю, (собранные) деньги раздаются бедным; это есть часть Фоки – благодеяние нищим».

Обычай мореплавателей откладывать пищу достаточно своеобразен и очень показателен. Возможно, он возник еще в дохристианские времена.

Без сомнения, факт нахождения изображения св. Фоки является указанием на существование нищеприимного дома (птохиона) в Херсонесе, находившегося под покровительством св. Фоки[3].

По тексту Астерия мы можем предполагать, что в Херсонесе при богадельне могли изготовлять особые хлебы, продававшиеся богомольцам как знак благословения св. Фоки. Вырученные за них деньги шли, как правило, на содержание призреваемых в богадельне. Глиняный кружок, по мнению В.В. Латышева, был изготовлен для тиснения на таких хлебах изображения святого с соответствующей надписью. В церквах того времени раздавались хлебы со священными изображениями благочестивым жертвователям как вещественный знак благословения и благодарности св. покровителя храма за их пожертвования. Кроме евлогий (благословений) раздавались также и ампулы с освященным елеем[4].

В птохионе («нищеприимнице») также лечили заболевших, немощных, содержали калек, подолгу остававшихся в его стенах. Как показывают аналогии, вопрос об определении того или иного **[46]** нуждающегося, больного решал лично сам управляющий странноприимным домом, распоряжавшийся прислугой, а также врачами, которые должны были регулярно обслуживать больных и не дежурили в приюте только по праздничным дням.

Заведовавшие такими домами иногда приторговывали среди своих постояльцев и прочих желающих плакетками-евлогиями из керамики, гипса, воска, изображавшими св. покровителя того храма, при котором существовала богадельня с гостиницей.

Вполне вероятно, что этот приют в Херсонесе находился в одном из двух раскопанных портовых кварталов, где было бы уместным расположение храма св. Фоки и где недавно была сделана еще одна находка с изображением св. Фоки - глиняный оттиск[5].

В том же районе города было найдено в 1988 г. навершие епископского жезла. Епископ мог выполнять роль куратора херсонесского приюта и поддерживал связи с аналогичными столичными благотворительными учреждениями.

Исследование памятника продолжалось и спустя десятилетия после его находки. Так, в 1928 г. Н.В. Малицкий выступил с уточнением интерпретации Латышева[6]. Он полагал, что на поясе святого нет никакой рыбы, а фигуру опоясывает плащ, а пояса вообще нет. «Рыба» – это нижняя часть плаща, самый кончик которого отдаленно может напоминать голову рыбы. Но рыбу нигде и никогда не изображали подвешенной головой вниз. Сходный мотив – излом плаща – встречается на широко распространенных ампулах св. Мины.

Херсонесский памятник в иконографии следует одной из периферийных версий, по которой Фока изображается не зрелым мужем, а отроком или юношей, любящим море.

Малицкий подвергает сомнению версию Латышева о назначении предмета как штампа для хлебов, так как и изображение, и надпись на кружке – не обратные, а выпуклые, рельефные. Нет прямого признака штампа – негативности изображения[7]. Интерпретация Малицкого - памятник служил пробкой или крышкой для сосуда (аналогии есть в Эрмитаже).

По нашему мнению, подтвержденному аутопсией предмета, версия Малицкого ближе к истине.

Различные благотворительные учреждения ранневизантийского времени, в том числе богадельни, больницы, гостиницы, сиротские дома, **[47]** обычно связанные с церковью, находились в ведении государственных чиновников. К VII в. относится находка моливдовула ксенодоха и куратора – чиновников этого рода[8]. В этом же ряду стоит находка на территории Херсонесского городища печати аркария 2-й пол. VI – 1-й пол. VII в., который подчинялся орфанотрофу – попечителю сиротских домов[9]. Орфанотрофом чаще всего являлся представитель клира.

Таким образом, мы отмечаем несомненный факт существования древнейшего нищеприимного дома на территории Восточной Европы уже в V веке. Его появление отвечало сути христианской этики в отношении нищих и убогих. Руководство его деятельностью со стороны церковного лица также полностью соответствует принципам деятельности церкви. Без сомнения, этот дом, а возможно, и другие благотворительные учреждения, существовал длительное время, т.к. история христианского Херсонеса доходит до XV в.

Примечания

1. Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике//Византийский временник. VI. 1899. – С.344-354; Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X вв. по Р. Хр. – М.,1908. – С.27-28; Якобсон А.Л.

Раннесредневековый Херсонес. – М.-Л.,1959. – С.28; Колесникова Л.Г. Храм в портовом районе Херсонеса (раскопки 1963-1965 гг.) // ВВ. 1978. 39. – С. 172, рис. 13; Византийский Херсон. – М., 1991. – С. 30-31. - № 16.
2. Астерий Амасийский. Похвала священномученику Фоке // Patrologia Graeca. XL. – С.300-314 (рус. пер. в своде В.В. Латышева Scythica et Caucasica).
3. Сорочан С.Б. Византия IV-IX вв. Этюды рынка. – Харьков, 1998. – С. 244-245.
4. Залесская В.Н. Ампулы-евлогии из Малой Азии (IV-VI вв.) // ВВ. 47. 1986. – С.182-190.
5. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков,2000. – С.547.
6. Малицкий Н.В. Глиняный кружок из Херсонеса с изображением св. Фоки // Материалы по русскому искусству. I. – Л.,1928. – С.1-9.
7. Там же. – С.8.
8. Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. 26. – Екатеринбург, 1992. – С. 194-195.
9. Храпунов Н.И. Администрация ε'υαγε͂ις о'ίκοι в Херсоне // МАИЭТ. VII. – Симферополь, 2000. – С. 358. **[48]**

МОРСКОЕ ДЕЛО У ГОТОВ В СЕРЕДИНЕ III – СЕРЕДИНЕ VI ВВ.[1]

А.К. Нефёдкин (Санкт-Петербург)

Задача данной работы состоит в том, чтобы собрать из позднеантичных источников данные о морском деле у готов и показать его развитие, прошедшее за 300 лет. В середине III в. коалиция «скифских народов» принесла с собой в Северное Причерноморье широкое использование судов в военном деле. Раннее варварское население, главным образом, на кавказском побережье, занимались лишь прибрежным пиратством, теперь же происходят на судах целые нашествия. Цель же этих рейдов осталась прежней - грабеж.

Почему готы и другие варвары отважились пуститься в плавание? Ведь обычно сухопутные народы боятся выходить в море. Вероятно, тут сказалась традиция северного мореплавания готов, которую они еще не забыли. При своем движении на юг готы, вероятно, двигались также и по рекам, что позволило им сохранить навыки морского дела. Иордан (Get., 25; 94-95) упоминает корабли (naves) готов, во время их переселения из Скандинавии. Конструкцию ладей скандинавских свионов описывает Тацит (Germ., 44): они имели нос и корму одинаково заостренной формы, плавали не под парусом, а на веслах, которые были закреплены в съемные уключины. Возможно, об этом же типе гребных судов говорит Прокопий, рассказывая о бриттиях. Причем он добавляет интересную подробность: на кораблях не было специальных гребцов, и сами воины исполняли их обязанности (Procop. Bel. Goth., IV,20,31). Подобный тип судов существовал в северном регионе с позднего бронзового века, где он известен по петроглифам. Ладья этого типа, датируемая рубежом III-IV вв., была найдена в болоте Нидама у пролива между Ютландией и островом Альс. Она имела длину 22,85 м, ширину 3,26 м и высоту 1,09 м и на ней размещались 30 гребцов, которые гребли веслами длиной 3,05-3,52 м. Причем парусного вооружения не было вовсе[1].

Переброска войск по морю была достаточно быстрым и наименее трудным способом передвижения. Ведь на быстроту сухопутных **[49]** набегов рас-

[1] Работа выполнена при поддержке the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant № 841 / 1998.

считывать готам не приходилось, поскольку в середине III в. конница у них не была развита. А в набегах готам помогал всеобщий кризис, происходивший в империи и численное превосходство - трещавшая по швам империя не могла набрать достаточно сил для немедленного противостояния варварам.

Поскольку для переброски большой массы войск требовалось значительное количество судов, которых у варваров не было, то они заставили боспорцев предоставить им их (Zosim., I,31,1-3)[2]. Набег боранов летом 254 г.[3] на Питиунт был первым крупным морским предприятием «скифов». Вероятно, подобная тактика диктовалась тем, что бораны не хотели нести потери на суше, где их могли ожидать, тогда как на море их не ожидали. Боспорцы перевезли боранов в Азию и отплыли домой (Zosim., I,31,3). Далее варвары шли по побережью до Питиунта, где потерпели поражения, а поскольку у них не было судов, то они понесли большие потери. В 258 г. бораны уже заставили боспорцев доставить их дальше к Фасису, причем суда на этот раз не отпустили домой, учтя опыт предыдущей кампании (Zosim., I,32-33). Захватив Питиунт, «скифы» раздобыли суда, посадили за весла пленных и ночью взяли штурмом Трапезунд. Это была крупная десантная операция.

В 267 г. «скифы», а согласно Георгию Синкеллу (p. 717), герулы, совершают очередное вторжение на города западного побережья Черного моря и Малую Азию. Среди «скифов» были и готы (SHA, XXIII,13,6-7)[4]. В военных действиях участвовали 500 кораблей (Syncell., p. 717), на которых, по мнению А.М. Ременникова, было 15000 человек[5]. Суда были небольшие, вмещавшие в среднем по 30 человек, которые, вероятно, одновременно были и гребцами. Поскольку их строили пленные и торговцы, то типы кораблей могли быть похожие на местные античные. «Скифы» подождали зимы, по-видимому, это время было более благоприятно для плавания вдоль западного побережья Черного моря. Вместе с тем, часть войск шла по суше (Zosim., I,34-35). Таким образом, поход был сухопутно-морским. Поэтому для переправы через Босфор им потребовались дополнительные суда (Zosim., I,34,2). Соответственно, и добычу везли на судах и в повозках. Флот же варваров был потрепан морскими бурями и римскими кораблями (SHA, XXIII,12,6; Syncell., p. 720; Zonara, XII,26). В этом походе наблюдаем определенное **[50]** развитие стратегии «скифов». Во-первых, поход ведется на неразграбленную прошлыми набегами территорию, что принесло большую добычу. Во-вторых, он проходил и по суше, и по морю, что заставляло вторгшихся координировать свои силы. В-третьих, «скифы» умело использовали сподручные средства для переправы сухопутных сил.

Морские вторжения закончились грандиозным нашествием в 269 г. На реке Тира (Днестр) было собрано 6000 судов (Zosim., I,42,1) или, по другим источникам, - 2000 (Amm., XXXI,5,15; SHA, XXV,8,2), или 900 (Suid. s. v. Σκύθαι), на которые погрузилось 320000 человек (Zosim., I,42,1; SHA, XXV,6,4-5; 7,3; 8,2; 5; Suid. s. v. Σκύθαι) или же 300000 (Dexipp. frg., 22). Если количество воинов нельзя назвать противоречивым, то разночтение в количестве судов сложнее объяснить. Возможно, крупных судов было меньше, а различного рода лодок насчитывалось 4000. Причем кормчих явно не

хватало, и многие из них не были искусными мореходами, они даже не привыкли к быстрому течению и поэтому понесли большие потери, переходя Босфор (Zosim., I,42,2; Suid. s. v. Σκύθαι). В это общее количество вторгшихся, вероятно, входили и семьи, ведь женщины после битвы при Наиссе (269 г.) попали в плен римлянам (SHA, XXV,8,6). Экспедиция была морской. Стратегия похода состояла в том, что большие отряды сходили с судов и опустошали прибрежные территории, даже осаждали города, сооружая при этом осадные машины. В целом, в этом нашествии флот играл лишь роль средства передвижения, так сказать, оперативной базы, для произведения грабительских набегов.

К сожалению, мы мало что можем сказать о самих судах готов и их конструкции. Зосим обозначает их самым общим наименованием πλοῖα (I,31,1; 3; 33,1; 34,1; 35,2; 42,1-2; ср.: Suid. s. v. Σκύθαι). Однако последнее название у Зосима синонимично и кораблям νῆες, и даже большим лодкам на гребном ходе - σκάφη (I,42,1-2; ср.: Them. Orat., X,134a: νῆες; Suid. s. v. Σκύθαι: σκάφη). Таким образом, в нашем основном источнике о морских походах нет четко установленной терминологии. Зосим, видимо, в своем словоупотреблении во многом зависел от своего источника. Латинские источники также абстрактно именуют суда «скифов» и готов, в частности, naves (Amm., XXXI,5,15; SHA, XXIII,12,6; XXV,8,2; Jord. Get., 94-95; 107; 157). Из деталей судов упоминаются рулевые весла, которые у **[51]** античных судов заменяли собственно рули (Zosim., I,42,2). Суда же боранов и готов были гребными (Amm., XXVII,5,9; Zosim., I,33,1), но они в отличие от скандинавских имели и паруса (Zosim., I,42,1).

К сожалению, и по иконографическим источникам мы не можем определенно сказать, какие типы судов предоставили боспорцы «скифам». Поскольку варвары не стремились вступить в морской бой с римлянами, то, скорее, это были грузовые суда, ведь они использовались именно для перевозки максимального количества людей[6].

Простые типы судов обычно использовались готами в качестве средства переправы через реки. В 376 г. визиготы переправлялись через Дунай «на кораблях, плотах и выдолбленных остовах деревьев» (Amm., XXXI,4,5: navibus ratibusque et cavatis arborum alveis). Вообще же однодеревки были самым обычным средством переправы через Дунай (Priscus frg., 8) и в 386 г. гревтунги переправились через эту реку на однодеревках (Zosim., IV,38,5; 39,1-3) или же, согласно Клавдиану, на челноках (Claud. VIII (Paneg. de IV cons. Honor.), 624: lyntres). Вероятно, имеются в виду одни и те же виды судов. В 400 г. во время восстания Гайна со своими готами попытался переправиться через Геллеспонт на плотах, на которых были как воины, так и лошади. Однако готов остановила непогода и римский флот; тем более, что сами готы не были искусными мореходами (Zosim., V,21,2-4; Socrat., VI,6,33: ’εν ταῖς σχεδίαις; Sozom., VIII,4,18-20; Philostorg., XI,8). Именно плоты сколачивали для скорейшей переправы (Amm., XXXI,5,3). Делались они, естественно, из подручного материала — леса, росшего неподалеку (Zosim., V,21,2).

Тактику переправы через низовье Дуная мы можем наблюдать на примере гревтунгов, которые в 386 г. попытались тайно переправиться через реку на 3000 челноках, наполненных воинами (Claud. VIII (Paneg. de IV cons. Honor.), 624-625). Естественно, тайная переправа осуществлялась ночью. Сначала на однодеревках послали молодежь, затем людей среднего возраста и, наконец, переправляться стали и все остальные. Однако утлые суденышки готов были потоплены римскими речными кораблями (Zosim., IV,38-39). Таким образом, здесь у готов соблюдалась определенная боевая очередность во вводе в бой сил, которая могла присутствовать и в сухопутном сражении. **[52]**

В V в. корабли продолжали использоваться готами как средство переправы через проливы. Так, в 410 г. после разграбления Рима Аларих пытался переплыть в Сицилию на кораблях, но они были разбросаны бурей (Jord. Get., 157: naves; Paul. Diac. Hist. Rom., XII,14: navibus). В 415 г. визиготы пытались утвердиться в Африке, также используя для этого корабли (Oros., VII,43,11: naves; ср.: Isid. Hist. Goth., 22: navali acie).

В тоже время готы на захваченных землях продолжают использовать старые морские традиции. Так, около 467-470 гг. богатый галльский собственник Намаций возглавлял эскадру, которая, крейсируя у побережья океана, охраняла Аквитанию, к югу от Луары, от набегов саксонских пиратов (Sidon. Epist., VIII,6,13). Поскольку у визиготов, контролировавших страну, не было развитой морской традиции, то, очевидно, это были местные силы, по предположению Б. Бахраха, набранные из рыбаков и торговцев[7].

В Италии остроготы также не отличались морским искусством. В первой трети VI в. они не имели даже судов, чтобы переправиться через Адриатику (Procop. Bel. Goth., I,1,13) или воевать с вандалами (Procop. Bel. Vand., I,9,5; Cassiod. Var., V,17,3-4: naves). Понимая, что для надежного обладания Италией необходим флот, король Теодорих, сосредоточивший в своих руках основные рычаги управления Италией, выдвинул морскую программу (Cassiod. Var., V,16-20). В указе короля префекту претория Абунданцию (525/6 г.) говорилось: «Пока многочисленные заботы тревожили наши мысли, Италия не имела кораблей; когда такой запас деревьев благоприятствует, чтобы потребованный также от других провинций, *он* был прислан, *мы,* по внушению нам бога, постановили потребовать сделать пока тысячу дромонов, которые смогут и государственный хлеб свозить, и вражеским кораблям, если нужно, противостоять. И поскольку по всей Италии направленные мастера разведают подходящие для работы деревья, и где кипарисы или сосны *ты* найдешь в соседстве с берегом, *то* рекомендуем тебе дать подходящую цену владельцам. Ибо эти *цены* такие, которые привлекаются для оценки *стоимости*, впрочем дешевле себя не нужно *их* оценивать. Но чтобы наше попечение в половинчатых попытках не стало пустым, *мы* приказываем тебе этим постановлением уже теперь позаботиться, с божественной поддержкой, о подходящем числе матросов. **[53]** Тем и иным способом следует склонить *тех*, кто от своих господ отнимется, потому что характер освобождения заключается в служении правителю (ибо часто годные к работе оказывались *те*, кому озабоченные господа давили шеи): однако так, чтобы вышеназванные матросы в

виде задатков в соответствии с качеством человека получили от вашего ведомства по два или три солида, поскольку каждый, когда будет приглашен, должен приготовленным быть отыскан. Однако *мы* приказываем рыбаков в это определение не включать, потому что, к сожалению, пропускаются *тот*, кто занимается обеспечением удовольствий, ибо разные обыкновения существуют и у нападения свирепых ветров, и в плавании у берегов, изобилующих рыбой» (Cassiod. Var., V,16,2-5).

Итак, Теодорих приказывает изготовлять корабли из подходящих для этого кипарисов и сосен. Еще Феофраст рекомендовал делать военные корабли из пихты, поскольку она легка, а гражданские суда - из сосны, так как она не гниет. Если же ощущается недостаток в пихте, то корабли делались из сосны (Theoph. Hist. plant., V,7,1-2). Деревья для удобства транспортировки по воде рекомендовалось выбирать около побережья, в частности у берегов Пада, из королевских владений. Если они находились на территории частных владений, то рекомендовалось их покупать на подходящей цене.

Также необходимо нужно было скомплектовать экипажи кораблей. Матросами должны служить италийцы, однако не рыбаки, которые из-за своих профессиональных качеств, по мнению короля, были неспособны переквалифицироваться в матросов, но главное они доставляли необходимые продукты. Матросам предварительно выдавали аванс, а впоследствии должны платить жалование (ср.: Cassiod. Var., II,31). Причем набирали как свободных, так и рабов, которых выкупали у господ. Видимо, речь в первую очередь идет о гребцах, которые составляли наиболее многочисленную часть экипажа (ср.: Cassiod. Var., IV,15). В качестве воинов на кораблях предполагалось использовать лучников, которые для боя тренировались военно-спортивной игрой. В частности для этого набирались воины из Марсовой схолы (Cassid. Var., V,23). Флот и моряки должен был собраться в столице Равенне, а затем пойти к океану для обучения; для прохождения кораблей требовалось очистить русла пяти рек от сетей рыбаков. **[54]**

Естественно, для действия на море готы использовали обычные корабли италийских типов. Теодорих в своем указе говорит о современных быстроходных кораблях-дромонах, которые имели три ряда весел и паруса; причем гребцы были скрыты от посторонних глаз (Cassiod. Var., V,17,2-3). Дромоны, как следует из вышеприведенного указа, в первую очередь должны были использоваться как грузовые суда, вероятно, поэтому они были с тремя рядами весел, то есть представляли собой крупные типы кораблей с большим водоизмещением. Следовательно, это был более крупный вид судна, нежели обычный дромон, ведь Прокопий отмечает, что обычно дромон имел один ряд весел и верхнюю крышу, защищавшую команду, причем на одном таком корабле было всего лишь около 20 воинов-гребцов (Procop. Bel. Vand., I,11,15-16).

Позднее, в 542 г., у Тотилы было много дромонов (Procop. Bel. Goth., III,6,24). В 546 г. после взятия Неаполя у остроготов появился и многочисленный флот из ладей, которые вели наблюдения за проплывавшими кораблями (Procop. Bel. Goth., III,13,6). В 549 г. Тотила обладал 400 военными кораблями и еще множеством грузовых судов, которые были захвачены у ви-

зантийцев (Procop. Bel. Goth., III,37,5). С этими силами король собирался отвоевывать Сицилию. Стремясь упрочить свое могущество Тотила с помощью флота, высадившего войска, захватил Корсику и Сардинию (Procop. Bel. Goth., IV,24,31). В 551 г. 300 кораблей готов, с целью нанести максимальный ущерб империи и заставить Юстиниана вести переговоры, совершают рейд на западное побережье Греции, где, высаживаясь, грабят местности и захватывают грузовые суда византийцев (Procop. Bel. Goth., IV,22,17; 30-32). Для противодействия высадке византийцев из Сицилии в Италию готы выставили отряды, охранявшие Мессинский пролив (Jord. Get., 308; Procop. Bel. Goth., III,18,26). А для недопущения высадки противника на широком фронте Тотила в 548 г. расставил конных воинов по всему побережью у Рисцианы, которые должны были обстреливать пробующих причалить к берегу и напасть на швартующихся (Procop. Bel. Goth., III,30,13).

В 552 г. году произошло и морское сражение у города Сеногаллия около Анконы на северо-восточном побережье Италии. Готы осаждали Анкону, блокировав ее с суши с моря. **[55]** Для деблокирования города византийцы послали 50 кораблей, навстречу им двинулись 47 кораблей осаждающих. Корабли сторон построились в линию. Возможно, у готов строй делился на два крыла, поскольку флотом командовали два военачальника, Гибал и Индульф. В начале боя происходила интенсивная перестрелка между судами, переходящая подчас в абордажный бой. В ходе сражения готские корабли не сумели сохранить необходимые интервалы, они сталкивались друг с другом и, отталкиваясь шестами, то расходились слишком далеко. Этим воспользовались византийцы, посылая метательные снаряды на скучившиеся корабли и нападая в большом числе на одиночные. Готы, потеряв большинство кораблей, на одиннадцати кораблях бежали, преследуемые врагом. Высадившись на берег и сжегши корабли, готы пришли к войску, осаждавшему Анкону, которое, в свою очередь, отошло от города (Procop. Bel. Goth., IV,23,29-37).

В данном сражении сказалось превосходство морского искусства византийцев, которые могли лучше сохранять строй и маневрировать в бою. Посаженные на корабли готские воины терялись и не знали, как им вести бой, поэтому их моральный дух был низок и в конце боя они бежали. Хотя дромоны, судя по всему, имели тараны, но Прокопий не упоминает, что корабли таранили друг друга, как в античном морском бою. Воины стремились засыпать неприятеля стрелами и, пользуясь численным превосходством на определенных участках сражения, разбить или взять в плен вражеские корабли.

В VI в. большие военные корабли (μακρὰ πλοῖα) использовались для патрулирования на море при блокаде приморских городов, тогда как с суши их осаждали сухопутные силы (Procop. Bel. Goth., I,16,10; 17). Легкая ладья с парусом и веслами (’ἄκατος) использовалась для плавания по Тибру и переправы через него (Procop. Bel. Goth., I,19,26; II,9,18), на них же возили продовольствие (Procop. Bel. Goth., II,28,3-4) и несли дозорную службу (Procop. Bel. Goth., III,13,6). Для этого же использовались и военные корабли (Procop. Bel. Goth., III,36,9). А для переправы через По использовали также грузовые суда (Procop. Bel. Goth., II,21,7: ʽολκάδες).

Итак, в основном корабли служили готам лишь средством доставки на место, а отнюдь не для морской войны. Соответствующей была и тактика: с кораблей сходили на сушу и производили набеги, подчас весьма удаленные. Возможно, суда «скифов» в III в. были **[56]** предназначенными в первую очередь для речного, а не для морского судоходства. Именно поэтому они были так уязвимы от непогоды. Также возможно, что готы не строили каких-то специальных боевых кораблей, снабженных некими военными приспособлениями, поскольку у них не было технических навыков. Когда приходилось вступать в бой с римские военными кораблями, то их суда, естественно, терпели поражение. С созданием государства в Италии готы, естественно, стали уделять большее внимание морскому делу, а Теодорих даже выдвинул морскую программу по строительству современных боевых кораблей на основании современного развития кораблестроения. Позднее Тотила активно использовал флот в своей политике и даже решился вступить в сражении с византийцами у Сеногаллии.

Примечания

1. См.: Владимиров И.Н., Ципоруха М.И. Человек строит корабль. Очерк по истории кораблестроения и мореходства (от истоков до XVII в.). М.,1990. С. 109-110.
2. См.: Лавров В.В. Готы и Боспор в III в. н.э. // Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Межвузовский сборник / Отв. ред. Э.Д. Фролов. СПб., 1995. С. 120.
3. Датировка дана по: Лавров В.В. Готы и Боспор... С. 114.
4. Лавров В.В. Готы и Боспор... С. 118.
5. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. (Причерноморье в античную эпоху. Вып. 6). М., 1954. С. 115.
6. О типах боспорских кораблей см.: Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982. С. 110-119; он же. Военное дело // Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР). М., 1984. С. 195.
7. Bachrach B.S. Grand Strategy in the Germanic Kingdoms: Recrutement of the Rank and File // L'Armee romaine et les barbares du III[e] au VII[e] siecle / Textes reunis par F. Vallet et M. Kazanski. Rouen, 1993. P. 59. **[57]**

К ВОПРОСУ О «ГОТСКОМ ВОПРОСЕ»

В.Ю. Юрочкин (Симферополь)

Не трогайте далекой старины.
Нам не дано сломать семи ее печатей.
А то, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий,
Который эти господа некстати,
За истинную древность выдают.
Как представляем мы порядок древний?
Как рухлядью заваленный чулан,
А кое-кто еще плачевней –
Как кукольника старый балаган…

(Гете)

Даже если бы не существовало письменных свидетельств о пребывании готов к Крыму, имеющиеся археологические данные все равно заставили бы сделать соответствующий вывод.

(А.К. Амброз)

Говорят, гуманитарии не любят «закрывать тему». Наверное, в этом проявляется специфика их вариативного мышления. К сожалению, археологи не могут позволить себе экспериментов в подтверждение истинности выдвигаемых гипотез. Популярная рекомендация «идти от материала», увы, остается лишь благим пожеланием. Субъективное (дай Бог, чтобы не тенденциозное) восприятие древности через призму современной действительности диктует необходимость проверки на прочность схем (чужих и собственных) и приведения их в соответствие с вновь открывшимися фактами. Мы не застрахованы от создания «ученых мифологем», обычно стройных и все объясняющих, но на деле чрезмерно упрощенных и не прочных.

Все вышесказанное можно с полным основанием отнести к «этнической археологии» позднеантичной и раннесредневековой Таврики, точнее к дискуссии вокруг «готского вопроса». Постепенно здесь образовался целый узел трудно разрешимых проблем, а историография изобилует примерами вольных суждений, искренними заблуждениями, и даже политической конъюнктурой. **[58]**

Не стану отягощать читателей перечислением всего спектра мнений, их можно без труда отыскать, например, в известной монографии И.С. Пиоро[1]. Позволю себе заострить внимание на ряде наиболее дискуссионных вопросов.

Начнем с того, что в настоящий момент наиболее популярной среди археологов стала следующая схема этнических процессов в позднеантичной Таврике:

1. В середине III в. в результате военного нашествия гибнет позднескифская культура. Виновниками катастрофы считают племена «гото-аланского союза».

2. Во второй половине III столетия на Южном берегу Крыма и в Инкерманской долине возникают биритуальные некрополи, в которых наиболее выразительными представляются погребения по обряду кремации. Последние сопоставляются с захоронениями черняховской, пшеворской и вельбарской культур и связываются с германскими (конкретнее - с готскими) племенами, осевшими на полуострове.

3. Тогда же в Центральном и Юго-Западном Крыму возникают новые могильники, для которых показательны ингумации в склепах, подбойных и грунтовых могилах. Склепы, обнаруженные на некрополях, сопоставляются с подземными катакомбами алан Северного Кавказа, другие типы погребальных сооружений издавна известны у сарматов, а отдельные категории инвентаря (посуда, вооружение, украшения) имеют аналогии в ареале черняховской культуры. Следовательно, население, оставившее могильники на этой территории может рассматриваться как сармато-аланский компонент «алано-готского союза», проникшего в Таврику в ходе «готских войн» середины – второй половины III в.

Я сознательно отказываюсь от ссылок на конкретных исследователей, и не уточняю нюансов. Эта схема не только постулируется ее авторами, но и

признается подавляющим большинством археологов, получив статус почти «аксиомы» позднеантичной археологии Таврики.

Остановимся на аргументах, на которых она зиждется, точнее на спорных вопросах, от которых обычно уходят ее сторонники.

«Союз» или «ученая конструкция»?

Бесспорно, нарративные источники изображают картину **[59]** широкомасштабных варварских походов, предпринимавшихся во второй половине III в. различными племенами (в основном германскими) с территории Северного Причерноморья, в частности с побережья Меотиды через Боспор. Правда несколько настораживает тот факт, что готы в это время не обладают исключительным первенством в военных предприятиях, а иногда выглядят даже более тускло, по сравнению, например, с герулами.

Но древние авторы «странным образом» умалчивают о существовании некоего «гото-аланского», или пусть даже «готского» союза второй половины III в.[2] Конечно трудно представить, что северные пришельцы так быстро освоились в Причерноморье и на Меотиде, что действовали подчеркнуто самостоятельно и не вступали в контакты с ираноязычными хозяевами степей, тем более что подготовка к походам происходила как раз в «контактной» зоне - на Нижнем Дону. Вероятность такого альянса между отдельными племенами или временными объединениями германцев с одной стороны и выходцами из сарматского мира с другой, возникавшими в период подготовки очередного грабительского предприятия – достаточно велика, на что обратил внимание С.А. Яценко[3]. Но когда речь заходит о «гото-аланском союзе», сразу возникает иллюзия политического образования, некоего объединения – долговременного, прочного и якобы реального. А в действительности ни о чем подобном в источниках нет ни слова. Как нет здесь и сведений об устойчивом союзе германцев, возглавляемых готами во второй половине III в. Складывается впечатление, что реалии второй половины IV в., когда подобное объединение готов и различных германских и негерманских племен действительно существовало («держава Германариха» - черняховская культура[4]), экстраполируются на столетие раньше, на период морских варварских походов.

Налицо явная модернизация истории германцев в Причерноморье. По-видимому, «гото-аланский союз» второй половины III в. - всего лишь «ученая конструкция», основанная больше на допущениях и историографической традиции, нежели на фактах. Эта традиция, скорее всего, восходит к авторитету М.И. Ростовцева, использовавшего термин «гото-аланское царство на Юге России»[5], при этом подразумевая под ним откровенно разноплановые явления. Сыграли здесь известную роль и положения статьи по «крымско-готскому вопросу» **[60]** В.И. Равдоникаса, работавшего в русле «стадиальной теории» и пытавшегося «преобразовать» алан в готов Таврики[6].

Вообще же проблема соотношения германского и иранского миров в Северном Причерноморье, похоже, выходит за рамки археологии, это, скорее область этнологии и культурологии, а отнюдь не политической истории, жестко ограниченной кругом письменных источников.

Гибель Крымской Скифии: кто виноват?

Теперь о том, насколько велика вероятность разорения гипотетичным «гото-аланским» союзом территории Крымской Скифии в середине-второй половине III в. Не станем здесь касаться не менее спорного вопроса об этническом содержании «позднескифской культуры», а тем более проблемы «позднескифского царства» III в.

Следует признать, что на ряде городищ Крымской Скифии зафиксированы следы пожаров и внезапных разрушений. Что же касается датирующего материала (а это в основном керамика), то хронология посуды из слоев разрушения указывает пока на III в. в целом. До сих пор реально не удалось выделить формы посуды, показательные только для первой или исключительно для второй половины столетия. Некрополи также не дают надежных хроноиндикаторов третьей четверти III в., т.е. времени «скифских войн». Полагаю объяснить эту ситуацию можно лишь тем, что в это время не происходит резких изменений в материальной культуре, и погребения эпохи «скифских войн» мы традиционно принимаем и соответственно датируем первой половиной III столетия. Если это так, тогда налицо континуитет «позднескифской» культуры, точнее сохранение основного ядра жителей предгорий: в самом деле, вряд ли в планы гипотетичных завоевателей входил геноцид!

Вместе с тем, монетные клады с территории Скифии, диагностирующие напряженность в регионе, относятся отнюдь не ко второй половине III в., а к первой четверти столетия[7]. Здесь открывается простор для самых вольных толкований финала (или угасания?) позднескифской культуры, тогда как о тотальном исчезновении аборигенного населения говорить вообще проблематично.

Высказывалось, в частности, предположение о разгроме скифских городищ (во всяком случае - Неаполя и его округи), произведенным, или инспирированным, Боспором в 218 г.[8] **[61]** Правда и тут «археологических» аргументов не больше, чем у сторонников «германской» версии. Но ведь при современном состоянии проблемы и такая гипотеза имеет право на существование, а по иному расставленные акценты ведут к другому представлению об этно-политической ситуации в регионе. Не исключено, что следы катаклизмов на территории Скифии, вовсе не синхронны. Пока нет надежных хронологических реперов, пригодных для оценки времени этих событий, ничего определенного мы утверждать не сможем.

Возможно, здесь более пристальное внимание стоит уделить предположению В.М. Зубаря о разделе Скифии в конце II в. между Боспором, издревле претендовавшим на гегемонию в Таврике, и проримским Херсонесом[9]. Тогда становятся понятными некоторые аспекты территориального размещения памятников и несоответствия хронологических позиций ряда погребальных комплексов к востоку и западу от пограничной р. Альмы.

Вообще, мне представляется крайне спорной версия о конфликте населения Скифии и германцев. Все, что известно из письменных источников о характере походов второй половины III в., противоречит этому. Несмотря на иллюзорную масштабность набегов варваров, в действительности их участ-

ников привлекал лишь грабеж богатых приморских городов, но они никогда не стремились к захвату обширных территорий, а уж тем более к установлению политической гегемонии. К тому же военные действия в предгорьях (близких по условиям степным районам), а тем более в пересеченной горной местности вряд ли способствовали успеху пришельцев-варваров с Меотиды. Можно допустить кардинально противоположную ситуацию: когда жители Скифии могли быть не жертвами набегов, а их активными участниками. Именно в Скифию возвратился обладатель антонинианов и серебряной фибулы, сокрытых затем в лепном горшке у нынешнего с. Долинное в Юго-Западном Крыму[10]. Состав клада и его terminus post quem, не оставляет сомнений, это был варвар, вернувшийся с добычей, из Абриттского похода 251 г. (Zosim.I, 24).

Вряд ли середина III в. может считаться рубежом, отделяющим угасающую культуру скифо-античного мира от эпохи раннесредневековых варваров. Надо сознавать, что эта «дата» не абсолютная и лишь маркирует финал определенного условного хронологического периода материальной культуры, поэтому вряд ли есть веские основания «привязывать» ее к конкретным годам, например к 252 или 256 гг.[11] **[62]**

Загадка Инкерманской долины

Веским аргументом в пользу предполагаемого расселения германцев в Таврике считают появление на юго-западной оконечности полуострова могильников с кремациями – обрядом совершенно необычным для этих мест. Первым, кто обратил внимание на возможность идентификации носителей обряда с северными варварами (неважно, славянами или германцами) были Е.В. Веймарн и С.Ф. Стржелецкий[12], а наиболее полно ее попытался обосновать А.П. Смирнов[13]. Их взгляды через два десятилетия возродил И.С. Пиоро: могильники типа Ай-Тодор он рассматривает уже как исключительно германские, как, впрочем, и многочисленные кремации, исследованные в Инкерманской долине (Чернореченский и у совхоза «Севастопольский» - в прошлом «№ 10»). И.С. Пиоро пошел дальше, сопоставив крымские кремации не только с захоронениями черняховского ареала, но и с могильниками Скандинавии – мифической или реальной прародиной готов[14]. Правда конкретные этапы продвижения носителей традиции «каменных конструкций» он обошел стороной, так как вызывает недоумение почти полное отсутствие подобных сооружений (показательных для сожжений совхоза «Севастопольский»), на протяжении предполагаемого пути с берегов Скандзы в Таврику. Объяснение этого факта бедностью камнем (?!) Восточной Европы кажется малоубедительным[15]. Формальное же сопоставление признаков обряда Таврики с погребальной традицией других племен, кажется не эффективным. Обряд кремации сам по себе достаточно прост и маловыразителен, а это открывает возможность для самых широких и даже фантастичных толкований его происхождения в Таврике. Похоже, дилемма: германцы или «романизированные местные варвары» пока не разрешима. Единственную опору приходится видеть в синхронизации начального этапа совершения кремаций на этих могильниках.

Обращаю внимание, что, вопреки распространенному мнению, некрополи на Южном Берегу Крыма (Ай-Тодор, Чатырдаг) и в Инкерманской долине (совхоз «Севастопольский» и Черноречье) появляются не единовременно и не в середине III в. - это касается в первую **[63]** очередь двух последних некрополей (рис. 1). Если основное ядро захоронений Чатырдага и Ай-Тодора содержит инвентарь последней четверти III – IV вв. (а на Ай-Тодоре, возможно даже первой половины V в.), то в сожжениях у совхоза «Севастопольский» присутствуют формы краснолаковой посуды и амфор-урн, которые можно датировать II в.н.э, максимум первой половиной III столетия. (рис. 2, *1-5*)[16], т.е. явно «доготским временем». Естественно, не следует забывать, что на могильниках Инкерманской долины представлены и захоронения IV столетия, при том типологически не отличающиеся от более ранних.

Следовательно, нужно предположить, что: либо археологически удалось зафиксировать переселение группы германцев в Северное Причерноморье как минимум на столетие раньше, нежели это было известно по источникам, либо признать, что происхождение обряда кремации в Крыму прямого отношения к германцам не имеет.

Примечательно само местоположение могильников в непосредственной близости от Херсонеса и на пересечении коммуникаций, некогда контролируемых римлянами. Версия В.В. Кропоткина о «варварских базах» в Таврике вряд ли соответствует историческим реалиям[17]. И.С. Пиоро, В.М. Зубарь и В.А. Сидоренко в недавних работах более корректно подошли к вопросу о статусе населения Инкерманской долины, предлагая рассматривать его как военных поселенцев, размещение которых вполне соответствовало интересам Херсонеса[18]. По сути, речь идет о федератах, а с учетом более раннего времени можно говорить о них как о «союзниках», или симмахиях проримского Херсонеса[19].

Итак, с одной стороны более ранняя дата появления обряда сожжения – II в., с другой - статус «друзей херсонесского народа». Уже это заставляет более критично относиться к «германской» версии. Иногда ее сторонники идут на компромисс, предлагая считать памятники типа Ай-Тодор – Чатырдаг некрополями, оставленными населением, этнически отличным от проживавшего в Инкерманской долине. Признаем: различия действительно имеют место, но они не столь уж глубокие. Обряд сожжения на Южнобережье выглядит куда более скромно, что, наверное, вполне закономерно для периферийных памятников культуры. Трудно представить, что в Таврике, где кремация применялась крайне редко, на компактной территории, в рамках узкого хронологического периода сосуществуют две разных этно-культурных группы, практикующие фактически один и тот же обряд. **[64]** Ведь и на ЮБК и в Инкерманской долине наиболее выразительной формой погребения кремированных останков служит амфора, уложенная на бок и ориентированная горлом на юго-восток. Поверить в случайное совпадение, согласитесь, трудно. Или же мы действительно имеем дело с археологическим казусом, сейчас не поддающимся объяснению. Подчеркну еще одну деталь. Если бы наиболее ранние захоронения Ай-Тодора и Чатырдага действительно принадлежали «север-

ным пришельцам», тогда следовало бы ожидать в них находок типичного германского инвентаря, если не керамики, то хотя бы деталей повседневного костюма. Но, судя по инвентарю из самых ранних (последняя четверть III в.) сожжений на Ай-Тодорском некрополе, кремированные, при жизни носили фибулы местного крымского варианта и использовали обереги «позднескифского» облика (рис. 2, *10-15*)[20]. То же можно сказать и о совхозе «Севастопольский», где подавляющее большинство находок из сожжений (соседствующих с «сарматскими» подбоями и захоронениями младенцев в амфорах) принадлежит местной, условно «сарматизированной» культуре. Это ярко проявляется в формах лепной варварской керамики. Лепные сосуды-урны (рис.2, *6-9*) находят аналогии в сарматской посуде Приуралья, Поволжья и Нижнего Дона II-III вв., а отнюдь не в зонах расселения германцев[21]. Когда данная статья уже была подготовлена к печати, М.Б. Щукин опубликовал крайне интересную находку из одного из самых ранних погребений Чатырдагского некрополя. В трупосожжении 15 обнаружена фибула III в. (вероятно первой половины столетия), принадлежащая к типу так называемых «перекладчатых» (рис. 2, *16*)[22]. К сожалению, погребение, находившееся, по-видимому, в каменном ящике, разрушено при строительных работах. Из него, кроме уникальной фибулы, происходит бронзовая пряжка с круглым щитком и две полностью стертых боспорских монеты, использовавшихся в качестве подвесок.

Данный аксессуар костюма, похоже, вновь указывает на линию «северных контактов» таврического южнобережья. Но при этом М.Б. Щукин отмечает, что подобные изделия, коррелириующиеся с украшениями «круга эмалей», диагностируют не вельбарские или черняховские древности (которые принято связывать с готами), **[65]** а культуру балтов, а в Восточной Европе – киевскую культуру[23]. Для Крыма такая фибула – случай исключительный. Территориально близкие аналогии (в данном случае эмалевые подвески) происходят: одна - из погребения позднесарматского облика с территории Северного Кавказа[24], другая - с поселения с черняховской керамикой Рогожкино[25] на Нижнем Дону. Каким образом балтская фибула достигла южного Крыма - остается загадкой. Входила ли она изначально в состав костюма варвара, похороненного затем на склоне Чатырдага, или являлась «трофеем», приобретенным где-либо? Если допустить участие херсонесских «симмахиев» – жителей Инкерманской долины[26], в войне против Боспора в эпоху Диоклетиана, сопровождавшейся пленением семей варваров, участвовавших в нападении на Лазику (Const. Porph. De adm. Imp., 53), тогда, возможно, прояснится характер «контактов» и причины появления необычной фибулы в южнотаврическом регионе.

Довольно редкие находки предметов черняховского облика в кремациях не меняют картины, к тому же «черняховцы» проявляют себя на ранее первой половины IV в., т.е. тогда же, когда на территории Скифии распространяется обряд ингумационных погребений в склепах и идет сложение новой археологической культуры, отражающей процесс оформления особой этно-культурной общности, получившей развитие в раннесредневековый пери-

од, представители которой известны в первой половине VI в. под именем готов.

«Черняховцы» в Таврике

Версия о гибели Крымской Скифии в середине III в. и отказ от автохтонной линии развития племен Центрального и Юго-Западного Крыма, породили иллюзию лакуны между древностями первой половины III и IV вв. Признавая датировку основной части захоронений в склепах IV в., исследователи стремились проследить корни этого явления в пределах второй половины III столетия. В итоге, до сих пор в литературе эту группу некрополей часто именуют по хронологическому принципу «могильниками второй половины III-IV вв.», подразумевая тем самым, что они принадлежат новому населению, сменившему в крымских предгорьях «поздних скифов». Особенно четко это оформлено в работах А.И. Айбабина[27]. Он считает, что могильники со склеповыми конструкциями (Дружное, Перевальное, Нейзац, Озерное, Инкерман, Черноречье) и биритуальные некрополи **[66]** на Южном побережье Таврики возникают в середине III в. Даты более ранних вещей, происходивших из захоронений, «подтягивались» к середине III, как «предметы длительного пользования»[28].

В последние годы экспедицией И.Н. Храпунова были открыты захоронения на некрополях Нейзац и Дружное, безусловно, относящиеся к концу II-началу III вв.[29] Добавлю, могилы II в. найдены в Суворово[30] и Красной Заре (раскопки И.И. Неневоли), т.е. тех могильниках, возникновение которых традиционно относилось к середине III в. Это означает, что сами некрополи возникли еще до варварских походов и предполагаемого крушения Скифии и начало их функционирования не связано с резкой сменой населения вследствие «продвижения племен «алано-готского союза». Поэтому снова приходится ставить под сомнение тезис о середине III в., как о «переломном моменте» в истории Крыма. С учетом упомянутых находок, недавно И.Н. Храпунов представил обновленную схему развития этнических процессов в этой части полуострова[31].

Насколько можно уяснить из публикаций, все или почти все могильники Центрального и Юго-Западного Крыма (рис.1) содержат два горизонта: II – III в. и IV вв. Для первого показательны погребения в грунтовых и подбойных могилах, для второго, датируемого в основном IV в. – наиболее выразительными кажутся ингумации в склепах, хотя и в IV в. продолжают использоваться грунтовые и подбойные могилы.

Появление нового населения в IV в. фиксируется не только по обряду захоронения: резко возрастает процент захоронений воинов с оружием, проявляется специфический набор керамики и украшений. Именно из погребений «второго горизонта» происходят типичные черняховские формы сосудов и деталей костюма. Все эти признаки диагностируют сложение новой археологической культуры, выделение которой – дело будущего, пока же автор данной статьи предложил именовать их памятниками типа Озерное-Инкерман (рис. 1, *б*)[32].

Относительно датировки начального этапа данной группы (речь не идет о могильниках вообще) существуют различные мнения. А.И. Айбабин склонен относить самые ранние ингумации в склепах ко второй половине III в.[33] Основным аргументом, кроме упомянутой «историографической традиции», **[67]** являлись находки в погребениях украшений «сердоликового стиля» (его же условно можно назвать стилем «Кишпек-Градешка»). В настоящее время в результате исследований М.М. Казанского, В.Ю. Малашева, А.В. Симоненко, О.В. Шарова[34], сопоставивших северопричерноморские находки с более точно датированными западноевропейскими древностями, наметилась тенденция к отнесению изделий стиля «Кишпек-Градешка» и сопутствующего им инвентаря не ко второй половине III в. в целом, а к финалу столетия или даже к началу-первой четверти IV в., что соответствует развитой фазе ступени С2 европейской хронологической системы[35].

Мне представляется более вероятной датировка захоронений в склепах Центрального и Юго-Западного Крыма в пределах второй-третьей четвертей IV в., т.е. соответствующих фазе С3 европейской хронологии (рис. 6). Завершение формирования группы «Озерное-Инкерман», так сказать «кристаллизация культуры», на мой взгляд, связана не с вторжением «гото-алан» середины III в., а с последствиями херсонесско-боспорских конфликтов эпохи Константина Великого[36], хотя процессы, которые привели к ее оформлению, безусловно, уходят корнями в более раннее время. Здесь еще предстоит решить крайне важный вопрос об участии в них аборигенов Скифии.

Одним из характерных признаков новой культуры является присутствие в инвентаре захоронений вещей черняховского типа: украшений, деталей костюма, и керамики. Первые сводки «черняховских» предметов из Крыма были составлены С.А. Сымоновичем и В.В. Кропоткиным, впоследствии подобную работу предпринял И.С. Пиоро[37]. Категории инвентаря не равнозначны, украшения и фибулы, отражают, скорее, общую провинциально-римско-варварскую традицию, наиболее ярко проявившуюся в черняховской культуре. Иное дело керамика. Сразу следует отказаться от версии экспорта черняховцами посуды в Крым. В процессе подготовки нового обзора черняховской керамики из Центрального, Южного и Юго-Западного Крыма[38] выяснилось, что все комплексы, из которых происходят сосуды черняховского образца и чья датировка представлялась возможной, содержали монеты эпохи Константина Великого или вещи, показательные для фазы С3 (310/320-360/370 гг.). Исключение составляет только один комплекс могилы 35 Черноречненского некрополя, в которой найден среди прочего инвентаря, **[68]** серолощеный гончарный кувшин вполне соответствующий черняховским стандартам. Хронологический диапазон вещей из могилы весьма широк и формально охватывает весь III в., а возможно и начало IV (учитывая находки в ней изделий стиля Кишпек-Градешка[39]). Как бы не разрешился вопрос о ее датировке, в любом случае образец черняховской керамики из 35 могилы Черноречья можно признать наиболее ранним на территории Таврики, притом принадлежащим к «доинкерманскому» пласту древностей.

Укажу еще на ряд интересных аспектов, связанных с посудой черняховского типа из Крыма. Подавляющее большинство гончарных форм изготовлены из глины не характерной для Таврики, хотя есть и исключения. Разнотипные гончарные сосуды, по форме напоминающие черняховские, извлеченные из так называемого «кенотафа» на территории некрополя у совхоза «Севастопольский», сформованы из глины, визуально сходной с тестом большинства лепных сосудов Юго-Западного Крыма[40]. Это позволяет предполагать их местное крымское производство в подражание черняховским прототипам. Показательно, хотя пока не объяснимо, что большинство черняховских сосудов происходит из могильников Юго-Западного Крыма (рис. 3), хотя по другим признакам обряда и материальной культуры они не слишком рознятся от центрально-крымских некрополей. В Центральной Таврике можно назвать лишь на одну гончарную лощеную миску из могильника Дружное, опубликованную И.Н. Храпуновым[41]. Зато в некрополях центральной зоны распространены специфические формы лепной посуды с ребром на тулове (рис. 3,группа II)[42], по глине неотличимые от других сосудов из одновременных погребений IV в. Среди посуды этой группы особо выразительными выглядят лепные трехручные вазы. Однако эту керамику нельзя сравнивать ни с черняховской, ни с пшеворской, ни с вельбарской. Она - специфический признак памятников типа Озерное-Инкерман. Надо полагать, что соединение форм и элементов, первоначально характерных для сарматского и германского керамического производства, является ярким показателем интеграционных процессов, ставших стержнем позднеантичной и раннесредневековой истории Таврики.

Подлинная черняховская гончарная посуда у населения Предгорного Крыма бытует недолго, и, судя по моим наблюдениям, выходит из употребления в течение жизни одного поколения, тогда как **[69]** «синкретическая» лепная керамика II группы, существует вплоть до гуннского времени[43], а традиции ее производства прослеживаются даже позднее[44].

Подавляющее большинство предметов «черняховского типа» обнаружено в ингумационных захоронениях в склепах, подбоях и грунтовых могилах предгорий, а не в трупосожжениях южнобережья и Инкерманской долины, как того следовало бы ожидать. Все они (за исключением упомянутой чернореченской могилы 35) датируются исключительно IV в., так что, похоже, распространение черняховского инвентаря явление общее как для памятников типа Ай-Тодор, так и группы Озерное-Инкерман (рис.1).

Возникает справедливый вопрос, как же тогда расценивать находку в одном из погребений IV в. Чатырдага намеренно согнутого пополам меча[45]. Этот редкий для черняховской культуры и уникальный для Крыма, обряд считается атавизмом пшеворского компонента, участвовавшего в формировании культуры. Но сам этот единичный факт конечно еще не является подтверждением «германской версии» происхождения крымских кремаций. Если население, оставившее могильник действительно федераты, основу которых составляли переселенцы из Инкерманской долины, тогда можно допустить, что несколько позднее этот контингент могли пополнить и отдельные пред-

ставители иноэтничных варваров и германцы в том числе, причем по времени это хорошо совпадает с «черняховским» импульсом в культуре Юго-Западного Крыма. В этой связи может показаться интересной версия о связи погребений с оружием (в том числе и деформированным) с герулами-наемниками, из которых набирали профессиональных воинов германские вожди[46]. Те же воины-герулы с успехом могли состоять на службе проримского Херсонеса в IV в. Обладавшие сходным обрядом погребения, герулы в этом случае окажутся археологически невыделимы из общего массива варваров - федератов группы Ай-Тодор–Чатырдаг.

Аланская культура в Крыму?

Большинство исследователей считают, что массовое распространение склепов в могильниках типа Озерное-Инкерман определила миграция алан Северного Кавказа, в составе уже упоминавшегося «гото-аланского» союза[47]. Есть и другие версии об истоках традиции погребения в склепах, например, «боспорская»[48]. **[70]** Обратим внимание, что недавно М.Г. Мошкова и В.Ю. Малышев, затронув проблему происхождения склепов Предгорного Крыма и соответствующего им обряда и форм инвентаря, пришли к выводу, о достаточно глубоких различиях в культуре Предкавказья и позднеантичной Таврики[49]. Сходство и различия в конструкции склепов Северного Кавказа (первой половины III-IV вв.) и Нижнего Дона (второй половины III-IV вв.) с одной стороны и Боспора, Центрального и Юго-Западного Крыма с другой, как мне представляется, наглядно демонстрируют рисунки 4 и 5. Кавказские и нижнедонские склепы более примитивны по конструкции, это, в основном, подкурганные катакомбы для индивидуальных захоронений, в то время как в Крыму все могильники грунтовые, а склепы предназначены для многоразовых погребений. На Северном Кавказе действительно есть катакомбы, напоминающие крымские склепы, но хронологически они не предшествуют им, а синхронны, а чаще всего содержат более поздний инвентарь (рис. 4, *5,6*), так что проблема выяснения направлений «влияния» составляют отдельную тему. Это заставляет поставить под сомнение ведущую роль выходцев из Северного Кавказа в формировании культурного облика населения Предгорного Крыма в позднеантичную и раннесредневековую эпоху. Но и отрицать их «влияние», механизм которого не до конца ясен, было бы неоправданно. Многочисленные «совпадения» в обряде и материальной культуре фиксируются постоянно, в ряде погребений найдены гончарные серолощеные сосуды, напоминающие северокавказские. И.Н. Храпунов, анализируя материалы могильника Дружное (одного из эталонных памятников группы Озерное-Инкерман), справедливо пишет о нескольких компонентах: северокавказско-аланском, общесарматском, и «готском» (германском)[50].

Вопрос в другом: как протекал процесс формирования новой культуры, и на какой территории? Возможно, истоки следует искать в контактной зоне, находившейся, скорее всего в районе Боспора. Открытие аналогичных по конструкции варварских склепов начала IV у с. Курское[51] (рис. 5, *8-10*), на границе Восточного и Центрального Крыма (рис. 1), вроде бы подтверждает эту догадку[52]. Но, надо полагать, окончательно сформировалась культура

Озерное-Инкерман уже во второй-третьей четверти IV в. (ступень С3), впитав в себя как признаки пришлого населения, так и наследие местных варваров. **[71]**

В последней четверти IV в. могильники группы Озерное-Инкерман в предгорных районах прекращают функционировать, тогда же к югу от Внутренней гряды Крымских гор появляются аналогичные некрополи с погребениями в склепах (группа Скалистое-Лучистое), на которых хорошо представлены комплексы (рис. 7, 8) следующей хронологической ступени D1-D2 (360/370-440/450 гг.)[53]. Материальная культура и погребальный обряд (рис. 9) населения, оставившего данные могильники (многие из которых просуществовали до IX – первой половины X вв.), безусловно, демонстрируют преемственность традиций потомков населения предгорий. Сейчас это настолько очевидно, что данный вопрос даже не дискутируется.

Крымские готы: проблема идентификации

Здесь мы подходим к чрезвычайно актуальной проблеме соотношения археологического выражения этой этно-культурной общности и письменных источников. Как указывалось выше, подавляющее большинство признаков погребального обряда и характер керамического комплекса на памятниках группы Озерное-Инкерман и типа Скалистое-Лучистое соответствуют нашим представлениям о сарматской культуре. Поэтому в археологической литературе их зачастую именуют сармато-аланскими. Формально это соответствует действительности, точнее нашим представлениям о ней. Но поразительно, что при обилии археологических памятников «сармато-алан», об аланах в Юго-Западной Таврике совершенно не упоминают раннесредневековые источники.

Я не зря отметил преемственность и непрерывную линию развития населения, оставившего могильники типа Скалистое-Лучистое в эпоху раннего средневековья. Здесь наиболее важно то, что основная зона распространения памятников типа Скалистое-Лучистое это - горная часть Юго-Западного Крыма и Южное побережье Таврики, т.е. те земли, в пределах которых принято помещать страну Дори и Готию. Где бы ни локализовали страну Дори: в окрестностях Мангупа или Эски-Кермана, в Инкерманской долине, или на Южном берегу Крыма[54] везде мы найдем памятники достаточно монолитной культуры, основной идентифицирующий признак которой – могильники с захоронениями в склепах.

Если раньше еще была надежда отыскать в этом районе некую локальную культуру «готского образца», то теперь, когда на всем **[72]** этом пространстве обнаружены десятки однотипных могильников, приходится признать: население, оставившее некрополи типа Скалистое-Лучистое, с захоронениями «по сарматскому обряду», в источниках именовалось готами! Именно готами, а не «гото-аланами», так как последний термин относится к XV в. и проецировать его на раннесредневековые реалии вряд ли уместно.

Ясно одно: другого археологического выражения культуры крымских готов, памятников типа Скалистое-Лучистое просто не существует. Если мы не признаем этого очевидного факта, то постоянно будем сталкиваться с про-

тиворечиями. Они наиболее ярко проявилось в монографии И.С. Пиоро[55]. Если следовать логике рассуждения автора, то окажется, что территория Готии и страны Дори была заселена сармато-аланами, а этническим готам (оставившим, по его мнению, некрополи с трупосожжениями) отводилась лишь узкая полоса Южнобережья и Инкерманская долина, при том, что эта «Готия» должна была исчезнуть (с учетом верхней даты кремационных погребений) не позднее середины V в. В этом случае налицо явное несоответствие письменной традиции. В итоге нарративные источники и археологические памятники воспринимаются в разных плоскостях, параллельно, не пересекаясь, и не дополняя друг друга, а скорее - даже вступают в противоречие. Уже поэтому данное обстоятельство должно насторожить исследователей, т.к. подчеркивает существенную разницу между «археологическим» восприятием культуры варварского племенного мира и «исторических народов», населявших Таврический полуостров в раннесредневековую эпоху.

Несомненно, противоречие существует, а значит, заблуждаемся либо мы, либо Прокопий, уверенно писавший о жителях Дори как о готах. Кесариец не считал себя специалистом в этнографии варваров, но для секретаря Велисария готы не были мифическим народом, и спутать их с кем-либо он вряд ли мог. Отличал он готов явно не по керамике и не по погребальному обряду, а, скорее всего … по языку! Именно к этому выводу в конечном итоге пришел А.К. Амброз[56]. Возможно, со временем придется признать, что средневековые жители гор действительно говорили на германском наречии. Тогда становится объяснимым, почему выходцы из разгромленного в середине VI в. остготского и гепидского королевств, **[73]** столь легко «вписались» в местную культуру, а «крымские готы» в свою очередь восприняли новый стиль и форму женского парадного костюма.

Если признать погребения в склепах Горного Крыма памятниками крымских готов, как это было во времена Н.И. Репникова и как их понимают некоторые современные европейские ученые[57], возможно, мы наконец-то отойдем от подмены письменной традиции «археологическими реконструкциями» и «учеными мифологемами», заменившими исторических готов на «археологических алан».

Примечания

1. Пиоро И.С. Крымская Готия. - К., 1990. - С. 12-32.
2. Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. - М.1990. – С. 92-103 .
3. Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236-276 гг.н.э. // Stratum+Петербургский археологический вестник. 1998.
4. Щукин М.Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ.1977. №18. - С. 87-88.
5. Ростовцев М.И. Сарматы // Петербургский археологический вестник. 1993. Вып.5. – С. 94.
6. Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. 1932. Вып. XII (Готский сборник).- С. 40-45.
7. Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. 1961. Вып. Г4. - 4. – С. 64-65. - №№ 609, 622, 623.
8. Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. Боспоро-херсонесские отношения и этно-политическая ситуация в Крымской Скифии в III-IV вв.н.э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. - СПб., 1999. - С. 243-244; Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю. Керамический комплекс III в. из Неаполя Скифского // Старожитності степового Причорноморя і Криму. – Запоріжжя, 2000. - С.267-270.

9. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. – Киев, 1994.- С.112.
10. Пиоро И.С. Герцен А.Г. Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области // Нумизматика и сфрагистика. - К., 1974. - Вып. 5.
11. Айбабин А. И. О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет черняховской культуре.- Киев, 1999. - С. 243, 244.
12. Веймарн Е.В., Стржелецкий С.Ф. К вопросу о славянах в Крыму // ВИ. 1952. № 4.
13. Смирнов А.П.. К вопросу о славянах в Крыму // ВДИ. 1953. №3. **[74]**
14. Піоро І.С. Етнічна належніcть Ай-Тодорського могільника // Вісник Київського унів-ту. Сер. Іст. 1973. №15.
15. Пиоро И.С. Черняховская культура и Крым // Сто лет черняховской культуре. - К., 1999. - С. 232.
16. Кадеев В.І., Сорочан С.Б. Херсонес і Західний Понт: проблема контактів // Археологія. 1989. №4. - С.94-95; Внуков С.Ю. Новые типы позднесинопской амфорной тары // РА. 1993. №3. – С. 204-207; Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю. Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // ХСб. 1998. Вып. 9. – С.103, 108, прим. 45.; Высотская Т.Н. Амфоры редких типов из могильника «Совхоз №10» (Севастопольский) // Донская археология. 2000. №3-4.
17. Кропоткин В.В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. - М., 1978.
18. Пиоро И.С. Крымская Готия. – К., 1990. - С. 105-107.
19. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. - К. 1998. - С.149-150; Сидоренко В.А. Федераты Византии в Юго-Западном Крыму. - Автореф. канд. дисс. - СПб., 1994. - С. 12.
20. Орлов К.К. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. - К., 1987.
21. Высотская Т.Н. О некоторых этнических особенностях погребенных в могильнике «совхоз №10» (на основе лепных погребальных урн) // Поздние скифы Крыма. - М., 2001.
22. Щукин М.Б. Об одной интересной находке из могильников на склоне Чатыр-Дага // Алушта и алуштинский регион с древних времен до наших дней. - К., 2002 - С. 7-15. - Рис. 1, *1*.
23. Там же. - С.10-11.
24. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время. - М., 1993. - С.167. - Рис. 66, 37.
25. Безуглов С.И., Гудименко И.В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. 1993. №1.
26. Юрочкин В.Ю. Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. - Запорожье, 1999. - С. 279.
27. Айбабин А.И. Население Крыма в середине III-IV вв. // МАИЭТ. 1996. Вып.V. - С. 294-297.
28. Айбабин А.И. Население Крыма в середине III-IV вв. – С. 290-292. - Рис. 2-5.
29. Храпунов И.Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып.VI; Храпунов И.Н. О позднесарматской археологической культуре в Крыму // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1999; Мульд С.А. Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в Центральном Крыму // ХСб. 1999. Вып. X. **[75]**
30. Юрочкин В.Ю. О хронологии Суворовского позднеантичного могильника // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса. 1997. - С. 304-305 (0 фаза).
31. Храпунов И.Н. Об этнических процессах в Крыму в римское время // ПИФК.- М.-Магнитогорск, 2001. - Вып.X.
32. Юрочкин В.Ю. Памятники группы Озерное-Инкерман в позднеантичном Крыму // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. конф. – Севастополь, 1997.
33. Айбабин А.И. Население Крыма в середине III-IV вв. – С. 295.
34. Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. 1995. IV; Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // РА. 2001. №4; Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. - Ростов-на-Дону, 2000; Яценко С.А. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // STRATUM plus. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2000. №4; Шаров О.В. О распространении полихромной поясной гарнитуры в Восточной и Центральной Европе // Ювелирное искусство и материальная культура. Тез. докл. – СПб, 2001.
35. Щукин М.Б. Некоторые замечания к хронологии начала черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. - Киев. 1999. - С. 15.
36. Юрочкин В.Ю. Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1999. – С. 281.
37. Симонович Е.О. Про кераміку черняхівського типу в Криму // Археологія. – 1975.-№18; Кропоткин В.В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. - М., 1978.
38. Пиоро И.С. Крымская Готия. – К., 1990. - С.101-103; Пиоро И.С. Черняховская культура и Крым // Сто лет черняховской культуре. - К. 1999.
39. Юрочкин В.Ю. Черняховская керамика Юго-Западного Крыма // ХСб. 1999. Вып. X.

40. Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в Понтийских степях // МАИЭТ. 1994/95. Вып. IV. - С. 239-241.
41. Юрочкин В.Ю. Черняховская керамика Юго-Западного Крыма – С. 265, 266.
42. Храпунов И.Н. О населении Крыма в позднеримское время (по материалам могильника Дружное) // РА. 1999. №2. - Рис. 2, 8. **[76]**
43. Власов В.П. Лепная керамика из некрополя III-IV вв. н.э. Дружное в Крыму // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999; Власов В.П. Трехручные сосуды из могильника Дружное // МАИЭТ. 2000. Вып.VII; Юрочкин В.Ю. Черняховская керамика Юго-Западного Крыма. - Рис. 7, группа II.
44. Храпунов И.Н. Мульд С.А. Завершение исследований могильника Дружное // Археологические исследования в Крыму. – Симферополь, 1997. - Рис. 148, 1,3.
45. Юрочкин В.Ю. Черняховская керамика Юго-Западного Крыма. - Рис. 3, 3.
46. Мыц В.Л. Могильник III-V вв. н.э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма. - К., 1987. - С.152. - Рис.5, 11.
47. Голенко В.К. Юрочкин В.Ю., Синько О.А. Джанов А.В. Рунический камень с г.Опук и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // ДБ. – М. 1999.- Вып. 2. - С. 82-83.
48. Пиоро И.С. Крымская Готия. – К., 1990. - С. 139; Айбабин А.И. Население Крыма в середине III-IV вв. // МАИЭТ. 1996. Вып.V. - С. 295; Храпунов И.Н. О населении Крыма в позднеримское время (по материалам могильника Дружное) // РА. 1999. № 2. - С.146-148.
49. Юрочкин В.Ю. Архитектура погребальных сооружений Юго-Западного Крыма позднеримского и раннесредневекового врмени // Пам'ятки архітектури і містецтва в світлі нових досліджень. Тези наук. конф. – К., 1996; Голенко В.К. Юрочкин В.Ю и др. Рунический камень с г.Опук -С.88.-прим. 3; Юрочкин В.Ю. Происхождение склепов Центрального и Юго-Западного Крыма: Боспор или Кавказ? // Боспорский феномен. – СПб., 2002 (в печати).
50. Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. – Волгоград, 1999.-С.195-197.
51. Храпунов И.Н. О населении Крыма в позднеримское время // ПИФК.- М.-Магнитогорск, 2001.- Вып.X.
52. Труфанов А.А., Колтухов С.Г. Могильник III-IV вв. у с. Курское на западной периферии Боспора // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. - СПб., 2001.
53. Там же.
54. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. – К., 1993. - С. 197; Айбабин А.И. Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып.VI. – С. 309; Lohe K. Das Graberfeld von Skalistoje auf der Krim und Ethnogenese der Krimgoten (Ende 4. bis Anfang 6. Jahrhundert) // Die Sintana de Mures-Cernjchov-Kultur. Bonn. 1999. **[77]**
55. Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II; Сидоренко В.А. К вопросу о Фуллах и Доросе. Часть 1 // МАИЭТ.1994/95. Вып. IV.
56. Пиоро И.С. Крымская Готия. – К., 1990.
57. Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв.// МАИЭТ. 1994/95. Вып. IV. - С.62.
58. Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19; Lohe K. Das Graberfeld von Skalistoje auf der Krim und Ethnogenese der Krimgoten (Ende 4. bis Anfang 6. Jahrhundert) // Die Sintana de Mures-Cernjchov-Kultur. Bonn. 1999.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

К СТАТЬЕ В.Ю. ЮРОЧКИНА «К ВОПРОСУ О «ГОТСКОМ ВОПРОСЕ»

Рисунок 1. Позднеантичные памятники Крыма. **[78]**

Рисунок 2. 1-5: амфоры-урны II в. из кремаций
могильника у совхоза «Севастопольский»
(по Высотская, 2000);
6-9: Лепные урны с кремациями у совхоза «Севастопольский»
(по Высотская, 2001);
10-15: находки из трупосожжений 34-35 Ай-Тодора
(по Орлов, 1987)
16 – фибула из кремации №15 Чатырдага (по Щукин,2002) **[79]**

Рисунок 3. Основные группы лепной и сероглиняной гончарной керамики из могильников типа Озерное-Инкерман**. [80]**

Рисунок 4. 1 – Нижний Джулат: II- 1 пол.III вв.
2, 3 - Подкумский могильник: II- 1 пол.III вв.
4 – Алхан-Кала: III в.
5- Октябрьский: IV в.
6- Брут: V в.
7- Директорская Горка: III в.
8, 9 -Веселый III: 2 пол. III в.
10 - Мазанка II: 1 пол. IV в.
11 – Кутейников I: 1 пол. IV в.
12 – Мазанка II: 2 пол. III вв.
13 – Пирожок: IV в.
14 – Центральный: IV в. **[81]**

Рисунок 5. 1 - Нимфей: II в.
2 - Тиритака: I-III вв.
3 - Тиритака: II в.
4, 5 - Нимфей: 2 пол. II – 1 пол. III вв.
6 - Сююрташ: ? - 1 пол.V вв. (раскопки А.А. Масленникова).
7 - Джург-Оба (Китей): 1 пол. IV в. (раскопки А.Л. Ермолина).
8-10 - Курское: 1 пол.IV в. (раскопки А.А. Труфанова).
11 - Перевальное: IV в. (раскопки А.Е. Пуздровского).
12 - Озерное: IV в.(раскопки И.И. Лободы).
13 - Суворово: IV в. (раскопки Ю.П. Зайцева).
14 - Вишневое: IV в. (раскопки Ю.П. Зайцева). **[82]**

Рисунок 6. Характерные элементы материальной культуры группы Озерное-Инкерман (вторая-третья четверть IV в.) **[83]**

Рисунок 7. Раннесредневековые могильники. Ранний горизонт группы Скалистое-Лучистое. **[84]**

Рисунок 8. Характерные элементы материальной культуры и погребального обряда раннего горизонта могильников типа Скалистое-Лучистое (последняя четверть IV – 1 половина V в.). **[85]**

Рисунок 9. Типы склепов Предгорного (группа Озерное-Инкерман) и Горного Крыма (группа Скалистое-Лучистое). **[86]**

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: КОНТИНУИТЕТ РАССЕЛЕНИЯ, ПЛАНИРОВКИ, ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н.Н. Болгов (Белгород)

Сельская территория Боспора начала исследоваться только в середине XX в. А.А. Масленников отмечает, что работы последних десятилетий позволяют ныне выделить слой конца III – конца VI вв. помимо городищ и на сельских поселениях Боспора[1]. С каждым полевым сезоном наши знания о хоре увеличиваются. Сельские поселения Северного Причерноморья эпохи поздней античности имели определенные черты сходства с общим типом сельского поселения Средиземноморья[2]. Вместе с тем, имелись и определенные отличия.

В качестве основных континуитетных характеристик здесь будут рассмотрены: сохранение античной системы расселения, планировки поселений, строительного дела, землепользования, хозяйственной деятельности, быта.

Устойчивой тенденцией развития позднего Боспора было медленное, но неуклонное сокращение числа сельских поселений и переход к очаговому характеру расселения. Комплексные причины этого явления - те же, что и в основных центрах античной цивилизации. На островах Таманского архипелага в III в. существует около 140 поселений, на рубеже IV-V вв. точно установлено пока 35[3]. Ярко выраженных черт какого-либо варварского присутствия в материальной культуре сельского населения не прослеживается, хотя отдельные элементы имели место[4]. Точнее речь можно вести о синкретическом сплаве, в котором преобладали античные элементы.

Значительная часть сельской хоры Боспора была разрушена готским нашествием[5]. Непродолжительное время какое-то население, этнос которого не ясен, обитало на развалинах городищ III в. как на побережье, так и в глубине полуострова (Ново-Отрадное, Илурат, Нижнее-Заморское). Есть варварские селища, но они не исследовались и их хронология не точна. Никакого устойчивого и охраняемого пограничья, разделявшего позднеантичное государство и варварские земли, не существовало[6]. Однако, определенное территориальное разграничение имело место. **[87]**

Многие разрушения на городищах и хоре Северного Понта, видимо, связаны с природными катастрофами, землетрясениями[7].

Оборона сельской территории Боспора (с конца III в.), как и общий характер расселения, приобретают локальный характер[8]. О важности крепостей на боспорской хоре говорит терминология Константина Багрянородного: рассказывая о войнах с Херсонесом он упоминает лишь столичный город Боспор и «крепости Меотиды» (De adm. Imp. 53).

Сельские поселения позднеантичного времени, хотя и очаговым образом, открыты на большей части территории Боспора. На них преобладают жилые и хозяйственные помещения. Признаками жилого помещения являются особенности интерьера, характер и массовость археологического материала.

В центре европейской части, в 19 км к западу от Керчи, у подошвы холмов, у с. Михайловка открыто городище. Само городище занимало вершины холмов, а подножия занимали остатки сельскохозяйственных оград позднеантичного времени[9]. Строительные остатки пятого слоя в различных направлениях перекрывают фундаменты и вымостки предыдущего слоя и содержат фрагменты стенок амфор с густорифленой поверхностью. Автор раскопок отнес материал к IV в. Слой 4 заканчивался пожаром середины III в. 5-й слой над ним датируется IV в. по стенкам амфор с густорифленой поверхностью. Возродившееся поселение было, по мнению автора раскопок, разрушено гуннами[10]. Конец жизни поселения, видимо, действительно был связан с гуннами[11], но этот вывод четко не обоснован.

Поселение у дер. Ново-Отрадное было расположено на высоком холме в 1,5 км к северо-востоку от северного конца Узунларского оборонительного вала. Погибло в результате готского нашествия[12]. Еще одно поселение в этом ряду – у дер. Золотое на вершине холма у высокого обрывистого берега. В V в. связь этого района с остальным Боспором была номинальной. Поселение, оставившее некрополь у с. Заморское, продолжало существовать после середины III в.[13]

В Крымском Приазовье в IV-VI вв. сохранился, пусть небольшой, экономический потенциал сельской территории Боспора, опиравшийся на многовековые традиции относительно стабильного населения, навыки земледелия и благоприятные природные условия. **[88]** В VI в. на ряде поселений (Салачик, Золотое-Восточное в бухте) возводятся новые стены и башни. Набор и облик лепной керамики в это время сравнительно мало изменился. Преемственность ее основных типов и форм на протяжении длительного времени очевидна. Поселения существовали на протяжении всего позднеантичного времени без заметных потрясений и практически не изменили своего облика. Окончательно жизнь на местных поселениях замирает лишь ок. 575 г.[14]

А.А. Масленников выделяет ранневизантийский период в истории европейской хоры Боспора. Речь идет о вполне полнокровном функционировании целого ряда прежних городищ. Непрерывность обитания по третью четверть VI в. устанавливается для поселений: Мыс Зюк, Зеленый Мыс, Сиреневая бухта, Генеральское-восточное, Салачик, Куль-Тепе-западное, Золотое Восточное в бухте, Белинское[15]. Открыты четкие и выразительные слои позднеантичного (ранневизантийского) времени. На всех поселениях найдены поздние боспорские монеты. Наиболее дробная стратиграфическая колонка получена на поселениях Зеленый мыс и Золотое Восточное в бухте.

Восточно-Крымская археологическая экспедиция с 1984 г. вела раскопки поселения Зеленый мыс, расположенного в 8 км к западу от пос. Курорт-

ное (мыс Зюк). Это городище площадью ок. 1 га. На небольшом скалистом мысу с вертикальными стенами была расположена «цитадель», где обнаружен материал IV-VI вв., в т.ч. монета 325 г.[16] Естественным оврагом городище делится на две части – северную (условное название «цитадель») и южную. В 1985 г. здесь был найден клад боспорских монет Фофорса и Рескупорида VI, два золотых солида Феодосия II 443-444 гг. (по определению В.В. Кропоткина) в культурном слое IV-VI вв.[17] В 1986 г. в северной части был открыт жилой массив VI в. площадью около 650 кв. м.[18]

После пожара и гибели в середине III в. последовал период запустения. Исследованы засыпи цистерн. Материал показывает, что поселение существует до середины III в., а затем гибнет в пожаре; имеет место некоторый период запустения[19] до 2-й пол. IV в. Время формирования нивелировочного слоя – начало 2-й четверти VI в. 570-580-е гг. – время формирования золистого слоя. Его перекрывает плотный коричневый грунт. Это – гибель поселения. Для определения хронологии авторы публикаций отмечают важность преобладания формы 3 группы LRC; на втором месте – форма 10, появляющаяся с 570-580-х гг.[20] **[89]**

В целом на поселении Зеленый мыс выделяется два этапа материальной культуры, начиная со 2-й пол. IV в. (это единый хронологический период): 1) 2-я пол. IV в. – начало 2-й четв. VI в.; 2) начало 2-й четв. VI в. – 570-580 гг. Первый пока слабо дифференцирован. Это хозяйственные ямы, обрывки вымосток, «жертвенник»[21].

К 1-му этапу относится неординарная архитектура поселения: прекрасно обработанные блоки, плиты, архитектурные детали, вторично использованные в кладке стен 2-го этапа, в т.ч. уникальная феодосианская капитель V в. Это незавершенное изделие: лишь намечен, но не проработан ни один из стреловидных листьев, которые разделяют листья аканфа (основной элемент декора эхина); нет отверстия для крепления с телом колонны. Не говорит ли это о местном производстве?

Пострадавшее в пожаре 20-х гг. VI в. поселение отстраивается практически заново. Нивелировочные работы уничтожили остатки более ранних сооружений и связанные с ними слои. Новые постройки возводились на мощном слое плотной субструкции – это жилые дома прямоугольной формы с примыкающими к ним открытыми дворами (античная традиция). Лишь две постройки доживают до гибели поселения в 70-80-х гг.[22]

Открыто 8 хозяйственных ям позднеантичного времени. Слой был образован во 2-й четверти VI в. Поверх насыпного грунта устраивается довольно мощная субструкция, на которой возводятся жилые помещения с небольшими дворами. Частично исследованы два помещения. Кладка стен иррегулярная, выполнена довольно аккуратно с использованием глиняного раствора из бутового камня различной величины. В северном углу одного из дворов обнаружен жертвенник с монетой Рескупорида VI 326 г. Ок. 550 г. южное помещение подверглось реконструкции (возводится поперечная стена и др.). Обе структуры гибнут в начале 3-й четверти VI в. Но жизнь на поселении не прекращается. На части площади на насыпном грунте возводится вы-

мостка. Продолжает существовать постройка на третьей террасе (хорошо обработанные прямоугольные блоки известняка, замковый камень арки, феодосианская мраморная капитель колонны). Поселение гибнет в 570-580-е гг.[23] **[90]**

Как видим, основные строительные остатки относятся ко второму этапу. В начале 2-й четв. VI в. на поселении, незадолго до того пострадавшем в пожаре, происходят интенсивные строительные работы. Оно практически отстраивается заново. В конце 2-й четверти большая часть новых построек гибнет в пожаре. Часть из них уже не восстанавливается. Ок. 565 г. гибнут и оставшиеся. Лишь одно помещение доживает до гибели поселения около 570-580 гг.

С.В. Мокроусов утверждает именно о двух пожарах на Зеленом мысу (как и на Золотом Восточном в бухте) – ок. 525 и 550 гг., против чего выступает А.В. Сазанов. Второй погром был более серьезным.

Дополнительно отметим, что на поселении Зеленый мыс выделено несколько типов печей. Размеры печей никак не связаны с величиной помещений. Лишь в двух случаях вместо печей имелись очаги[24].

Одним из наиболее изученных поселений Крымского Приазовья позднеантичного времени является Золотое Восточное в бухте. Эта небольшая бухта расположена в северо-западной части микрозоны. С востока поселение было ограничено возвышенностью курганного типа в основании мыса. С 1990 г. на восточном склоне этого холма были начаты раскопки, давшие культурный слой мощностью до 3 м и открывшие остатки мощных фортификационных сооружений («башня»). Весь материал культурного слоя дал материал IV-VI вв. Хорошая репрезентативность и большое количество фрагментов керамики, в том числе и импортной, позволили А.В. Сазанову и С.В. Мокроусову установить стратиграфию позднеантичного времени[25]. Значительная территория городища и наличие крупного некрополя позволяют предположить, что Золотое Восточное в бухте могло быть не просто поселением, а городком или даже малым городом. Его стратегическое положение на западе Крымского Приазовья, наличие укреплений говорят о важности этого пункта не только для данной микрозоны, но и для всего Боспора. По предположению А.А. Масленникова, здесь могли жить позднебоспорские федераты, охранявшие северо-западные рубежи государства. В начале последней четверти VI в. городок был разрушен. Особенно пострадал комплекс «башни»[26]. Эта дата хорошо согласуется со временем тюркского завоевания 576 г.

Стратиграфия построена на основе анализа амфорной и краснолаковой керамики. Стратиграфическая колонка наиболее **[91]** репрезентативна на восточном раскопе. Устройство нивелировочного слоя, строительство помещений, включая «башню» (1-й строительный период) приходится по синхронизации материала на начало 2-й четверти VI в.[27] 2-й строительный период – 2-я четверть VI в. В 3-й четверти VI в. происходит полная перепланировка восточного участка. Значительным реконструкциям подверглась и «башня». Перестройки происходят сразу после разрушений. Это – 3-й строительный период[28]. В 3-й четверти VI в. формируется зольник. Образование слоя 7,

самого мощного в данной колонке, связано с гибелью комплекса «башни». Окончательное разрушение комплекса «башни», т.е. финал 3-го строительного периода, датируется концом 3-й четверти VI в.[29] (ок. 575 г.).

Общая площадь поселения Золотое Восточное в бухте составляет 0,5 га. К 1-му строительному периоду (нач. 2-й четв. VI в.) можно отнести башню и примыкающий к ней с востока комплекс из двух жилых помещений и дворика. Башня была прямоугольной формы, на скальном останце; стены лишь «облицовывают» скалу. Комплекс погибает в начале 2-й четв. VI в. Второму строительному периоду соответствуют новые уровни полов в помещениях. Стены и башня заметным реконструкциям не подверглись. В конце 2-й четверти VI в. – новый разгром, после которого происходит перепланировка всего восточного участка. Возведена новая стена 7. К башне с юга пристраивается стена 1. К западной стене основания башни был пристроен мощный контрфорс[30].

На Золотом Восточном в бухте вскрыты строительные остатки и слои только второго этапа. В начале 2-й четв. VI в. на поселении возводится мощная конструкция типа башни, к которой примыкают жилые помещения. Последние пострадали в пожаре 2-й четв. VI в., но были восстановлены и просуществовали до конца 2-й четверти. В конце 2-й четверти произошли более серьезные разрушения, затронувшие все выявленные структуры. Помещения более не восстанавливаются. Их участок в начале 3-й четверти подвергается полной перепланировке (мощный нивелировочный слой). Существенные конструктивные изменения претерпела и башня. Поселение гибнет также около 570-580 гг.[31]

Ок. 550 г. происходит полная перепланировка на городище Золотое Восточное в бухте после разгрома. Объяснить эти события можно мятежом гуннов, разрушившим Фанагорию и Кепы. Тот факт, что Киммерида уцелела в этих событиях, позволяет предположить не вторжение утигуров с востока через пролив, а какое-то «местное» восстание на европейском Боспоре. Менее вероятно вторжение варваров с запада. Можно допустить также следующее: утигуры разгромили Тамань, обошли, не взяв, Ильичевскую крепость (не сдалась?) и ударили по Крымскому Приазовью – наиболее жизнеспособной зоне европейского Боспора, расположенной относительно далеко от столицы.

Городище Белинское имеет площадь 12,4 га. Расположено на высоком плато, господствующим над местностью и с трех сторон ограничено речной долиной. В северной части городища выявлен **[92]** второй строительный период сер. III – 1 четв. IV вв.; третий (и последний) - 2 четв. IV – 1 пол. V в.[32] В следующей публикации хронология была уточнена: второй период - посл. четв. III – сер. IV в.; третий – 3 четв. IV – 1-я пол. V в.[33] В сер. III в. постройки первого периода подверглись разрушению со следами пожара. Картина гибели напоминает ситуацию в Ново-Отрадном. Разрушения III в. не привели к гибели городища. Очень быстро, к последней четверти III в., на сырцовом развале стен первого периода восстанавливаются постройки, а общая территория застройки даже расширяется. Происходит частичная перепланировка,

но в целом она сохраняется. Следовательно, новые постройки возводили прежние жители. В ямах монетный материал относится к 280-322 гг.[34] Между вторым и третьим слоями лежит золистый мусорный слой. В третьем – керамический материал V в., три переносных алтарика[35]. Напластования на городище – в основном позднеантичного времени. Очень показателен материал из ямы 7 1998 г. на раскопе «Северный». Датирующий материал – монетный. Последние монеты из ямы относятся к 322 г. С 323 г. начинаются массовые выпуски монет Рескупорида VI. Яма функционировала как зернохранилище, но однажды была засыпана[36]. Активная жизнь поселения продолжалась до сер. IV в. Окончательное разрушение сопровождалось находками каменных ядер, сильным пожаром сер. IV в. Эта часть городища более не восстанавливается, но в других частях, возможно, жизнь продолжалась и позднее[37].

Одно из наиболее показательных поселений – Генеральское[38]. Открыто в 1977 г. Генеральское-восточное имело площадь – ок. 1 га. Вскрытые слои относятся к позднеантичному времени (в 1979 г. – IV в.). А.А. Масленников отмечает высокое качество обжига и тщательную выделку лепной посуды (светло-коричневая глина с примесью толченой ракушки). В помещении III есть находка дна краснолаковой тарелки с клеймом в виде креста[39]. В яме 9 – амфоры IV-VI вв. (тип 100 по Зеест). Следы локальных разрушений середины III в. на поселении есть, но они не были катастрофическими. После разрушения где-то в середине IV в. поселение отстраивается заново и существует еще около двух столетий, хотя население сокращается, а постройки становятся небрежнее и меньше[40]. Сильный пожар, видимо, произошел в конце IV в. Однако, поселение в сильно сократившемся виде существует до VI в. Поселение выделяется своими **[93]** большими размерами. Быть может, оно было центром какой-то округи или прибрежного района[41]. Жизнь на Генеральском городище продолжалась до 2-й половины VI в. без следов катастроф[42].

Аналогичное по типу и размерам (около 0,5 га) городище Сиреневая бухта почти не раскапывалось.

Далее на запад располагалась бухта Генеральская, в которую впадает степной ручей. Близ устья ручья, около большой обособленной скалы (на восточном берегу ручья, находилось небольшое, но многослойное поселение Салачик. Раскопками отмечена локальная катастрофа III в. – наводнение (из-за резкого подъема уровня моря или из-за сильнейшего разлива ручья)[43]. На Салачике выявлен слой IV-VI вв. Постройки этого времени сооружались заново после наводнения и имели иное направление планировки, нежели в предыдущую эпоху. Сохранность построек относительно хорошая. Выделяется комплекс из большого квадратного помещения и примыкавшего к нему с юга мощеного двора[44]. Все постройки гибнут в пожаре I пол. VI в., что соответствует времени гибели Зенонова Херсонеса.

На территории микрозоны был также обнаружен ряд других малых поселений позднеантичного времени, наличие которых подтверждает тезис об относительно плотном заселении и важном значении этой территории. В 1995 г. раскопками на мысу, вдающемся с юга в Чокракское озеро (Чокракский мыс), открыт почти неизвестный доселе вал шириной 11-13 м, шедший

к юго-западу от городища эллинистического времени. Его роль в истории Крымского Приазовья IV-VI вв. еще предстоит выяснить.

Гибель поселений Крымского Приазовья надо связывать не с восстанием Горда, а с вторжением тюркютов[45]. При тюркютах окончательно и повсеместно прекращается жизнь на сельских поселениях Приазовья[46].

Археологически на всех указанных поселениях вполне четко вырисовывается византийский (юстиниановский) этап, охватывающий 2-3 четверти VI в. и следы целенаправленного воздействия на строительство и перестройку зданий, исходившего, без сомнения, от власти.

Все поселения Крымского Приазовья имеют много общего. Так, на всех поселениях отмечены разрушения 3-й четверти III в., кое-где окончательные. Некоторые поселения существовали до IV в. (Ново-Отрадное[47], Белинское?). **[94]**

В 3 км к югу от оз. Чокрак было расположено поселение Кёзы-Северное, существовавшее по V-VI вв. и занимавшее ок. 12 га. (в 15 км к северо-западу от Пантикапея, на дороге в столицу). Около поселения расположена долина площадью в 1,5 тыс. га. Выгодное положение на сети дорог, укрепленный «мыс» на холме среди балок, источники воды делают роль этого поселения достаточно важной[48].

Несколько южнее микрозоны Крымского Приазовья, в 4 км к югу от ст. Багерово было обследовано поселение Андреевка Северная. В III в. жизнь на поселении была очень интенсивной. Она была прервана неожиданной катастрофой – нападением врагов. Все помещения погибли в пожаре тогда же, когда и Илурат, Семеновка, Ново-Отрадное (70-е гг.)[49]. Ряд поселений, упоминавшихся выше, продолжил существование, быстро справившись с последствиями катастрофы. Не было и кардинальной перепланировки вплоть до 3-й четв. (или даже конца?) VI в. Временные разрушения связаны с юстиниановской эпохой, но за ними последовало новое строительство. Все прочие античные традиции хозяйства, быта, строительного дела сохранялись[50]. Материалы некрополей, сопутствующих данным поселениям, также не свидетельствуют о полной смене этносов и культур[51].

Соседние степные и более западные районы не дают монет позднее сер. III в. (Артезиан, Золотое-берег, Казантип-восточный, Илурат, Савроматий, Ново-Отрадное). Граница – Узунларский вал, точнее – урочище Сююр-Таш.

На крайнем северо-востоке европейского Боспора отмечаем два позднеантичных поселения: Глазовка и Каменка. Территория, таким образом, была обитаема, но жизнь здесь была затруднена фактором наличия основной дороги на азиатский Боспор и переправы, т.е. передвижениями кочевников.

На сельской округе Нимфея в конце III – 3 четверти VI вв. также продолжалась жизнь. На территории между озерами Тобечик и Чурубаш на площади ок. 60 кв. км были проведены сплошные разведки. В глубине территории керамики позднеантичного времени меньше, чем на побережье пролива. Позднеантичный материал имеется на поселении Осовины I, непрерывно существовавшем с IV в. до н.э. по XVI в.[52] На северном берегу Тобечикского озера (совр. дер. Челядиново) на раскопах I-II открыт культурный слой III-IV

вв. мощностью от 0,4 до 0,9 м[53]. На южном берегу того же озера, на мысу к востоку от дер. Костырино также найден позднеантичный слой на поселении[54]. На юго-западной окраине Героевки есть находки позднеантичной (раннесредневековой) керамики, значительное скопление фрагментов глиняной посуды[55]. На поселении Героевка I, расположенном в 1 км к северу от Тобечикского озера на обрывистом мраморном берегу, имеется материал IV-VI вв.[56] На поселениях Героевка II и Героевка VI имеются постройки IV-VIII вв. Героевка VI открыта в 1991 г. в 2,2 км к югу от Нимфея на 2-й приморской террасе в 230 м от моря. На площади 4 га обследовано 7 построек. Героевка II расположена в 2 км к югу от Героевки VI. Открыты остатки строительного комплекса, несколько помещений, жилой дом из двух помещений, двор в нижней части древней балки; примыкавшие помещения были врезаны в ее склоны. Дата – IV-VII вв. На поселении Героевка II выявлен жилищно-хозяйственный комплекс IV – 3 четверти VI вв. В.Н. Зинько была исследована усадьба, в центре которой располагался хозяйственный двор, в южной части – помещения для переработки и хранения зерна; в северной – трехкамерный жилой дом. Стены помещений – глинобитные, имелись деревянные конструкции. Открыта большая печь сложной конструкции. Несомненна зерновая направленность хозяйственной деятельности обитателей. Усадьба располагалась на склонах древней балки[57], будучи врезанной в них. Она погибла в сильном пожаре. Керамика – V-VII вв.[58] В слое разрушений найдена византийская монета VI в. и две бронзовых пряжки[59].

Район мыса Казантип (к западу от Крымского Приазовья) сильно пострадал в последней трети III века. Многие крепости были разрушены. Но ряд поселений сохранился, прежде всего у дер. Семеновки[60]. Поселение располагалось на небольшом мысу над бухтой. Его разгром произошел между 267 и 275 г. Есть материал после разгрома, датируется IV в. Вся укрепленная часть поселения располагалась на холме и представляла собой кварталы жилых домов. Ширина улиц и переулков не превышала 1-1,1 м. Все помещения очень однородны, но дворики – очень разнообразны[61]. Всего на холме найдено 35 домов, на мысу еще 10. На раскопе X есть слой после разгрома: дворик 13, вымощенный каменными плитами, стены 12, 13, 15, 16, обломки реберчатых амфор. Выделить слой IV в. не удалось. Находки из него и предыдущего принципиально не различаются. Комплекс построек IV в. возник на склоне холма после гибели **[95]** поселения; проще было построить новые дома, чем расчищать прежние[62]. Ни в одном из домов не было оштукатуренных стен и черепичных крыш.

На карте в книге И.Т. Кругликовой отмечен ряд сельских поселений позднеантичного времени (по крайней мере включая IV в.) и на юго-востоке европейского Боспора. На некрополе Кыз-Аул в юго-восточной части Керченского полуострова открыт склеп II в., приспособленный под жилище - достроены стены дромоса, при входе в первую камеру сделан проход с южной стороны, вымостка, хозяйственные ямы. Амфорный материал из заполнения ям дает недифференцированную широкую «вилку» конца IV/сер. V вв. – 2-3

четв. VI в. (краснолаковой керамики нет). Комплекс поселения Кыз-Аул базировался на зерновом хозяйстве (найдены жернов, ступа)[63].

В IV в. сельские поселения азиатского Боспора процветали. Большая часть из них – крупные неукрепленные поселки, занимающие обширные территории. Были и небольшие поселки из одной-двух или из группы изолированных усадеб[64]. У нас нет данных о конкретном количестве сельских поселений IV-V вв. на Острове, но в целом по Тамани по отношению к III в. их стало меньше[65]. Античная система расселения для IV в. зафиксирована на 30 поселениях. Материалы V в. найдены на 14 поселениях. Сохраняется жизнедеятельность лишь нескольких береговых поселений, расположенных у переправ и в других узловых пунктах, поселений у главных дорог, а также укрытых от внешнего воздействия в глубине полуострова[66].

Батарейка I на Киммериде (северный берег Динского залива) существовала на протяжении всего позднеантичного периода и далее. Площадь неукрепленного поселения достигала 27 га[67]. Раскопки ведутся с 1960 г. На западе городище ограничено небольшой балкой, спускающейся к морю, на севере и востоке – небольшими понижениями почвы. Поверхность основной, равнинной части городища лежит на 2,5 – 3 м над уровнем моря. В юго-восточной части городища, непосредственно у залива, расположен курганообразный холм («батарейка»)[68]. На холме у западного края зафиксировано три слоя интересующего нас времени: № 4 – позднеантичный IV в.; № 5 – «позднейший античный слой»; № 6 – средневековый слой IX-XI вв. Имеется слой сплошного пожарища. Раскопано помещение, построенное в позднебоспорской манере. Вымостка пола была плотно сложена из уплощенных необработанных и подтесанных обломков известняка. **[97]** Черепицы нет. Быт жителей был тесно связан с сельским хозяйством. На городище найдено много керамики; краснолаковых немного. Есть лощеные сосуды. Поселение погибло после 324 г. (по монете), но, быть может, и гораздо позднее. Слой 5 перекрыл пожарище. Он относится к концу античной эпохи и почти не содержит строительных остатков. Слой пожара на Батарейке I по Сазанову приходится именно на конец IV в., чего он старательно избегает. По мнению В.Ю. Юрочкина Батарейка могла быть разгромлена в бурное время конца 20-х – начала 30-х гг. IV в.[69]

На городище Батарейка II обнаружен обширный материал III-IV вв., показывающий, что поселение носило аграрный характер. Поселение жило непрерывной жизнью в течение позднеантичного времени. Оно было расположено не только на центральном холме, но и на близлежащей территории. Холм возвышается над городищем до 5,5 м[70]. По мнению В.С. Долгорукова поселение подверглось разрушению и погибло в IV в.[71] Гибель крупных поселений этого района была одновременной и может быть связана с гуннским нашествием конца IV в. (или с погромом VI в.). Требуется дополнительная работа по уточнению хронологии. Район был густо заселен по меньшей мере в IV в. и поддерживал торговые связи с другими центрами, в том числе с Малой Азией (краснолаковые, стекло). Исследовано три позднеантичных слоя. Все строения имеют однотипную ориентацию и планировку. Наблюдается

сочетание вымостки и глинобитного пола. Открыто два дома в верхнем, 3-м слое. Среди находок: два обломка мраморного лутерия (один с декоративным сливом), два фрагмента блюда с черным покрытием буккеро, обломки стакана с темными кружками, торс грубой терракотовой женской статуэтки, фрагмент терракоты скачущего всадника, сидящей богини и др. Поселение носило аграрный характер.

Размеры поселения, окружавшего крепость-«батарейку» в районе Патрея и расположенного на восточном берегу балки, составляет на суше не менее 6 га[72].

На шести «батарейках» Тамани существовали позднеантичные поселения вокруг холмов с бывшими крепостями. Все они **[98]** характеризуются единой материальной культурой, общим укладом жизни и, что особенно важно, все они одновременно пережили катастрофу, после которой большинство прекратили существование[73]. Наиболее яркий материал – Батарейка I. В трех раскопах, расположенных по трем углам сохранившейся части «батарейки» открыты дома из многих комнат. Поселок был застроен плотно, а жизнь в нем была интенсивной до момента катастрофы. Поселение погибло внезапно, в сильном пожаре. Толщина слоя пожарища в помещениях – более 1 м. Батарейка I расположена в 30 км от Кеп. Синхронность событий очевидна. Внезапность гибели засвидетельствована огромным количеством предметов хозяйства и быта. Тогда же гибнет и Батарейка II, расположенная в двух км к востоку от Батарейки I, поселение у Красноармейска (3 км восточнее Батарейки II), городище Каменная батарейка на западном берегу полуострова, южнее Динского залива. Материалы везде совершенно аналогичны и синхронны. То же пережил и Патрэй. Разница лишь в том, что жизнь здесь возродилась быстрее, чем на соседних поселениях. О катастрофе свидетельствует резкий упадок интенсивности жизни, изменение материальной культуры и всего облика поселения после разгрома. Среди материала – сосуды с каплями синего стекла[74]. Мы должны перенести по этому признаку все прочие материалы на V-VI вв. Итак, гибель в VI в. настигла Батарейку I, Батарейку II, Красноармейское, Каменную Батарейку. Жизнь этих поселений до момента гибели была интенсивной. В плотно застроенных городках открыто много материала.

На Синдике раскопками В.Д. Блаватского 1953 г. было установлено существование ряда поселений в позднеантичное время. Так, поселение Восточно-Карабетово существовало как стоянка пастухов типа коша[75]. На урочище 10-й километр постоянное поселение возникло в позднеантичное время и существовало в ранневизантийский период (по дороге от ст. Таманской в Сенную)[76]. Поселений 12-й километр дало мощный слой, датированный Блаватским III-IV вв. Среди находок – вымостка, большие амфоры, строительные остатки. Дома имели стены на каменных цоколях, мощеные дворики, черепичные крыши. Пятиколодезное имеет развалины довольно значительных сооружений. Монументальный характер построек и обилие вещевых находок заставили В.Д. Блаватского предположить в этом поселении Корокондаму[77].

В 1996 г. Южно-Таманская экспедиция Эрмитажа начала раскопки на Северозеленском поселении (Волна 1) у северной подошвы горы Зеленской. Площадь – ок. 32 га. Находки охватывают в т.ч. и раннее средневековье[78].

К северо-востоку от Горгиппии в районе станицы Гасточаевской было открыто укрепленное городище III-IV вв.[79]

Материальная культура Закубанья (Анапа-Новороссийск) IV в. известна очень плохо. Там жили, скорее всего, племена готского круга, **[99]** пришедшие в середине III в., а также местные племена (тореты и ахеи?). Последняя точка зрения становится все более популярной[80]. В III в. прекращается функционирование ряда памятников юго-востока: Раевское, Цемдолинский некрополь. Это может быть связано с отторжением юго-востока Боспора и созданием там постантичного политического центра, автономного от Боспора. В нем могла ходить монета, имитировавшая античную.

Отдельные предметы IV в. найдены на Раевском городище[81]. Это статер IV в., три серебряных монеты – подражания римским денариям варварской чеканки, обломки амфор, краснолаковых и других сосудов. Вопрос о принадлежности этого городища Боспору в IV-V вв. также остается открытым[82]. Среди материала позднеантичного времени из этого региона – клад с Шумречки с боспорскими статерами III-IV вв.[83] и могильник на р. Дюрсо, где в погребении 517 были найдены монеты поздних боспорских царей (Фофорса 296 г. и Рескупорида VI 322 г.)[84]. Весь освещенный материал по юго-востоку Боспора говорит скорее в пользу того, что, оставаясь в сфере распространения боспорской материальной культуры, этот район в состав государства не входил или входил лишь номинально, образуя автаркичную микрозону.

В начале III в. на левобережье Дона прекращают существование два крупных античных городища Крепостное и Позазовское, тогда как правобережные во главе с Танаисом продолжают существовать. На левобережье присутствуют западные элементы – погребение в районе Крепостного и Позазовского городищ. Пришлые элементы находились здесь до 269 г.

Ряд позднеантичных поселений открыт в дельте Дона близ Танаиса. Прежде всего это Рогожкино X, XII, XIII. На них найдено 14 фибул, три из которых имеют бесспорно западное происхождение, а две – черняховское. Преобладает позднесарматский погребальный обряд (2-я пол. III – начало IV в.)[85]. На трех поселениях Рогожкино найдены фрагменты амфор «инкерманского типа» (III-IV вв.). Они изредка встречаются в поздних слоях Танаиса. Рогожкинские поселения были значительно изолированы от степи.

Во 2-й пол. III в. в дельте Дона возникают многочисленные мелкие и несколько крупных поселений. Многие возникли на ранее не заселявшихся участках. Большинство позднеантичных поселений **[100]** расположено в устье рек, впадающих в Дон. Имеются материалы из более 10 поселений 2-й пол. III в.[86]

В 1983 г. при проведении разведок в дельте Дона было обнаружено позднеантичное поселение Рогожкино XIII. Оно расположено на длинной береговой гряде вдоль берега Старого Дона. В 1985 г. были проведены спасательные раскопки. Время существования поселения было определено авто-

ром раскопок 2-й пол. III – IV вв. Поселение было самым крупным из всех расположенных рядом. Оно возникает внезапно, на ранее не заселенном участке, и также внезапно прекращает существование. Амфорный материал дает конец IV – начало V вв. Это амфоры типа F и др. На амфорах есть дипинти. Некоторые формулы определяются IV-V вв. Есть ряд имен; все они имеют греческую основу[87].

На хоре Херсонеса подъемный материал относится к V-VII вв. Краткий обзор памятников позволяет создать достаточно репрезентативную картину. На северном берегу хоры в районе Круглой и Камышевой бухт существовали усадьбы вплоть до V в. (клеры №№ 1-4, 7, 9, 12-14, 22, 30-33).

В 1979-1982 гг. на участке западной части Гераклейского полуострова, на правом берегу Камышовой бухты, в 7 км от Херсонеса открыто раннесредневековое поселение. Был исследован также многослойный памятник на наделе 32, на западном берегу Камышовой бухты. Неукрепленная усадьба на берегу Камышовой бухты существовала до конца IV – V вв. Ее площадь – более 1200 кв. м. Строительные остатки конца IV – V вв. выявлены в восточной и северо-восточной части комплекса. Это обрывки стен, водосток, мощная двухпанцирная стена С. В кладке стены – монета Льва I. На Камышевской усадьбе обнаружено три кладовые с пифосами, использовавшимися до IV-V вв., т.е. до конца жизни самой усадьбы. На месте эллинистических наделов № 25 и 53 открыты два круглых сооружения конца IV – V вв. (по монетам Феодосия II и Льва I). Назначение построек неясно[88]. В V-VI вв. была проведена кардинальная перестройка античной усадьбы: разобраны до фундаментов стены помещений. Из камней были сложены новые помещения и два двора[89]. В конце VI – VII вв. был засыпан водосток. В 11 км к северо-востоку от усадьбы, у моря, находилась башня, разобранная частично в позднеантичный период (снят противотаранный пояс)[90]. **[101]**

На юго-западном склоне оконечности Хомутовой балки раскрыт многослойный комплекс. Верхний слой – 1-я пол. IV в. Найдены фрагменты керамических водопроводных труб с рифленой поверхностью (аналогии на Боспоре V-VI вв.). Ряд склепов ограблен[91].

В районе мыса Фиолент доследованы сооружения 47-48. Есть материал позднеантичного периода.

«Усадьба Басилидов» на наделе 150 расположена в центральной части Гераклейского полуострова. Прекращение жизни на усадьбе датируется в пределах 3-й четверти V в. Это совпадает со сменой амфор типа F типом E[92]. Усадьба не была разрушена и, видимо, была покинута в достаточно спокойной обстановке (входы аккуратно заложены камнем). Раскопками открыты помещения III-V вв. Пятый строительный период можно датировать IV-V вв. Вполне вероятно, что начало серьезных перестроек хозяйства, выразившихся в резком возрастании роли скотоводства и превращении его в ведущую отрасль, свертывании интенсивного виноградарства и плодоводства связано с готским нашествием и опустошением окрестностей Херсонеса в конце 260 – начале 270-х гг. После этого были сооружены огромные скотные дворы площадью до 400 и 500 кв. м, большое помещение для скотников, двор для раз-

ведения коз. Вместе с тем, ряд помещений был заброшен[93]. В III-V вв. в окрестностях виллы появились обширные пастбища, значительные по площади террасы со сплошными посадками и посевами, включая ложе Юхариной балки[94]. Данная латифундия принадлежала представителю верхнего слоя херсонесской аристократии.

Несмотря на тенденцию к увеличению удельного веса животноводства в позднеантичный период, В.М. Зубарь полагает, что нет каких-либо веских оснований говорить о полной замене зернового хозяйства на Гераклейском полуострове животноводством[95]. Земельный фонд на Гераклейском полуострове активно использовался по крайней мере до середины – 2-й половины V в.[96] Усадьбы античного типа функционировали вплоть до конца V в.[97] Причины упадка – скорее внешние, чем внутренние[98].

В Инкерманской долине, пограничном районе хоры Херсонеса и Юго-Западного Крыма, открыто 49 погребальных сооружений V-VII вв. Инвентарь – позднеантичного времени. Если более ранние **[102]** могильники Юго-Западного Крыма имели огромное количество самой разнообразной посуды, то могильники V-VII вв. ее почти не имеют. Это связано с христианизацией. Прямое указание – бронзовые кресты и известняковые плиты с изображением креста[99].

Таким образом, даже беглый обзор основных памятников позднеантичного времени убеждает нас в том, что сельская хора Боспора в данное время существовала и продолжала прежние традиции материальной культуры и социальной жизни. Основными континуитетными признаками в области материальной культуры для сельских поселений, как и для городищ, являются античная система расселения, этнический состав населения, керамический комплекс, фортификация, хозяйственные занятия и быт. Несмотря на очаговый характер расселения, аграрная территория охватывает большую часть хоры Боспора и всю хору Херсонеса. Сельская округа, во многом продолжающая античные традиции, существует даже близ постантичного города Танаиса. Непрерывность обитания установлена для многих поселений Боспора. Видимо, только тюркское нашествие окончательно разрушило античную систему землепользования и землеустройства с ее основными демографическими элементами (поселениями), и античные аграрные традиции, хотя не исключено, что жизнь еще кое-где теплилась и несколько десятилетий спустя.

Наиболее репрезентативный материал получен к настоящему времени в отношении поселений Крымского Приазовья. Так, на большинстве поселений открыто несколько строительных периодов. Более или менее определенно выделяется ранневизантийский слой 2-3 четвертей VI в., в котором имеются и новые, специально построенные фортификационные сооружения, несомненно, при содействии органов власти.

Для сельских поселений в большей степени, чем для городищ, характерны перепланировки после разрушений. Однако, это преимущественно частичные перепланировки, касающиеся как оборонительных, так и жилых сооружений. В силу их меньшей монументальности перепланировки здесь были

связаны не со сменой этносов или деградацией материальной культуры, а с восстановлением жизни с наименьшими затратами.

В ряде случаев имеет место полная нивелировка отдельных участков поселений после разрушений. **[103]** Кое-где имеются и полностью разгромленные и не восстановленные участки (Золотое Восточное в бухте), датируемые 2-й четв. VI в. (восстание гуннов-утигуров).

Строительная техника неоднородна. На одних и тех же поселениях есть жилые помещения с иррегулярной кладкой стен из камней различной величины, и строения из прямоугольных блоков, с деталями мраморной декорации (Зеленый мыс). Преобладает сырцовая кладка, характерная для сельских поселений.

На поселениях в составе керамического комплекса имеется импортная краснолаковая посуда. Неясно, как она попала в Крымское Приазовье, но скорее всего, через крупные города (Пантикапей-Боспор), а не непосредственно. Ямы и зернохранилища свидетельствуют об интенсивной хозяйственной деятельности.

Для большинства сельских поселений, существовавших на протяжении всего позднеантичного периода, характерны следы локальных разрушений. Они в основном датируются 3-й четв. III в., концом IV в. и 2-й четв. VI в., а также концом VI в. Часть поселений погибла в 3 четв. III в. и не была восстановлена. Остальные периоды разрушений в основном не были катастрофическими и не приводили к массовой гибели поселений, кроме финальной фазы – вторжения тюркютов.

В окрестностях городов (существовавших и бывших) в позднеантичное время существовали (частично появились вновь) небольшие поселения и усадьбы, ориентированные, как и прежде, на производство и продажу зерна (Героевка II – усадьба и др.).

Некоторые районы европейского Боспора были исключительно сельскими микрозонами без городского центра (район Нимфея; северо-восток близ переправы может рассматриваться как дальняя периферия Пантикапея).

В целом на европейском Боспоре в IV-VI вв. существует определенное греко-варварское пограничье. Рубеж проходит по Узунларскому валу от урочища Сююр-Таш до Киммерика.

На преимущественно варварских землях вокруг Боспора есть ряд поселений постантичного типа. В основном здесь продолжает бытовать в своей основе античная материальная культура, но очень огрубленная (нет оштукатуренных стен и черепичных крыш) и унифицированная (одинаковые дома).

Спецификой сельской территории азиатского Боспора является наличие «хуторов» из 1-2-х или чуть более отдельных усадеб. **[104]** Специфика расселения: близость к морю, коммуникациям, либо труднодоступные места внутри полуострова. Поселения азиатского Боспора также многослойны и имеют следы пожаров, причем несколько иного времени, чем на европейской стороне: 20-30-е гг. IV вв., конец IV в. Многие крупные поселения здесь были крепостями («батарейками»). Здесь (для IV в.) имеется больше импортных вещей.

Закубанье, как и район Танаиса – образцы постантичной сельской территории. Поселения близ Танаиса – варварские (гото-аланские), но следы греков-боспорян и античной культуры имеются (имена на дипинти, боспорские амфоры), хотя и не доминируют.

Хора Херсонеса данного времени не может быть пока исследована хотя бы с относительной полнотой. Имеются лишь отдельные памятники. Вместе с тем, их анализ позволяет сделать вполне определенные выводы. Усадьбы античного типа преобладают здесь до конца V в. Идет процесс расширения животноводства. Часть усадеб была покинута хозяевами («усадьба Басилидов»), часть перестроена на рубеже V-VI вв. Интересно отметить факт частичной разборки оборонительных сооружений, видимо, в период усиления византийского влияния. В отдельные периоды IV-VI вв. хора испытывала внешнее давление, вызывавшее оставление или укрепление усадеб. Варварское население оседало на полуострове эпизодически, в основном на окраинах (Инкерман) и не изменило общего позднеантичного характера хоры.

Итак, континуитетные начала в материальной культуре сельской территории Боспора и Херсонеса налицо. Варваризованные постантичные участки были территориально отграничены от античной хоры. На оставшихся происходила относительно мирная и постепенная эволюция хозяйственной жизни.

Очаговый характер расселения, видимо, был характерен не только для Боспора в целом (микрозоны), но и для каждой отдельной микрозоны. Подобно каплям ртути поселения располагались в довольно хаотическом порядке. На них приходили, а затем уходили дальше какие-то группы населения, оставляя порой случайные вещи. Можно установить факт достаточно частых передвижений различных групп населения в III-IV вв. внутри Боспора, не считая варварских вторжений, засвидетельствованных письменными источниками. **[105]**

Можно отметить такое характерное явление, как приспособление под жилье бывших склепов. В V в. такие факты отмечаются на некрополе Илурата, Китея, других городов. Кто заселял эти склепы – беженцы из античных городов и поселений, христиане (на некоторых стенах «жилых» склепов вырезаны кресты) или варвары, проходившие мимо в бесконечных скитаниях эпохи Великого переселения?

Примечания

1. Масленников А.А. Исследование сельской территории Европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. 1997. № 3. – С.61; Масленников А.А. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху (система расселения и этнический состав населения). – Автореф. докт. дисс. – М., 1993. – С.2.
2. См.: Каждан А.П. Византийское сельское поселение // ВВ. 2 (27). 1949. – С.215-244.
3. Воронов А.А., Паромов Я.М. Планировочные принципы в организации расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // ПИАГ. – М.,1989. – С.29-31.
4. Масленников А.А. Сельская территория европейского Боспора в ранневизантийское время // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). – Симферополь, 1994. – С.41.
5. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. – М., 1975. – С.101.
6. Масленников А.А. Греки и варвары на «границах» Боспора // ДГВЕ. 1996-1997. – М., 1999. – С.191.

7. Винокуров Н.И. Антропогенные и природные факторы системного кризиса боспорской государственности во второй пол. III в. н.э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 36-43.
8. Масленников А.А. Исследование сельской территории Европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. 1997. № 3. – С.66.
9. Петерс В.Г. Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. – М., 1978. – С.117.
10. Петерс Б.Г. Монеты из античного поселения и курганного могильника у с. Михайловки на Керченском полуострове // НиЭ. XII. 1978. – С. 4.
11. Петерс В.Г. Михайловское городище античного времени. – С.127.
12. Кругликова И.Т. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря // СА. Т.XXV. – М.,1956. – С.237.
13. Корпусова В.М. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. 8. 1973. – С.45. **[106]**
14. Масленников А.А. Исследование сельской территории Европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века. – С.67.
15. Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. – М., 1998. – С. 175.
16. Масленников А.А. Отчет ВКАЭ за 1985 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. - № 11846. – Л.67,88.
17. Там же. – Л.88; Абрамзон М.Г., Масленников А.А. Золотые монеты Феодосия II из Восточного Крыма // ВДИ. 1999. № 4. – С. 79-83.
18. Масленников А.А. Отчет ВКАЭ за 1979 г. / Архив ИА РАН. – Р-1. - № 7708. – Л.42-43.
19. Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс (Восточный Крым) // ПИФК. 7. 1999. – С. 172.
20. Там же. – С. 202.
21. Мокроусов С.В. Крымское Приазовье в ранневизантийское время // Пантикапей-Боспор-Керчь. 26 веков древней столице. – Керчь, 2000. – С. 100.
22. Там же. – С. 101-102.
23. Масленников А.А., Мокроусов С.В., Сазанов А.В. Исследования Восточно-Крымской археологической экспедиции на азовском побережье Керченского полуострова в 1998 г. // ПИФК. 7. 1999. – С. 395-396.
24. Мокроусов С.В. Печи поселения Зеленый мыс (по материалам раскопок 1996, 1998-2000 гг.) // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь, 2001. – С. 99-102.
25. Там же. – С.100.
26. Масленников А.А. Семейные склепы... – С.40-49.
27. Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым): опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // ПИФК. 3, ч. 1. 1996. – С. 91.
28. Там же. – С. 95.
29. Там же. – С. 100.
30. Мокроусов С.В., Сазанов А.В., Масленников А.А. Строительный комплекс ранневизантийского времени на поселении Золотое Восточное в бухте // ПИФК. 6. 1998. – С. 123-131.
31. Мокроусов С.В. О хронологии сельских поселений Крымского Приазовья в ранневизантийский период // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики. – М., 2000. – С. 73-74.
32. Зубарев В.Г. Античное поселение у села Белинское (предварительные итоги раскопок в 1996-1999 годах) // ДБ. 3. 2000. – С. 63.
33. Зубарев В.Г. К вопросу о времени существования городища Белинское // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь, 2001. – С. 57.
34. Зубарев В.Г. Античное поселение у села Белинское. – С. 65. **[107]**
35. Там же. – С. 66.
36. Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. 4. 2001. – С. 455-456.
37. Зубарев В.Г. К вопросу о времени существования городища Белинское // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь, 2001. – С. 57-58.
38. В сезонах 2001-2002 гг. в работах принимал участие Белгородский отряд ВКАЭ (начальник экспедиции – А.А. Масленников, начальник отряда – Е.А. Семичева).
39. Масленников А.А., Чевелев О.Д. Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИА. 182. 1985. – С.54.
40. Масленников А.А. Отчет ВКАЭ за 1988 г./Архив ИА РАН. – Р-1. - № 13998. – Л.25-26.
41. Масленников А.А., Чевелев О.Д. Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИА. 182. 1985. – С.55.
42. Масленников А.А. Отчет ВКАЭ за 1979 г./Архив ИА РАН. – Р-1. - № 7708. – Л.42-43.
43. Там же. – С.26.
44. Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте: опыт стратиграфии раненевизантийского времени//ПИФК. III, ч.1. – М.-Магнитогорск,1996. – С.40-49.
45. Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. – М., 1998. – С. 177.

46. Масленников А.А. Греки и варвары на «границах» Боспора // ДГВЕ. 1996-1997. – М., 1999. – С.191.
47. Кругликова И.Т. Поселение у дер. Ново-Отрадное // ДБ. 1. 1998. – С. 162.
48. Ермолин А.Л. Расписной склеп некрополя поселения Кёзы-Северное // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002. – С. 82-85.
49. Кругликова И.Т. Раскопки поселения Андреевка Северная // ДБ. 3. 2000. – С. 80.
50. Масленников А.А. Сельские поселения Европейского Боспора // БИ. I. – Симферополь, 2001. – С. 98.
51. Масленников А.А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых вв. н.э. // ДБ. 3. 2000. – С. 136-200.
52. Зинько В.Н. Античное поселение Осовины I // МОБЧМ. – Ростов-на-Дону, 1992. – С.29.
53. Кругликова И.Т. Отчет о раскопках Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции / Архив ИА РАН. Р-1. № 1251. 1956. – С.2.
54. Там же. – С.4. **[108]**
55. Там же. – С.7, 21.
56. Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. VII. – Симферополь, 2000. – С. 186-188.
57. Зинько В.Н. Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. V. – Симферополь,1996. – С.18.
58. Зинько В.Н. Раннесредневековые жилищно-хозяйственные комплексы на поселениях Героевка II и Героевка VI // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). – Симферополь, 1994. – С.19-20.
59. Там же. – С.19. См. также: Зинько В.Н. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Международная конференция «Византия и Крым». – Симферополь, 1997. – С.40-41.
60. Кругликова И.Т. Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря // СА. Т.XXV. – М.,1956. – С.252.
61. Кругликова И.Т. Раскопки поселения у дер. Семеновка // МИА. 155. 1970. – С.30.
62. Там же. – С.76.
63. Федосеев Н.Ф., Ермолин А.Л., Куликов А.В., Пономарев Л.Ю. Жилой комплекс на Кыз-Аульском некрополе // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь, 2001. – С. 61-62.
64. Кругликова И.П. Боспор в позднеантичное время. – М.,1966. – С.99.
65. Воронов А.А., Паромов Я.М. Планировочные принципы в организации расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Проблемы исследований античных городов. – М.,1989. – С.29-31.
66. Паромов Я.М. Принципы выявления эволюции системы расселения (на примере Таманского полуострова) // КСИА. 210. 1993. – С.32.
67. Кругликова И.П. Боспор в позднеантичное время. – М.,1966. – С.93.
68. Сокольский Н.И. Крепость на городище у хут. Батарейка I // СА. 1963. № 1. – С.179.
69. Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. 4. 2001. – С. 457, прим. 7.
70. Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 109. 1967. – С.108.
71. Долгоруков В.С. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II // КСИА. 109. 1967. – С.123.
72. Абрамов А.П. Работы Патрейского отряда Таманской экспедиции // АО. 1996. – М., 1997. – С.195.
73. Голенко К.В., Сокольский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп // НиЭ. VII. 1968. – С. 85-86 (рис. 4).
74. Там же. – С. 88.
75. Блаватский В.Д. Отчет 1953 г. о раскопках в Синдике / Архив ИА РАН. Р-1. № 857. – С.8. **[109]**
76. Там же. – С.9.
77. Там же. – С.22.
78. Соловьев С.Л., Бутягин А.М. Комплексная научно-исследовательская программа «Синдский остров»: краткие итоги кампаний 1996-1997 гг. // Таманская старина. I. – СПб., 1998. – С.40-41; Соловьев С.Л., Бутягин А.М., Вахтина М.Ю., Рогов Е.Я. Сельские памятники окрестностей Гермонассы: поселение Волна 1 // АО. 1996. – М., 1997. – С.227-228.
79. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. – М., 1975. – С.143.
80. Малышев А.А. Захоронения эпохи Великого переселения народов в Цемесской долине // Историко-археологический альманах. 1. – Армавир, 1995. – С.152.
81. Онайко Н.А. Раскопки Раевского городища в 1955-1956 гг.//КСИИМК. № 77. – М.,1959; она же: О раскопках Раевского городища // КСИА. № 103. – М.,1965 и др.
82. Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. – М.,1966. – С.96.
83. Салов А.И. Клад III-IV вв. с Шум-речки (Анапский р-н) // СА. 1975. № 3.
84. Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на р. Дюрсо // КСИА. № 158. – М.,1979. – С.56; он же: Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. – М.,1982. – С.97-98.
85. Гудименко И.В. Фибулы III-IV вв. н.э. с позднеантичных поселений дельты Дона // ИАИАНД. 10. – Азов, 1991. – С.102.

86. Гудименко И.В. К вопросу о взаимосвязи походов и поселений второй половины III – IV вв. н.э. в дельте Дона // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). – Симферополь, 1994. – С.14-15.
87. Гудименко И.В., Ильяшенко С.М. Надписи на позднеантичных амфорах поселения Рогожкино XIII // Донская археология. 2000. № 2. – С. 12-28.
88. Николаенко Г.М. Херсонесская округа в I в. до н.э. – IV в. н.э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. – К., 1988. – С.207-210.
89. Яшаева Т.Ю. Средневековое поселение ближней округи Херсонеса на Гераклейском полуострове // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). – Симферополь, 1994. – С. 79.
90. Яшаева Т.Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // ХСб. 10. – Севастополь, 1999. – С.249.
91. Николаенко Г.М. Херсонесская округа в I в. до н.э. – IV в. н.э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. – К., 1988. – С.205. **[110]**
92. Кузищин В.И., Иванчик А.И. «Усадьба Басилидов» в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. 1998. № 1. – С.211.
93. Там же. – С. 226-229 (рис. 14 на с. 229 – общий план-макет виллы).
94. Там же. – С. 230 (рис. 16 на с. 231).
95. Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху. – К., 1993. – С. 35.
96. Там же.
97. Там же. – С. 45.
98. Там же. – С. 111.
99. Борисова В.В. Могильник у высоты «Сахарная голова» (по раскопкам и разведкам 1951 и 1953 гг.) // ХСб. 5. – Симферополь, 1959. – С.190.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ПОСТАНТИЧНОГО ГОРОДА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Н.Н. Болгов (Белгород)

Последний период истории античного Северного Причерноморья в последнее время привлекает все большее внимание. В отношении основных центров античной цивилизации в регионе – Боспора и Херсонеса – уже достаточно долгое время разрабатывается концепция континуитета основных форм материальной и духовной культуры на протяжении конца III – VI вв.[1]

Вместе с тем, в рамках данной проблематики необходимо обозначить один из аспектов, нуждающихся в особом осмыслении. Речь идет о постантичных городах[2] Северного Понта, которые пережили варварский разгром на раннем этапе Великого переселения народов, так или иначе возродились, но уже в несколько ином качестве. Для восточных провинций империи такой феномен, в отличие от западных, весьма редок. Мы можем его постулировать лишь для северной периферии региона.

Первым по времени постановки проблемы из городов Северного Причерноморья попал в данную категорию Танаис, расположенный на далекой периферии боспорского региона (раскопки и публикации Д.Б. Шелова). В последние годы к этому городу добавилась Ольвия. В общий контекст можно вписать и Тиру, которая всегда считалась для III-IV вв. варваризованным городком. Общими чертами для обоих последних городов являются: периферийность, удаленность от Боспора и Херсонеса, **[111]** варваризация после восстановления, относительная изолированность, политическая и экономическая зависимость скорее от варваров, чем от античных центров.

Основное различие заключается в хронологии. Оба города были разгромлены в III в. Возобновление жизни, однако, происходит асинхронно. Если для Ольвии постантичный период относится к III четверти III – I половине IV в., то для Танаиса это – последняя четверть IV – середина V в.

Впервые период с конца III по третью четверть IV в. как позднеантичный был выделен для Ольвии В.В. Крапивиной[3]. Однако, В.М. Зубарь восемь лет спустя высказал сомнения в таком определении и предложил считать заключительный период жизни города постантичным[4].

На основании материалов из закрытых комплексов датой разгрома города В.М. Зубарь считает 260-265 гг.[5], В.В. Крапивина – 269-270 гг. Следов пожара и гибели населения не прослеживается. Вместе с тем, значительная честь города была разрушена. Население разбежалось по окрестностям, и возвратилось не ранее начала 280-х гг. (монеты Диоклетиана). Честь осталась жить на сельской округе (городище Александровка на р. Ингулец, где открыты каменные стены с круглыми башнями, внутри – регулярная застройка; античная торговая фактория на поселении Каменка-Анчекрак близ Ольвии; Днепровское и Золотомысское городища).

Строительные остатки постантичного периода четко отделяются от более ранних[6]. Они найдены на южной части цитадели (Верхнего города), на участках НГ, НГЦ, НГСс, Берег и в затопленной части города. На центральной возвышенности постантичный слой не зафиксирован[7].

Застройка велась небольшими отдельно и хаотично расположенными 1-2-камерными постройками. Фрагменты кладок – обрывки наземных стен из бута или очень грубо обработанного камня[8]. Стены выложены небрежно по рядовым, приближающимся к иррегулярным, системам.

Строительные материалы представлены известняком и сырцовыми кирпичами. Кладки выполнены в одной технике. Преобладают прямоугольные помещения с каменными загородками (вероятно, кормушки для скота). Производственно-хозяйственные комплексы **[112]** сочетались с жилыми помещениями. Всё это характерно скорее для черняховской культуры на широких пространствах Нижнего Побужья, нежели для античного города. Очень важным обстоятельством является частичная перепланировка кварталов и строений. Две металлообрабатывающие мастерские были открыты в центре постантичной цитадели. Ранее производственные комплексы помещались за городом.

В.В. Крапивина прослеживает не менее трех строительных периодов и отмечает определенное сохранение античных традиций в планировке кварталов и домов (прямоугольный характер) и строительной технике зданий при общем ухудшении их качества (например, штукатурка стен). В.М. Зубарь называет это деградацией строительной техники.

На территории постантичного городища открыт комплекс пока неопубликованных погребений. Также обнаружено значительное количество зерновых ям, очагов, печей, загородок, располагавшихся на месте бывших монументальных зданий. Все это, а также небольшое количество монет, свиде-

тельствуют о натурализации хозяйства. Полностью отсутствуют товарные отрасли – виноделие, рыбозасолка (как в Херсонесе и на Боспоре)[9].

Террасы конца III – I пол. IV в. раскрыты на участке Р-25. Их границы не совпадают с границами террас античного времени.

Керамический комплекс Ольвии сохранял античный характер. Ок. 25% кружальной керамики составляла краснолаковая, сероглиняная – 20%[10].

Видимо, имела место значительная смена населения. По мнению В.М. Зубаря, большинство жителей Ольвии в указанное время составляли выходцы из черняховского населения Северо-Западного Причерноморья, генетически не связанные с населением античного города предшествующего времени[11]. Бытовые предметы черняховцев: трехручные вазы (выполнены в Ольвии на заказ для готов), костяные гребни, фибулы.

Возрождение жизни в Ольвии хронологически совпадает с расцветом черняховской культуры (причерноморский вариант)[12] и увеличением числа неукрепленных черняховских поселений в Северо-Западном Причерноморье. Для них характерно преобладание каменного домостроительства, ингумации в ямах сложных конструкций. **[113]** Это – эллинизированные поздние скифы и оседлые сарматы. Для готов, пришедших сюда в сер. III в., были характерны глинобитные и углубленные постройки, трупосожжение. Оба типа памятников известны близ Ольвии.

В самом начале IV в. в Ольвии, возможно, размещался римский гарнизон[14]. Аммиан Марцеллин во II пол. IV в. еще упоминает civitas Borysthenes (Amm. Marc. XXII.8.40), но это, скорее, дань традиции.

Время гибели сооружений постантичного времени в Ольвии определяется от начала IV в. (Н.А. Лейпунская) до III четверти того же столетия (В.В. Крапивина) и даже до конца IV в. (Б.В. Магомедов). Можно вполне определенно утверждать, что на территории Нижнего города, за оборонительными стенами, в конце III – начале IV вв. продолжали функционировать предместье и припортовая часть поселения[15], которое утратило значение античного города.

После окончательного запустения Ольвии накануне гуннского нашествия на юго-востоке черняховского ареала возрастает роль Ингулецкой группы поселений середины IV – начала V вв., контролировавшей миграционные потоки сармато-алан вдоль старой римской дороги[16].

С 1969 г. исследуется послеготская Тира. Выявлены перестройки и два строительных периода. Закрытый керамический комплекс из «послеготского дома», сооруженного над развалинами римской цитадели, дает четкую дату – II пол. IV в.[17] План застройки полностью отличается от предшествующего. Однако, в строительном деле сохранены античные традиции. Произошла общая рустификация жизни, но полного разрыва экономических связей с римскими провинциями не произошло[18].

Территория от Тиры до Ольвии вошла в состав обширной варварской конфедерации и составила в ней отдельную микрозону[13] с политико-редистрибутивным центром центром в Тире (ее площадь сильно сократилась и огрангичилась бывшей римской цитаделью). Ольвия при этом предположи-

тельно определяется как крупное ремесленное поселение с хорой в 5-10 км в радиусе.

Танаис стоит особняком в северопонтийском регионе, представляя его самую дальнюю северо-восточную периферию. После разгрома в середине III в. город был восстановлен, по мнению Д.Б. Шелова, не ранее последней четверти IV в., так как иначе какое-то количество поздних боспорских монет должно было бы проникнуть в город, но их нет[19]. **[114]** В 90-е гг. неоднократно указывалось на возможность возрождения города в середине IV в. Вся площадь прежнего города III в. была вновь заселена, ремонтировались руины и строились новые дома[20]. «Это был город с достаточно плотной жилой застройкой, в какой-то мере повторявшей застройку предыдущего периода, с системой оборонительных сооружений»[21]. Однако, кое-где развалины III в. не были разобраны, а лишь отгорожены стенами от восстановленных жилых кварталов[22]. В строительстве употреблялись капитальные вымостки из больших каменных плит (остатков каменных мостовых)[23], придающих постройкам гуннского времени известную монументальность.

Характерно появление круглых в плане построек. Присутствие в Танаисе собственно гуннов археологически устанавливается очень слабо. Наличие отдельных гуннских вещей (обломки сложного лука, фибула с двумя пружинками, бронзовая позолоченная обкладка от пряжки с геометрическим штампованным орнаментом) не может служить доказательством присутствия гуннов в составе населения Танаиса.

Частью населения города могли в это время стать носители черняховской культуры - остатки побежденных гуннами готов. Об этом говорит западная ориентация покойников, лепные реберчатые миски, орнаменты лепной керамики. Большинство же населения составляли, видимо, аланы-танаиты - носители позднеантичной боспорской культуры.

В составе населения города имелась значительная сарматская прослойка, как можно судить на основании находки в районе городских ворот 16 сарматских тамгообразных знаков наряду с греческими надписями. Ю.Г. Виноградов отмечал важную социальную роль этой группы населения[24].

Можно думать, что в гуннское время Танаис в какой-то мере выполнял функции транзитного центра, через который шел товарообмен Боспора с племенами степей. Но возрождение города совершилось, по мнению Д.Б. Шелова, не в торговых целях. Собственная торговая активность Танаиса в конце IV-V вв. была ничтожной по сравнению с предшествующим периодом[25]. Вместе с тем, в IV-V вв. Танаис продолжал осуществлять обширные транзитные торговые связи. В город продолжают поступать амфоры, краснолаковая посуда, в меньшей степени стекло. На краснолаковой посуде отсутствуют клейма и кресты, что характерно для II пол. V – VI вв. Почти отсутствует боспорская амфорная тара, однако поступают светлоглиняные с Южного Понта. **[115]** При раскопках постоянно встречаются обломки серолощеных сосудов, украшенных валиками, налепами и пролощенными полосами[26].

В Танаисе после восстановления города в конце IV в., вероятно, были возобновлены в каких-либо формах органы прежнего самоуправления элли-

нов и танаитов. В каких отношениях с Боспорским царством находился город в то время, сказать трудно. Скорее всего, непосредственно в состав государства он уже не входил, т.е. здесь теперь не было царского резидента - пресбевта, но какая-то номинальная форма политических связей должна была оставаться. Большее значение в тот период играли связи экономические (Д.Б. Шелов предостерегает от абсолютизации этих связей и их роли[27]). Само население города, всегда составлявшее с прилегавшими к нему землями единый организм[28], в то время должно было заботиться прежде всего о своем хозяйственном положении, не очень задумываясь над политическим статусом города. Судя по отсутствию обломков оконного стекла, в Танаисе было мало общественных зданий.

В центральной части западной оборонительной линии (раскоп VI) поверх развалин сооружений III в. были вскрыты остатки нескольких домов конца IV – начала V вв. и часть улицы. Она, как и более ранняя, подходила к стене с востока и сначала поднималась пологим пандусом, а затем переходила в каменную лестницу, ведшую на развалины стен III в. Среди находок, сделанных здесь, были остатки производства медника[29].

На главном центральном раскопе в 1993-1994 гг. проводились исследования помещений IV в.

На раскопе XX в 1994 г. был открыт мощный, в 1,5-2 м слой IV-V вв. Обнаружено одно небольшое помещение, имевшее два строительных периода. Выявлены хозяйственные ямы и очаги[30].

На раскопе XIX выявлено, что в середине (?) IV в. здесь был возведен ряд усадеб. Эти помещения отличаются уникальной для Танаиса сохранностью. Прослежено три строительных периода, открыты печи, очаги, хозяйственные ямы, внутренние перегородки[31].

В юго-западной части городища было исследовано большое помещение IV-V вв., сооруженное на остатках усадьбы предшествующего времени. Расчищено 5 уровней полов[32].

Раскопками установлено, что около середины IV в. в районе бывших ворот вновь возникают постройки домов, характерным для Танаиса этого времени способом: **[116]** устранены прежние завалы до скалы, затем скала была вырублена на 30 см для землянки. Частично раскопано три дома. Большие площади их выходят за пределы раскопа. Три периода стратиграфии: 1) середина IV в.; 2) начало V в.; 3) середина V в. Постройки первого периода представляли собой отремонтированные прежние. Дом А сооружен как новая постройка. В IV-V вв. данный район был местом частных жилых построек[33]. Стены домов были построены из камня, извлеченного из слоя III в., в т.ч. с надписями (на 1993 г. - 46 греческих, 16 – сарматские тамги).

На стыке раскопов VI и XIV были открыты постройки IV-V вв., возведенные на месте переулка. В юго-западной части раскопа VI аналогичные постройки появились на месте широтной улицы[34].

В IV квартале была застроена территория бывшей усадьбы. Прослеживается два строительных периода. Помещение ДМ было небольшой кладовой

или жилищем, относящимся к последнему строительному периоду. Площадь – 5,5 кв. м.[35]

В 1975 г. раскопками В.В. Чалого был открыт позднеантичный некрополь Танаиса. Выразительные погребальные комплексы позднего Танаиса культурно-хронологически близки могилам гуннского Боспора, прежде всего Керчи. И там, и там – устойчивый набор инвентаря, составляющего основу «оседлого» боспорского культурного комплекса гуннской эпохи. Отличие Танаиса от столицы состоит в том, что в нем инвентарь – уже и скромнее. Комплексы боспорского круга представляют собой локальную разновидность большой общности некочевнических древностей I пол. V в. Культура рядового оседлого населения I пол. V в. близка культуре IV в. Их элементы иногда сочетаются в комплексах, что заставляет с предельной осторожностью подходить к хронологии.

В дельте Дона близ Танаиса встречаются и одиночные погребения с тем же комплексом материальной культуры[36].

Группа погребений 1975 г., находки на территории города, отдельные погребения в округе позволяют включать Танаис гуннского времени в ареал позднебоспорской материальной культуры[37].

В городе постантичного времени еще сохранялись определенные традиции античной культуры не только в материальном быту в виде употребления привозных античных изделий, но и в духовной жизни, в частности, в употреблении греческого языка, хотя общая варваризация населения, особенно отчетливо прослеживаемая по характеру построек, совершенно несомненна[38]. **[117]**

На Боспоре можно выделить еще три микрозоны с постантичными образованиями. На европейской стороне таковыми могут считаться районы Нимфея и Илурата. Города здесь исчезли в III в., но на некрополях имеются компактные небольшие группы погребений (Нимфей) и погребения в отдельных склепах (Илурат) IV в. (на Илурате – и 1-й пол. V в.). Кроме того, на городище Илурата среди подъемного материала есть отдельные находки керамики IV в. (слой не выделяется). По всей видимости, на развалинах этих городов в течение IV-V вв. появлялись отдельные группы населения (как античные боспорские, так и варварские внешние) и оставляли следы своего пребывания.

Вторая микрозона выделяется на азиатском Боспоре. Это Горгиппия и ее округа; время образования – 2-я пол. III в.

Третья – район Фанагории, Кеп и Гермонассы – с середины VI в. На месте Фанагории и Гермонассы после разгрома возникают достаточно крупные постантичные городки с преобладающим варварским населением (утигуры-протоболгары), усвоившим некоторые элементы позднебоспорской материальной культуры. С VII в. Фаногория станет центром Великой Болгарии – раннегосударственного образования кочевников, а Гермонассе предстоит яркая средневековая история (город Тмутаракань).

Итак, рассмотрев имеющийся материал, мы можем отметить следующее. В Северном Причерноморье возникло три основные микрозоны с городами

постантичного типа. Одна – с Тирой и Ольвией – существовала в конце III – середине IV в. Другая – в устье Дона – в середине IV – середине V вв. Третья выделяется на Боспоре и состоит из трех самостоятельных очагов: европейский Боспор (выражена крайне слабо), район Горгиппии и район Фанагории-Кеп-Гермонассы (наиболее поздняя и четко выраженная). Города первой попали под политическую и военную власть варваров, но сохранили свои городские торгово-ремесленные функции, а частично – и прежнее население. «Процент» античных элементов здесь неуклонно сокращался. Как бы одновременно с гибелью западной микрозоны на востоке региона возникла другая – вокруг Танаиса. В ней сохранилось больше элементов античной культуры. **[118]** Танаис имел огромное «геополитическое» значение, связывая империю с миром племен Евразии. Его политический статус был неопределенным, напоминая, видимо, позднейшие «вольные города». Третья зона на окраинах (Горгиппия) образуется ранее, в центре же есть как неразвившиеся постантичные центры (Нимфей, Илурат), так и вполне сформировавшиеся (самая поздняя – Фанагория-Гермонасса). В самом последнем случае речь можент идти о непосредственном захвате варварами позднебоспорских городов, сопровождавшихся их разрушениями и последующим восстановлением на новой основе.

Феномен постантичного города, характерный для Западной Европы переходной эпохи, должен быть теоретически осмыслен и изучен самым внимательным образом и в регионе Северного Причерноморья.

Примечания

1. Основные работы: Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. – Белгород,1996; Сазанов А.В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – М.,1999.
2. Автор концепции – В.М. Зубарь. А.И. Хворостяный, вслед за В.М. Зубарем, развил тему постантичных раннегосударственных структур на местах или в окрестностях античных центров Северного Причерноморья: Хворостяний О.І. Рецензія на кн.: Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV-V вв.). – Белгород,1996 // Археологія. 2000. № 1. – С.151.
3. Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. – К.,1993. – С.155-157.
4. Зубарь В.М. О заключительном этапе истории Ольвии (третья четверть III – первая половина IV в.)// ВДИ. 2001. № 1. – С.133-138.
5. Там же. - С.134.
6. Крапивина В.В. Указ. соч. – С.11,14.
7. Крапивина В.В. К вопросу о застройке Ольвии во II-III вв. // Античная культура Северного Причерноморья. – К.,1984. – С.210-212.
8. Лейпунская Н.А. Предместье первых веков н.э. в Нижнем городе Ольвии //Античные древности Северного Причерноморья. – К.,1988. – С.78.
9. Крапивина В.В. Ольвия. – С.157.
10. Там же. – С.125.
11. Зубарь В.М. О заключительном этапе истории Ольвии… - С.137. Противоположное мнение: Магомедов Б.В. Черняховская культура. – К.,1987. – С.15; Крапивина В.В. Ольвия. – С.156. **[119]**
12. Магомедов Б.В. Ольвия и Черняховская культура// Проблемы исследования Ольвии. – Парутино,1985. – С.48.
13. Брашинский И.Б. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья// ВДИ. 1970. № 2. – С.133-137; Зубарь В.М. О заключительном этапе истории Ольвии… - С.138.
14. Буйских С.В. Фортификация Ольвийского государства (первые века н.э.). – К.,1991. – С.140.
15. Лейпунская Н.А. Предместье первых веков н.э… - С.80.
16. Магомедов Б.В. Ингулецкая группа памятников Черняховской культуры // Мир Ольвии. – К.,1996. – С.142.

17. Гудкова А.В., Клейман И.Б., Сон Н.А. Раскопки позднеантичной Тиры// Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). – Т.2. – Ереван,1979. – С.286.
18. Павленко Ю.В., Сон Н.О. Пізньоантична Тіра та ранньодержавне об'еднання візіготів // Археологія. 1991. № 2. – С.7-14.
19. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. – М.,1972. – С.327.
20. Там же. – С.328.
21. Там же.
22. Шелов Д.Б. Волго-донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.,1978. – С.84.
23. Там же. – С.86.
24. Бёттгер Б., Виноградов Ю.Г. Результаты исследований совместной русско-немецкой археологической группы в Танаисе в 1993 г. // МОБЧМ. – Ростов-на-Дону, 1994. – С.67.
25. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. – С.330.
26. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. К вопросу о торговых связях Танаиса // МОБЧМ. – Ростов-на-Дону, 1994. – С.69-70.
27. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. – С.312.
28. Шепко Л.Г. О территориально-административной структуре Боспорского государства в первые века н.э. // Из истории древнего мира и средних веков. – М.,1988. – С.57.
29. Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Исследования Танаиса в 1966-1969 гг. // КСИА. 130. 1972. – С.95.
30. Арсеньева Т.М., Казакова Л.М., Науменко С.А. Работы Нижне-Донской экспедиции в Танаисе в 1993-1994 гг. //ИАИАНД. 14. – Азов,1997. – С.41.
31. Там же. - С.42.
32. Там же. - С.43.
33. Бёттгер Б., Виноградов Ю.Г. Результаты исследований совместной русско-немецкой археологической группы в Танаисе в 1993 г. – С.65. **[120]**
34. Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в 1981-1984 гг. // КСИА. 191. 1987. – С.76.
35. Там же. – С.82.
36. Иванов А.А. Комплекс гуннского времени из дельты Дона // РА. 2001. № 2. – С.119-121.
37. Безуглов С.И. О погребениях V века в Танаисе (по раскопкам В.В. Чалого) // ИАИАНД. 11. – Азов,1993. – С.127.
38. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. – С.329.

К ПРОБЛЕМЕ ВАРВАРИЗАЦИИ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО СЕВЕРНОГО ПОНТА

Н.Н. Болгов (Белгород)

Новейшее определение Великого переселения народов считает его особым периодом исторического развития, когда на значительном историческом пространстве (уже не античность, но еще не средневековье), ограниченном конкретными хронологическими рамками (II-VII вв.) и определенной территорией (Европа, Азия, Африка), взаимодействие варварства и цивилизации достигло своей наиболее интенсивной фазы. Результатом этого взаимодействия, как следствия взаимопроникновения и взаимоуничтожения античного и варварского миров, явилось зарождение нового типа цивилизации[1].

В восточных провинциях империи, превращавшихся в Византию, включая ее периферию (Северное Причерноморье), континуитетные начала в переходный период все же преобладали, что и предопределило весь облик Византии. Таким образом, варваризация вообще, и контакты с варварами в эпоху Великого переселения в Северном Причерноморье в частности, могут рассматриваться как дисконтинуитетные явления, разрушавшие процесс постепенной эволюции традиционных структур.

Изучать этнические процессы по археологическим материалам достаточно сложно. С одной стороны, археологическая культура действительно отражает социальную общность, обладающую определенным уровнем этничности. Единство материальной (и частично духовной) культуры, вскрываемое археологами, и есть фундаментальная характеристика этнического единства[2]. **[121]** Под раннесредневековой этнической общностью (а варваров эпохи переселения как носителей элементов новых цивилизаций можно назвать именно так) понимается любая группа людей, которая: 1) объединяется общностью происхождения, общностью исторических судеб и осознания людьми своего единства в прошлом и настоящем; 2) представляет иерархически организованное потестарное единство[3]. Этническая общность является открытой системой. Корпоративность – свойство закрытой системы. Но в эпоху Великого переселения народов этническая общность может переживать периоды «закрытости» для сохранения своей системы. Внешняя корпоративность отделяет членов данной общности от их соседей, т.е. представляет фактор этнической дифференциации. Задача внутренней корпоративности состоит в обеспечении целостности этой общности и ее нормального функционирования в качестве таковой. Этноориентированная корпоративность сплачивала этнически разнородные племена вокруг одного, которое более ярко несло в себе главную идею, «ядро традиции» сплочения. Этот коллективный лидер побуждал ведомые им племена принимать порой хотя бы на время не только этническое имя своего лидера, но и усваивать некоторые стереотипы его поведения[4].

С другой стороны, археологически точно и бесспорно определить «процент» того или иного этнического элемента в сложной и полиэтничной археологической культуре почти невозможно.

Этническое развитие реализовывалось главным образом через структуры власти общества. Поэтому этнические процессы тесно связаны с процессами политическими и являются составной частью процесса социально-политического континуитета.

Все варварские этносы, вступавшие в соприкосновение с позднеантичными государственными образованиями, так или иначе находились на стадии зарождения собственной государственности. Г. Классен выделяет три основных типа раннего государства:

1) Зарождающееся: доминирование родственных, семейных и общинных связей в сфере политики, ограниченное число полных специалистов, слабые формы налога; социальный контраст подавляется взаимностью и прямыми контактами между правителем и управляемыми.

2) Типичное: родственные связи уравновешиваются локальными; соперничество и назначение уравновешивают принципы наследования; **[122]** неродня, чиновники и носители титула играли ведущую роль в правящей администрации; распределение и взаимность доминирует над отношениями между социальными стратами.

3) Переходное к зрелому: администрация назначается, родство влияет на отдельные аспекты в правлении, где зародились частная собственность, рыночная экономика, антагонистические классы.

Раннее государство – это централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений в комплексном, стратифицированном обществе, разделенном на две (или больше) основные страты, или возникающие социальные классы, т.е. правители и управляемые, чьи отношения характеризуются политическим доминированием первых и данническими обязательствами последних, узаконенными в общей идеологии, в которой взаимность составляет основной принцип[5].

Предшествующей раннему государству стадией является вождество – это социальный организм, состоящий из группы общинных поселений, иерархически подчиненных центральному, наиболее крупному из них, в котором проживает правитель (вождь). Последний, опираясь на зачаточные органы власти, организует экономическую, редистрибутивную, судебно-медиативную и религиозно-культовую деятельность общества. Вождество – это первый в истории опыт введения политической иерархии и преодоления локальной автономии общин[6]. Признаки вождества:

1) это один из уровней социокультурной интеграции, который характеризуется наличием надлокальной централизации, сравнительно большой численностью населения и сплочением трудовых ресурсов;

2) в вождестве существовали иерархическая система принятия решений и институты контроля, но отсутствовала узаконенная власть, имеющая монополию на применение силы;

3) имелась четкая социальная стратификация, зарождались тенденции к выделению эндогамной элиты в замкнутое сословие;

4) важную роль в экономике играла редистрибуция – перераспределение прибавочного продукта по вертикали («подарки создают рабов, как кнуты собак»);

5) вождество как этнокультурная целостность характеризуется общей идеологической системой и/или общими культами и ритуалами; **[123]**

6) правитель имел ограниченные полномочия, а вождество в целом являлось структурой, не способной противостоять распаду общества;

7) верховная власть носила сакрализованный, теократический характер[7].

Вождества делятся на военные, теократические, тропико-лесные. Варвары эпохи Великого переселения народов в Северном Причерноморье принадлежали, бесспорно, к первому типу.

Как показывают исследования последних лет[8], варваризация Боспора в конце III - VI вв. была далеко не завершившимся процессом. Античный мир здесь, особенно с эпохи эллинизма, в целом терпимо относился к варварам. При политической власти эллинистического типа в любом государстве со смешанным населением допускалось сосуществование всех культур и религий, но греческий язык неизменно доминировал и поддерживался властями везде, где было сколько-нибудь значительное греческое население. Боспор-

ские правители относились враждебно лишь к вооруженным набегам варваров на свои территории. Мирное оседание на земле они не возбраняли. В истории Боспора, впрочем как и везде в античном мире, ни одна этническая группа не выступала против политики боспорских царей под «национальными» лозунгами, не проявляла сепаратизма и не стремилась к политическому самоопределению. Таким образом, на Боспоре ярко проявился примат территориального принципа организации общества над этническим.

Варваризация греков, живших в варварском окружении, была столь же естественна и неизбежна, как и эллинизация варваров, по крайней мере - их верхних слоев. Другой вопрос: до какой степени? Характер ассимиляционных процессов и их темп зависели на Боспоре от ряда факторов: - от интенсивности и численности притока новых иммигрантов и длительности их пребывания в стране, - от сходства или различия их языка и культуры по отношению к местному населению, - от особенностей социального и профессионального состава переселенцев, - от характера расселения: мирного или военного, - имело ли место переселение части покоренного населения, - шло ли переселение преимущественно в города или заселялась сельская территория, - от наличия или отсутствия дискриминационных мер, - от внутренней сплоченности, роли «национальных» организаций (политических, религиозных, культовых) как переселенцев, так и исконных обитателей страны. **[124]**

Учет всех этих факторов не позволяет говорить о полной победе варваризации Боспора даже в V веке. Сама организация боспорской территории, мощное консервативное воздействие античной в своей основе боспорской культуры привели к тому, что волны варварских переселений не захлестнули далекий, в значительной степени изолированный островок цивилизации, а соединили греков и варваров в территориально-культурную общность «боспорян» на основе греческого элемента. Греческий базис боспорской культуры оказался таким мощным, что можно говорить о его победе в борьбе различных этнокультурных сил. Если не забывать о том, что этническая сплоченность той или иной общности поддерживалась господствовавшей в ней социальной системой, наглядно выступает роль боспорской государственности в этнических процессах. Готский разгром III в. резко сократил сферу боспорского влияния на окрестные территории. Вхождение Боспора в сферу влияния гуннской державы неимоверно его расширило (посредством главным образом аланов). Несмотря на известный отход от классических форм греческого языка (а он не мог не происходить), письменность продолжает выполнять свою функцию в жизни сложно организованного общества даже в самые «темные» десятилетия V в. Хотя боспорская знать в V в. носит в основном иранские имена (Саваг, Устан, Исгудий), общая доля иранских имен в просопонимике Боспора невелика: до конца IV в. она составляла 14% (в азиатской части - 24, 7%), в Пантикапее 9, 4%, около того - в Фанагории. В V в. доля иранских имен возрастает до 30%.

Таким образом, великий греко-иранский синтез, происходивший на берегах Северного Понта многие столетия, дал многочисленные плоды и привел к появлению оригинальной смешанной культуры. Но культурная инте-

грация до самого конца античности не привела ни к процессам этногенетической миксации, ни к ассимиляции какой-либо из этнических групп. Тем не менее, все этнические группы, оседавшие на Боспоре, попадали в сферу действия боспорской государственности и отчасти усваивали образ жизни боспорян. Будучи «обществом на перекрестке» (gateway community), Боспор выполнял огромную задачу организации контактов между различными племенами и народами **[125]** (к примеру, огромное значение по своим последствиям имела историческая встреча иранского и германского миров в Северном Причерноморье). При этом он сохранил социальные основы своей жизни и государственность на протяжении тысячелетия, чему немало способствовал тот факт, что в большей своей части страны, выходящие к Черному морю, никогда не были заняты греками, не находились ни под их управлением, ни в зависимости от них. Таким образом, степень варваризации Боспора преувеличивать нельзя.

В погребальном обряде Боспора лишь после готских походов появляются признаки, свидетельствующие о проникновении сармато-аланских традиций (деформированные черепа, камерные гробницы с сопровождающими захоронениями коней, собак и др.). Однако, вплоть до утверждения христианства здесь господствовал в основе своей греческий погребальный обряд, некоторые элементы которого сохранялись и последующие столетия[9].

В Херсонесе процесс варваризации был гораздо менее интенсивен. «Процент» варваризации здесь был ниже. Судя по происходящему из Херсонеса фрагменту декрета, Феодосий I, а затем в 408 г. и Гонорий разрешили варварам-федератам селиться в Херсонесе и его округе[10]. Поэтому варварский элемент сконцентрировался именно в этом регионе, а не в самом городе.

Обратной стороной процесса варваризации был процесс эллинизации, распространения позднеантичного влияния на варварскую периферию. Одним из показателей этого было движение керамической тары на север. Северная граница распространения краснолаковых сосудов в Восточной Европе проходит по линии Львов-Киев-Харьков-Саратов[11]. Данный фактор более объективен, так как принимает во внимание массовый материал, а не отдельные вотивы варварским вождям в виде предметов искусства.

На варварской периферии Боспора и Херсонеса преобладали «внутренние» этнические процессы. Общие закономерности взаимоотношений античной цивилизации и ее варварской периферии в целом здесь сохранялись. Варварское море отнюдь не затопило Боспор. Как и в основных провинциях империи, варвары в это время вступили в интенсивные контакты с античными городами, попытались приспособиться к античным политическим и социальным институтам. В целом же, однако, античные основы жизни в Херсонесе и на Боспоре, несомненно, сохранились, что и позволило этим очагам цивилизации перейти в ранневизантийскую эпоху. **[126]**

Примечания

1. Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. – М., 2000. – С. 7.

2. Анфертьев А.Н. Пролегомены к изучению этнической истории // Этносы и этнические процессы. – М., 1993. – С.65.
3. Буданова В.П. Корпоративность раннесредневековой этнической общности: миф или реальность? // Общности и человек в средневековом мире. – М.-Саратов, 1992. – С.47.
4. Там же. – М.-Саратов, 1992. – С.48.
5. Гиренко Н.М. Племя и государство: проблемы эволюции // Ранние формы социальной стратификации. – М., 1993. – С.124.
6. Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М., 1995. – С.11-12.
7. Там же. – С.16-17.
8. Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. – Белгород, 1996; Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. – К., 2000 и др.
9. Масленников А.А. Эволюция представлений боспорян о загробном мире и их погребальный обряд // Идеологические представления древнейших обществ. – М., 1980. – С.121.
10. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I. – Симферополь, 1990. – С.67.
11. Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. – М., 1967. – С.67.

ЗАВОЕВАНИЕ ГРЕЦИИ РИМОМ В АСПЕКТЕ ПАССИОНАРНОЙ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА Л.Н. ГУМИЛЕВА[2]

К.С. Дроздов (Белгород)

Современная историческая наука, которая опирается на междисциплинарный подход в изучении исторического процесса, все чаще и чаще берется за разработку проблем, связанных с этнической историей, этническими закономерностями. И это неудивительно, ведь сегодня стало совершенно очевидно, что на многие вопросы социально-экономического и военно-политического характера подчас невозможно найти объективные ответы без учета этнической составляющей. **[127]** Исследуя самым тщательным образом этногенез исчезнувших и современных народов, мы корректируем во многом те – культурно-социологические модели, при помощи которых пытаемся познать прошлое народов, культур, цивилизаций.

Пассионарная теория этногенеза, разработанная Л.Н. Гумилевым более трех десятилетий назад, позволяет реконструировать стадию этногенеза эллинов эпохи римского завоевания как природный процесс, который имеет свой алгоритм развития, отличный от закономерностей общественно-исторического характера. Это очень важный момент, ибо в советской науке этнос и этногенез понимались как социально-исторические феномены, и поэтому фактически не существовало четкого разделения этнического аспекта и социального. Гумилевский подход к прошлому эллинов и римлян дает возможность исследователю по-новому взглянуть на историю Эллады и Рима, преодолеть многие стереотипы, которые возникли в рамках традиционной историографии. А потому будет интересным рассмотреть проблему римского завоевания Эллады в конце III – начале II вв. до н.э. с точки зрения взаимодействия и взаимовлияния двух этносов, находящихся в разных фазах (стадиях) этногенеза, с различным уровнем пассионарного напряжения и, соответственно, прямо противоположными возрастными стереотипами поведения греков и

[2] Статья публикуется в порядке дискуссии.

римлян. Отсюда и причины поражения эллинов в их противоборстве с Римом следует, вероятно, объяснять с позиций закономерностей этногенеза того и другого народов.

Концептуальных исторических исследований, в которых используются достаточно плодотворно положения пассионарной теории Л.Н. Гумилева, а тем более таких работ по истории античности, практически нет. Исключение составляет блестящий труд, к сожалению, ныне уже покойного, Ю.В. Андреева «Цена свободы и гармонии»[1], где автор в русле идей Гумилева находит ответы на многие вопросы греческой истории – от «темных веков» (XI-IX вв. до н.э.) до времени, когда Эллада стала одной из провинций Рима (II в. до н.э.). Исследований, подобных андреевскому, в отечественном антиковедении пока нет, хотя отдельные ученые фактически уже достаточно давно стали использовать в своих работах положения пассионарной теории этноса[2]. **[128]** И все же целостная картина эллинского этногенеза и этнической истории Эллады еще не написана и ждет своего исследования. Какого-то связного, масштабного повествования не найти и у Льва Николаевича, но в его основных работах, посвященных теории этногенеза, - «Этногенез и биосфера Земли», «География этноса в исторический период», - можно обнаружить отдельные фрагменты, где Гумилев обращается к античной истории[3]. Собрав их воедино, внимательный читатель сразу же обнаружит оригинальный, нестандартный, порой парадоксальный взгляд на те или иные проблемы не только Гумилева-историка, но прежде всего Гумилева-этнолога, философа…

Опираясь на пассионарную теорию этногенеза, мы вправе заявить, что греки времен Солона настолько же были отличны от своих потомков времен Пелопоннесской и Фиванской войн, насколько эти последние были несхожи с современниками Полибия, и уж тем более – Павсания и Плутарха. И действительно, если мы посмотрим на историю Греции V-II вв. до н.э., то сможем увидеть, какая непреодолимая пропасть пролегла между защитниками Фермопил и их потомками, которые стали свидетелями разрушения римлянами Коринфа и превращения Эллады в одну из провинций Римской державы. Ведь о подвиге одних говорит надпись, начертанная на камне:

«*Путник, пойди возвести нашим гражданам в Лакедемоне,*
Что их заветы блюдя, здесь мы костьми полегли»

(Herod. VII. 228).

А о беспомощности и разложении вторых скажет знаменитый историк, который всего лишь запомнит поговорку своего времени:

«Мы не были бы спасены, если бы не были быстро сокрушены»

(Polib. XXXIX. II. 12).

Такова уж судьба любого народа (и неумолимая логика процесса этногенеза), что за подъемом и расцветом следует надлом, который сменяется медленным угасанием и, в конце концов, гибелью этноса. Но смерть так же необходима, чтобы затем новый молодой народ на обломках древней культуры начинал писать свою собственную неповторимую историю.

Уже Полибий (210-120 гг. до н.э.), приступая к написанию своей «Всеобщей истории», задавался вопросом: каким образом почти весь известный

мир подпал под власть римлян в течение неполных пятидесяти трех лет? Ведь раньше ничего подобного анналы **[129]** не знали (Polib. I.1, 5-6), Мы попытаемся ответить на вопрос знаменитого историка, базируясь на принципах пассионарной теории.

Рассматривая римские завоевания, в том числе и завоевание Эллады, Л.Н. Гумилев пришел к выводу, на первый взгляд довольно парадоксальному: «Принято думать, что Рим покорил Средиземноморье и Западную Европу потому, что он «почему-то» усилился. Но ведь тот же результат должен получиться и в том случае, если бы сила Рима осталась прежней, а народы вокруг него ослабели. Да так оно и было»[4]. Стоит нам пристальнее посмотреть на стереотип поведения, который был характерен для эллинов вон. III – нач. II вв. до н.э., и мы убедимся, что вывод Гумилева вполне справедлив.

Когда перед глазами стоят знакомые со школьной скамьи картины греко-персидских войн, в которых эллины проявляли чудеса доблести, мужества и самопожертвования на полях брани, то трудно себе представить, что пройдет всего лишь триста лет, и от былого величия не останется и следа. Тихо и незаметно Эллада превратилась из страны героев в страну мирных обывателей, по преобладанию которых в этносе можно судить о том, что он переживает «золотую осень» – инерционную фазу этногенеза.

Полибий и его современники стали свидетелями того, как Эллада все глубже и глубже погружалась в пучину упадка и распада. Причины такого бедственного положения Полибий видит в том, что люди испортились, везде господствуют эгоистические интересы, корыстолюбие, любостяжательство, роскошь и разврат (Polib. XXXVII.9,5). Продажность до такой степени обуяла Элладу, что укоренилась привычка ничего никому не делать даром (Polib. XVIII.34,7). Знаменитый историк горько жалуется на беспечность должностных лиц, заведующих общественными деньгами (Polib.VI.56,6) и удивляется тому, что в Спарте можно было добыть за пять талантов, розданных пяти эфорам, царское достоинство и генеалогию от Геракла (Polib.IV.35,14-15). Утрата лакедемонянами пассионарности поставила Спарту на грань катастрофы. «Под конец дошло до того, что они терпели почти постоянные войны и междоусобные распри, удручаемы были весьма частыми переделами имущества и изгнаниями, вкусили ненавистнейшего рабства и даже тиранию Набиса, те самые лакедемоняне, для которых раньше невыносимо было имя тирании» (Polib.IV.81,12-13). Беотийцы, по словам историка, **[130]** так упали духом, что уже давно не принимали никакого участия в какой бы то ни было общей битве эллинов, но целиком и полностью отдались обжорству и пьянству (Polib.XX.4,1), причем у многих из них бывало больше обедов в месяц, чем дней (Polib.XX.6,1).

Но ярче всего о переменах, которые произошли с эллинским этносом к к. III – нач. II вв. до н.э., свидетельствует судьба афинян. Так, у Геродота афиняне предстают мужественными, волевыми, всегда готовыми к самопожертвованию гражданами, только благодаря которым эллины и устояли в борьбе с персами (Herod.VI.139). Аналогичную характеристику афинян можно встретить и в труде Фукидида, младшего современника Геродота, где о

них говорится как о тех, кто всю жизнь проводит в трудах и опасностях, не знает другого удовольствия, кроме исполнения долга. Сама природа предназначила афинян к тому, чтобы самим не иметь покоя и другим людям не давать его (Thuc.II.70,8). Вот он, типичный образ пассионарного народа!

Ничего подобного мы не встретим у Полибия. Современные ему афиняне не сохранили ничего от славы и доблести своих предков. Теперь они предпочитали пресмыкаться перед македонскими и египетскими владыками, которые «спонсировали» их хлебом и на зрелища (Polib.V.106,6-8). Отстаивать свободу Эллады на полях брани они не хотели, да к тому времени уже и не умели. А независимость, которая была достигнута в 229 г. до н.э., была просто куплена за 150 талантов, которые были заплачены Диогену, начальнику македонских гарнизонов. Вернув таким образом себе свободу, афиняне ликовали, а Диоген был буквально осыпан всевозможными почестями: ему даровали права афинского гражданства, титул «благодетеля», проэдрию в театре и, наконец, в его честь были установлены ежегодные празднества – Диогении[5]. Афиняне инерционной фазы этногенеза, как и все остальные эллины, предпочитали покупать свободу своей родины за деньги, нежели жертвовать за нее своими жизнями на полях сражений. Время пассионариев, ковавших величие и славу Афин, Спарты, Фив, безвозвратно ушло в прошлое, теперь на первом месте стояли интересы обывателя, который желал лишь спокойной и сытой жизни, комфорта и материального благополучия.

Ко времени столкновения эллинов с Римом их этническая система стремительно утрачивала пассионарный импульс, в результате чего былые центры пассионарности, такие как Спарта и Афины, **[131]** задававшие тон в истории Эллады в VI-IV вв. до н.э., постепенно теряли роль ведущих полисов и уступали место дотоле ничем не проявившим себя горцам Этолии и крестьянам Ахайи. Но подчеркнем еще раз вслед за Гумилевым: не этолийцы и ахейцы стали сильнее, просто ослабели Афины, Спарта и Фивы, выровняв приблизительно энергетический потенциал во всех областях Греции. Пассионарности, которой обладал эллинский этнос в к. III – н. II вв. до н.э., хватало лишь на то, чтобы еще некоторое время существовать как бы по инерции, за счет запаса ценностей и культурных достижений, созданных греческой цивилизацией за время ее этнической молодости.

Следствием снижения пассионарности эллинов было то, что уменьшилась резистентность их этнической системы. В этом таилась потенциальная угроза для этноса, так как в случае столкновения с молодым, переполненным пассионариями народом греки неизбежно оказались бы побежденными. И когда с конца III в. до н.э. римляне впервые вступили на землю Эллады, противоборство двух народов шло именно по такому сценарию. Некогда славная Эллада теперь влачила жалкое существование и обречена была на поражение. Ведь она стала страной тихих и пассивных обывателей, где «легче повиноваться одному правителю, чем участвовать в демократическом управлении государством; легче подкупить судью, чем убедить в своей правоте суд присяжных; легче оплачивать содержание армии, чем самому служить в ней; легче предаваться приятной праздности в бане, чем тренироваться в гимнасии;

легче наблюдать за спортивными состязаниями, чем самому в них участвовать; легче понадеяться на какой-нибудь магический способ лечения, чем соблюдать разумный режим; легче посмеяться над каким-нибудь фарсом, чем следить, а тем более размышлять над сюжетом трагедии; легче уверовать в свое спасение, чем анализировать философскую аргументацию и затем действовать, сообразуясь с результатами этого анализа»[6]. Такая Эллада стала легкой добычей Рима.

Совсем иной была ситуация на западе, где римский этнос переживал пору своего расцвета. Пассионарность римлян была так высока, что они вплоть до рубежа III-II вв. до н.э. не испытывали недостатка в героях, желавших гибнуть за отечество. «Муций Сцевола, Аттилий Регул, Цинциннат, Эмилий Павел и множество им подобных, вероятно, в значительной мере были созданы патриотической легендой, но важно, что именно подобные личности служили идеалом поведения»[7]. **[132]**

Эллинам, которые навсегда утратили героический идеал, трудно было что-то противопоставить народу, полному пассионарности и здоровых творческих сил, народу, который, как в свое время и эллины, стремился превзойти своих противников доблестью, мужеством и самопожертвованием. Молодой римский этнос, в котором ведущую роль в III в. до н.э. играли пассионарии, способен был решать любые задачи, которая ставила перед ним история. Ведь энергичные, волевые и целеустремленные римляне акматической фазы этногенеза считали, как повествует об этом Полибий, что раз какая-то цель поставлена, то она должна быть обязательно достигнута, и раз принято какое-то решение, не существует ничего невозможного для его успешного осуществления (Polib.I.37,7). Знаменитый историк неоднократно подчеркивает, что неудачи только закаляют характер римлян: высшую степень гордости и упорства они показывают в несчастии, а величайшую умеренность в счастии (Polib.XXVII.8,8-9); в другом месте он сообщает, что римляне бывают наиболее страшными, когда им угрожает серьезная опасность (Polib.III.75,8).

Но этому можно дать простое и непротиворечивое объяснение, если обратиться к пассионарной теории этноса. Дело в том, что римский этнос переживал тогда эпоху своего расцвета, а значит, римских пассионариев было достаточно, чтобы дать отпор любому противнику, сколь бы грозным и могущественным он ни казался. Римляне того времени могли проиграть сражение, но они ни разу не проиграли войны[8]. Рим с его богами, землей, предками был высшей ценностью для каждого римского гражданина в пору расцвета римского этноса, а патриотизм был первым его долгом. И поэтому когда тихие и пассивные обыватели Эллады должны были столкнуться со славными победителями Ганнибала, итог этого противостояния предугадать было несложно.

Таким образом, пассионарная теория этногенеза, предложенная Л.Н. Гумилевым, позволяет по-новому, нетрадиционно рассматривать многие проблемы эллинской истории, в том числе и вопрос о римском завоевании Эллады. А выводы из этого очевидны. Во-первых, ко времени столкновения с Римом Эллада находилась в инерционной фазе этногенеза, когда на первый

план внутри этноса **[133]** вышли самоубийственные для него интересы обывателя. Этого нельзя сказать о римлянах, которые переживали пору своего расцвета, этнической молодости, а ведущую роль в их этнической системе играли активные пассионарии, которые с гордостью носили имя квиритов и доставляли Риму славные победы. Во-вторых, сравнив уровень пассионарного напряжения этнических систем Эллады и Рима, необходимо отметить, что в противостоянии с Римом эллины, от былого величия которых к этому времени не осталось и следа, не имели ни единого шанса на успех. Дело в том, что пассионарность, хотя и не детерминирует исхода события, но является мерой потенциальных возможностей конкурирующих этнических систем и потому определяет расстановку сил в данную эпоху[9].

Эллада была практически без сопротивления захвачена Римом и вскоре превратилась в захудалую провинцию, в беднейшую область Средиземноморья, в страну, «знаменитую, прежде всего, памятниками прошлого, но не имеющую реального значения в судьбах античного мира…»[10]. Обывательский цинизм и шкурные интересы стали прочно господствовать во всех сферах жизни эллинов. Навсегда остались в прошлом честность, порядочность, чувство долга в отношении исполнения гражданских обязанностей. Жажда материального накопления, животный инстинкт наживы овладели эллинами в такой степени, что этот процесс стал уже необратимым. А пассионарность, и так невысокая, продолжала снижаться на протяжении всего II века до н.э. Исчезали связи, которые раньше служили единению эллинов, начинался распад этноса, приближалась его гибель. Ничего подобного римский этнос пока не знал.

«Когда тупость и бессмыслие овладели всеми эллинами до такой степени, в какой трудно встретить эти состояния даже среди варваров», когда субпассионарный шлак наводнил Элладу, знаменитый историк, как нам кажется, увидел в молодом и здоровом римском этносе, полном пассионарности, ту реальную силу, которая сможет подавить субпассионариев и освободить многострадальную Элладу от их растлевающего влияния, от их эгоистических животных инстинктов.

В этом смысле, скорее всего, и нужно понимать выражение, ставшее классическим: «Мы не были бы спасены, если бы не были быстро сокрушены». **[134]**

Примечания

1. Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. – СПб., 1998.
2. См.: Розовский А.А. Понятие «эллинизм»: цивилизационный подход (постановка проблемы) // Методология и методика изучения античного мира. – М., 1994.
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М., 1994; его же: География этноса в исторический период. – Л., 1990.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – С. 256.
5. Жебелев С.А. Из истории Афин. 229-31 гг. до н.э. – СПб., 1898. – С. 6, 15-16; Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. – М., 1999. – С. 172.
6. Андреев Ю.В. Указ. соч. – С. 340.
7. Гумилев Л.Н. Этногенез… - С. 163-164.
8. Дюрант В. Цезарь и Христос. – М., 1995. – С. 44.

9. Гумилев Л.Н. Этногенез… - С. 347.
10. Кудрявцев О.В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. – М., 1954. – С. 43-44.

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ АНТИЧНОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТИЛЬ

Т.Н. Крупа (Харьков)

1. Сохранение и научная атрибутация археологического текстиля - проблема, для Украины, новая и широко не изученная. Наряду с этим, в процессе археологических раскопок последних лет, накоплен большой фактический материал, который требует научной атрибутации. Однако первоначальной и наиболее важной проблемой является первичное сохранение и обработка археологического текстиля in situ.

2. Исследовательские цели.

2.1.Развитие методики первичного сохранения в условиях раскопок;

2.2.Распределение и приложение химико-технологических, физико-химических методов, которые гарантировали бы быстрое и качественное научное приписывание памятников. **[135]**

3.Для работы выше исследованной проблемы применялись:

3.1.Методы аналитической химии, которые позволяют достаточно успешно определять происхождение волокна, природу текстильных красителей и загрязнения. Химические методы - доступны и не трудоемки. Это позволяет применять их в полевых археологических условия для частичной очистки от загрязнений, первичной пластификации;

3.2.Рентгенография. Изучение структуры текстиля. Этот вид исследования текстиля особенно важен для изучения текстиля, в структуру которого входят золотные нити. Например, при рентгенографическом исследовании парамана из раскопок В.К. Михеева было более тщательно изучено серебряное шитье (рис.1);

3.3.Оптические исследования с применением бинокулярного микроскопа МБС - 10 позволяют изучать структуру нити и ткани, определять виды загрязнения объекта, вести механическую очистку текстиля от видимых посторонних включений.

4.Результаты и значение. К настоящему времени нами были лично исследованы свыше 30 образцов археологического текстиля. Для исследовательских выборок от следующих памятников были выбраны:

4.1. Курганный могильник Беш-Оба (Ак-Кая), курган 4, погребение 2 (IV в. до н.э.) - 3 образца;

4.2. Некрополь Усть-Альма (позднескифского времени) - 19 образцов;

4.3. Могильник в Килен-балке (конец Ш - IV в. н.э.) - 6 образцов;

4.4.Херсонес Таврический (первые века новой эры) - 3 образца.

4.5. Текстиль и войлок второй половины VП в.до н.э. из кургана 1 Карaванской группы - 2 образца.

4.6.Параман. Конец XVI - начало XVП в.

Таким образом, к работе было привлечено 34 образца текстиля найденных в археологических комплексах Крыма и Харьковской области в результате раскопок преимущественно последних лет: могильник Беш-Оба - исследования С.Г. Колтухова 1996 г.; некрополь Усть-Альма - раскопки А.Е. Пуздровского, Ю.П. Зайцева, И.И. Лободы 1995-1996 гг.; склепы в Килен-балке изучались в 1991 г. О.Я. Савелей. Курган 1 Караванской группы Харьковской области - раскопки А.В. Бандуровского. **[136]** Параман был обнаружен В.К. Михеевым при раскопках церкви Змиевского казачьего монастыря[1]. И только ткани из некрополя Херсонеса были найдены в 1908 г. Р.Х. Лепером[2].

Кроме тканей к работе были привлечены золотные нити, которые входили в состав парчи:

4.7.Золотные нити из парчи первых веков новой эры из раскопок Р.Х. Лепера 1908 г. в Херсонесе[3];

4.8.Золотные нити из раскопок С.Ф. Стржелецкого, первые века нашей эры, склеп на Девичьей горе, Херсонес[4];

4.9.Золотные нити из Усть-Альминского некрополя из раскопок А.Е. Пуздровского, Ю.П. Зайцева.

Результаты исследований - опубликованы, за исключением парамана[5]. Изучение археологического текстиля проводится до настоящего времени.

В результате было установлено происхождение волокон, красильного сырья, прядильно-ткацкие характеристики.

Принимая во внимание, что сохранить археологический текстиль крайне сложно, - это особенно важно.

На основе обобщенного доступного личного опыта и опыта коллег-реставраторов были разработаны рекомендации по методике первичной консервационной обработки текстиля в условиях археологических раскопок и предложена украинским коллегам-археологам. Она не требует специальной подготовки. Однако ее применение позволит сохранить для дальнейшей работы уникальный вид исторического источника[6]. **[137]**

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Рис.1. Параман. Конец XVI - начало XVII в. Рентгенография. **[138]**

Примечания

1. Выражаю искреннюю благодарность Ю.П. Зайцеву, С.Г. Колтухову, О.Е. Пудровскому, О.Я. Савеле, А.В. Бандуровскому, В.К. Михееву за предоставленное право работы с неопубликованными материалами.
2. Лепер Р.Х. Опись находок из раскопок 1908 г.// Арх. НЗХТ. - Д. 101. - № по оп. 3151/08.
3. Там же.
4. НЗХТ. Инв. № 36263.
5. Крупа Т.М. Застосування методів природничих наук при дослідженні археологічного текстиля IV ст. до н.е. - IV в. н.е. (на прикладі матеріалів Криму) // Археологія. - 2000. - № 3. - С. 112-122; Крупа Т.Н. Исследование текстиля и войлока из кургана второй половины 7 в. до н.э. Караванской группы // Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени Харьковской области (северодонецкий вариант). - К.: ИА НАНУ, 2000. - С. 237; Крупа Т.М. Особливості хіміко-технологічних досліджень археологічного текстилю // Проблемы истории и археологии Украины. - Х., 2001. - С.66; Крупа Т.М. Дослідження тканин IV ст. до н.е. з розкопок некрополя Беш-Оба (Ак-Кая. Курган 4. Поховання 2) // Музейні читання. Матеріали наукової конференції, грудень 2000 р. – К., 2001. – С. 152-155.
6. Крупа Т.Н. К вопросу об извлечении и первичной консервационной обработке археологического текстиля // Археология и древняя архітектура Левобережной Украины и смежных территорий/ Под ред. С.Д. Крыжицкого. – К.: Східний видавничий дім, 2000. – С.124; Крупа Т.Н. Исследование состава красителей археологических тканей второй половины VII в. до н.э. - IV в. н.э. // Проблеми збереження, консервації, реставрації та експертизи музейних пам'яток. Тези доповідей III Міжнародної науково-практичної конференції. 22-24 травня 2001 р. – К., 2001. – С. 84-85. **[139]**

II. РИМСКИЙ МИР

КЕЛЬТСКАЯ РЕЛИГИЯ И РОМАНИЗАЦИЯ

С.А. Доманина (Нижний Новгород)

При рассмотрении трансформации кельтской религии в период после римского завоевания удивляет, в первую очередь, её стремительная ассимиляция в рамках римского пантеона. В течение одного, максимум – двух поколений большинство кельтских богов получило римские имена, кельты стали обращать свои молитвы и просьбы к римским богам (часто, впрочем, добавляя и имя своего бога). Во всей галльской культуре с романизацией произошли очень глубокие изменения, но было ли это действительной ассимиляцией с утратой национальных корней и приоритетов, национальной ментальности? Существует точка зрения, что

включение Кельтики в римскую цивилизацию было полным, римская культура восторжествовала, а кельтская в полном объёме, включая религиозный аспект, прекратила своё существование[1]. Но, несмотря на кажущиеся твёрдыми позиции сторонников этой точки зрения, они, по нашему мнению, впадают в серьёзное заблуждение, не учитывая обратного воздействия. Мы считаем, что включение Кельтики в орбиту Pax Romana не могло не вызвать и обратной связи, тем более, что её население составляло, по-видимому, не менее половины населения всех западных провинций (без Италии)[2]. Вероятно, ближе к истине находится точка зрения Ж. Кулона, что «произошло нечто более важное, чем банальная ассимиляция, пусть даже и всеобъемлющая: это было настоящее взаимопроникновение, произошедшее между галльской и римской цивилизациями»[3]. Трансформация, пережитая кельтской религией, её основные принципы и итоги, как нам кажется, подтверждают этот вывод.

Основной принцип, действовавший при интеграции традиционной кельтской религии в римскую (а по существу, в греко-римскую) религиозную систему, принято называть интерпретацией или отождествлением. Интерпретация касалась, главным образом, кельтского пантеона, в очень значительной степени отождествлённого с римским, но применялась она и в отношении святилищ, а также, вероятно, и обрядности. **[140]** Этот способ, широко применяемый Римом и ранее[4], дал в Галлии, а позднее в Британии совершенно ошеломляющие результаты; поэтому данный феномен требует своего объяснения.

Рассмотрение вопросов, связанных с проблемой римской интерпретации кельтских культов, её принципов и методики, является одним из важнейших направлений в работах современных кельтологов-религиоведов. Ж.-Ж. Хатт прямо называет её «фундаментальной проблемой галло-римской религии»[5]. Однако состояние источниковой базы, некая её односторонность часто приводят исследователей к далеко не однозначным, а иногда и противоречивым выводам.

Интересной, но в некоторых отношениях весьма спорной является разработка проблем интерпретации, проделанная Ж.-Ж. Хаттом[6]. Как автор теории о двух религиях – докельтской и кельтской[7], он и эту тему использует, главным образом, для доказательства верности своей основной концепции. Но такая привязка этой совершенно особой проблематики к собственной теории заставляет его делать допущения, которые весьма слабо соответствуют тому, что нам известно. Так, он априорно, без каких-либо доказательств, отождествляет кельтского бога Тараниса с Тевтатом, Тевтата с Лугом, Эзуса с «богом с оленьими рогами»[8]. Подобная идентификация весьма сомнительна, если не сказать больше, и совершенно очевидно, что она применена для одной цели – доказать собственную теорию взаимовлияния двух религий. Но такая система аргументации приводит Ж.-Ж. Хатта к очень спорному выводу: он считает, что внутренняя кельтская интерпретация племенных пантеонов имела место до III в. до н.э., а затем, после военных поражений, у кельтов возобладала противоположная тенденция – изоляции и

защиты собственных культов[9]. В свете позднейших успехов римской интерпретации такая точка зрения представляется нам довольно сомнительной.

Есть сторонники и у так называемой «классической» схемы интерпретации, приведшей к галло-римскому синкретизму и фактически к полной ассимиляции кельтской религии (включая и друидизм). Эта точка зрения, идущая от Фюстель де Куланжа[10], поддерживается, с небольшими оговорками, и некоторыми современными историками, в частности, М.-Ж. Демароль[11]. Более предпочтительной, хотя и в рамках тех же классических принципов, является точка зрения Ж. Кулона, который считает, что **[141]** «посредством этого слияния выработалась галло-римская религия – сложная и разнородная, в недрах которой каждый народ и даже каждый город представлял специфический религиозный облик»[12].

В эссе о галло-римских синкретизмах М. Клавель-Левек, входящем в её книгу «Галльская головоломка»[13], проблематика интерпретации рассматривается в русле той же классической теории, но сопровождается гораздо более подробной разработкой теоретической базы, принципов и целей римской интерпретации.

Иное, и, на наш взгляд, наиболее приемлемое объяснение феномена римской интерпретации было предложено М. Грин[14]. Исследуя основные принципы отождествления религий в комплексе взаимовлияния и взаимного воздействия римской и кельтской религии, она указывает, что сам процесс включения кельтской религии в структуру античной идеологии был и более сложным, и менее успешным, чем принято думать. Ею учтена и одна из главных особенностей кельто-римского религиозного феномена – то, что римские религиозные традиции наложились на, в основном, беспортретные и безымянные кельтские культы. Отмечает она и глубокий символизм кельтского религиозного сознания – одну из самых своеобразных черт кельтской ментальности. Пожалуй, лишь некоторое преуменьшение успехов религиозной романизации и, соответственно, преувеличение стойкости и неизменности кельтских традиционных культов (М. Грин считает, что галло-римская религия господствовала только в городах) являются относительно слабым местом в системе её аргументации[15].

Имеется немалое количество работ, рассматривающих практику интерпретации, среди которых можно выделить труды Э. Тевено[16], П. Ламбрехта[17], А.-П. Эйду[18], С. Дея[19]. Основное внимание в этих исследованиях уделяется методам и нюансам интерпретации, при практически полном отсутствии теоретических построений (за исключением П. Ламбрехта). Нам представляется целесообразным, в связи с этим, разделить рассмотрение проблем интерпретации: вначале будут исследованы основные принципы интерпретации, пределы её использования и воздействия, а также основные формы отождествления; затем мы рассмотрим методику, т.е. практическое применение интерпретации.

Итак, главным принципом римской имперской власти, применяемым для скорейшей адаптации покорённых народов в систему Pax Romana, **[142]**

была идея, окончательно оформившаяся в эпоху Августа: силовые методы, жёсткое принуждение должны применяться лишь тогда, когда это необходимо, когда их неприменение приведёт к более серьёзным последствиям, чем неизбежные издержки, свойственные силовым методам. Коренным изменениям подвергалась лишь структура власти, причём реальной власти – например, галльский титул вергобрета, «исполнителя приговоров», лишённый реального содержания, существовал ещё в течение не менее чем семидесяти лет после завоевания[20]. В области религии римляне старались свести насильственные методы к минимуму, обеспечивающему только твёрдость власти и управления, не пытаясь прямо воздействовать на религиозные чувства покорённого народа[21].

Чёткое понимание имперской властью опасности вспышек религиозного фанатизма при жёстком давлении на кельтскую религию привело к тому, что прямые действия римской администрации в религиозной области, по существу, ограничивались тремя императивными постулатами: а) отмена человеческих жертвоприношений; б) введение культа императора (и связанного с ним политическими нитями культа Ромы); в) уничтожение друидизма. Но даже и в этих случаях всё делалось достаточно постепенно (кроме запрета человеческих жертвоприношений, которые, с точки зрения римского права, были обыкновенным убийством и подлежали немедленному наказанию). Так, культ Ромы и Августа был официально введён в Галлии через сорок лет после завоевания, в 12 г. до н.э. (Dio Cass. LIV.32.1), а настоящее введение культа императора началось только после смерти и обожествления Августа. Та же тактика применялась и по отношению к друидам: при Августе было лишь запрещено участие в друидическом культе для римских граждан (Suet. Cl. 25), но понятно, что явно выраженное неодобрение принцепсом друидизма оказывало сильное воздействие и на галлов. А уже Тиберий издаёт грозный указ, полностью запрещающий друидизм (Plin. N.H. XXX. 13). Что же касается традиционной религии, то в этой области тактика Рима была абсолютно иной.

Достаточно известен тот факт, что сфера религии, обрядности и сакральных традиций наиболее долго противостоит любым внешним изменениям. И какой-либо волевой политический акт против местной религии всегда чреват опасностью весьма серьёзной реакции, **[143]** а те положительные результаты, которых могла бы добиться предпринимающая подобные действия сторона, могут быть несоразмерно меньшими по сравнению с возможными тяжёлыми последствиями для неё самой. Римлянам однажды всё же пришлось столкнуться с подобным исходом их жёсткой религиозной политики: спровоцированный Римом иудейский религиозный фанатизм привёл к четырёхлетней Иудейской войне, потребовавшей от Римской империи большого напряжения сил, и катастрофической по своим последствиям для Палестины, превращённой в полупустыню (Ios. Flav. Bell. Iud.). Но здесь ситуация в какой-то мере оправдывала римлян, поскольку античная и иудейская религии практически не имели точек соприкосновения, более того, иудейская религиозная

традиция противоречила главному императивному постулату Рима в области религии – введению культа императора (его политическая подоплёка играла в данном случае для иудеев второстепенную роль). Совсем иначе обстояли дела в Галлии и Британии, где римская власть нашла способы сближения религий – прежде всего, путём отождествления кельтских и римских богов, где культ императора в определённой мере вписывался в подлинно кельтский культ прародителей племён и воинов. Традиционная кельтская религия (но не друидизм!) в своих внешних проявлениях была весьма похожа на римскую. Надо, однако, отметить, что речь идёт именно о внешнем сходстве: глубокие же расхождения в ментальности кельтов и римлян – отношение к понятию сакрального, фундаментальное в религиозном сознании кельтов понятие символа, не до конца постигнутое римлянами – не могли сделать метод интерпретации всеобъемлющим фактором ассимиляции. Но на первом этапе (условным конечным ориентиром которого мы считаем время смерти Траяна – последнего сторонника безудержной экспансии Рима) этот метод, принятый на вооружение Римом, вполне справлялся с задачей удержания покорённых народов от противодействия имперской власти, и сам в определённой мере (как и культ императора) являясь фактором политической лояльности. Провал экспансионистской политики Рима, осознанный уже при Адриане[22], и нарастающая германская опасность заставили Империю искать и иные средства, способные изменить доминанту самоидентификации покорённых народов, разрушить сам имидж подчинённости, а следовательно, и некоторой неполноценности неиталийских народов, - проще говоря, превратить галлов в римлян. **[144]**

Основной принцип интерпретации, применяемый Римом, был крайне прост: местный бог, сходный по своим основным функциям с определённым римским божеством, наделялся именем римского бога. Это могла быть прямая идентификация, с полным отождествлением, но чаще интерпретация влекла за собой феномен синкретизма – единой двухчленности –обычный для всех синкретичных религий, классической формой которого было слияние греческого и римского пантеонов. Греко-римский синкретизм сыграл очень важную роль в формировании интерпретации как главного принципа религиозных контактов. Подобный метод не требовал волевых властных усилий и силовых политических мер, он внедрялся достаточно спонтанно, через образ жизни, культурные достижения, иконографию; содействовало ему и чувство морального превосходства победителя над побеждёнными. Впрочем, это далеко не совпадает с принципом невмешательства властей в религиозные дела или их безразличия к вопросам религии – несмотря на отсутствие политических актов, это была твёрдая и осознанная политическая линия, не допускающая принуждения и прозелитизма в области религии[23], линия, заложенная Августом и продолженная его преемниками.

Интерпретацию, в этом смысле, нельзя даже назвать методом – скорее, это общее направление, обусловленное спецификой античного менталитета, для которого отождествление религий составляло, в определённой мере,

основу сакрального миропонимания, которое можно, пожалуй, выразить в следующей формуле: «Мы поклоняемся одним и тем же богам, но называем их по-разному». Это свойство, присущее самому духу античного язычества, было осознано и использовано имперской властью, выработавшей на его основе глобальную религиозную концепцию Августа[24], сыгравшую в создании системы Pax Romana не меньшую роль, чем римские легионы и античная культура.

Феномен интерпретации, однако, гораздо более сложное явление, чем простое отождествление пантеонов, которое, по существу, является только первым шагом на пути сближения религий. Отождествление богов с необходимостью влекло за собой и отождествление святилищ, храмов, религиозной обрядности и прочего. **[145]** Но сама ущербность принципа интерпретации при контакте с очень разными культурами достаточно очевидна и ставит ясно очерченные пределы действенности этого метода.

Так, например, отождествление требует довольно точных аналогов в собственном пантеоне, определённого совпадения функций. Но там, где нет подобных аналогий, интерпретация начинает, если так можно выразиться, «пробуксовывать». Подобная участь, в значительной мере, постигла ту составляющую традиционной кельтской религии, которая восходит к архаической, докельтской религии. В античном пантеоне сохранялись лишь сравнительно незначительные следы архаической традиции, и этим он весьма отличался от кельтского. В Галлии и Британии топические божества составляли большую и очень влиятельную группу[25]: их влияние на саму религиозную ментальность кельтов было велико. В античном сознании степень архаического влияния была гораздо меньше – териоморфные, т.е. монстроподобные божества, ещё существовавшие в пантеоне, были отодвинуты на второстепенные роли (кентавры, сирены, змееногие гиганты и др.) и потеряли, по существу, сам статус полноценного божества. Никакое прямое отождествление их с кельтскими топическими культами было невозможно. Нечто подобное произошло и с популярными в Кельтике божествами лесов, рек и гор – такими, как Ардуинна, Секвана или Возегус[26]. Сама сущность этих богов коренилась в фундаментально присущем кельтскому менталитету представлении о сакральном единстве мира, не до конца понятом античной цивилизацией и потому почти недоступном для интерпретации, хотя попытки отождествления предпринимались и здесь[27].

Существовало лишь два исключения в отношении Рима к архаической традиции в кельтской религии, и каждое – уникальное в своём роде. Первое – это невероятная популярность культа Эпоны – богини лошадей и всего, связанного с лошадьми[28]. Она стала единственной галльской богиней, получившей очень широкое распространение во всём римском мире (Appul. Metamorph. III. 27; Iuvenal. Sat. VIII. 146-158; Tertul. Ad nat. 11). Интерпретация вообще её не коснулась: Эпона была принята в римский пантеон непосредственно, сохранив при этом свою кельтскую индивидуальность. О чрезвычайной распространённости этой богини говорит и то, что она – единственная из всех кельтских божеств – была введена в

римский религиозный календарь[29]. **[146]** Вероятно, не имея аналогов в античной религии, она была ею востребована, заполнив при этом определённую лакуну в греко-римском пантеоне. Безусловно, важную роль при этом сыграло и обилие и разнообразие дополнительных функций Эпоны, а также отмечаемый М. Клавель-Левек особый характер этой богини как хранительницы и спасительницы[30].

Не менее интересная трансформация, но осуществлённая на совершенно иных принципах, произошла с культом Матерей. Это был, по сути, культ символов, талисманов, где фигурки Матерей почитались сами по себе, а не как антропоморфные изображения неких высших божеств. Римская интерпретация, из-за неверного понимания этого культа, сильно отличавшегося от античной традиции, превратила этот важный элемент кельтского символизма в почитание собственно богинь-Матерей, хотя и не имеющих имён, но являющихся подлинными божествами. Возможно, в распространении этого культа сыграл свою роль и грандиозный успех в Римской империи Великой Матери Богов – Кибелы. Во всяком случае, широчайшая популярность богинь-Матерей в римское время[31] явно не соответствует тому, что Цезарь, рассказывая о почитании кельтами различных богов (B.G. VI. 17), ни словом не обмолвился об этом культе, в римское время едва ли не самом распространённом[32].

Ситуация, сложившаяся с другими группами богов – триадой Таранис, Эзус и Тевтат, Суцеллом, культом прародителей племён и воинов-героев – была качественно иной. Эти боги и по своему амплуа, и по присущим им функциям находили, в той или иной степени, аналогии в греко-римском пантеоне. Важно отметить, что именно на примере отождествления этих богов с римскими прекрасно иллюстрируется и изначально присущий интерпретации изъян, её некоторая ущербность в сравнении с более высокой ступенью – синтезом, хорошо видны как её технические, так и политические пределы. Главный же изъян интерпретации заключается в абсолютной невозможности достигнуть полной аналогии. Принимая отождествление в целом, то есть вводя местных богов в рамки богов римских, интерпретация может существенно изменить их ролевые функции, совершенно неадекватно расположить их в пантеоне, создавая странное впечатление о принципах формирования местных пантеонов. **[147]** Механический перенос часто ведёт к серьёзному обеднению функций в тех случаях, когда отождествление идёт по одной или нескольким (но не всем) произвольно выбранным функциям. Лучшим примером подобного перекоса служит ситуация с богом Лугом, которого римляне отождествили с Меркурием[33]. Приняв за основу лишь одну, и не самую важную его функцию – приносить удачу в делах и прибыль в сделках, римляне очень сильно обеднили образ этого великого кельтского бога – обладателя верховной магической власти[34], покровителя наук и искусств (Caes. B.G. VI. 17). Вся богатейшая индивидуальность Луга никак не могла уместиться в хотя и важной, но достаточно второстепенной фигуре Меркурия. Помимо прочего, это влияло и на само восприятие античностью специфики кельтского общества. Ведь слова Цезаря о том, что главным

богом галлов является Меркурий – «Deorum maxime Mercurium colunt» (B.G. VI. 17) – создавали в античном сознании совершенно определённый, но крайне далёкий от истинного образ этого народа.

К значительному обеднению, но несколько иного рода, привела и другая интерпретация. У исследователей вызывает удивление невероятно широкая распространённость так называемых кельтских Марсов[35]. Римский Марс отождествляется здесь с огромным количеством кельтских богов: Ж.-Ж. Хатт, например, насчитывает 217 случаев соединения римского Марса с именами кельтских богов или кельтскими эпитетами[36]. По нашему мнению, здесь имела место попытка отождествления Марса с очень существенной частью кельтского пантеона – культом прародителей и воинов-героев. В поддержку этой версии говорит и тот факт, что кельтские имена, соединяемые с Марсом в галло-римской эпиграфике – это, как правило, имена племенных богов, притом весьма характерные: «Камулус» – «сильный», «Катурикс» – «повелитель битв» и т.п.[37] Безусловно, сведение целого пласта кельтской религии к одному лишь богу серьёзно сужало и значимость этого культа в кельтской религии, и восприятие античностью его места в кельтском обществе[38].

В то же время, следует признать, что эти изъяны, органически присущие интерпретации как методу, отнюдь не помешали успеху самой практики отождествления; скорее наоборот, с учётом кельтской специфики они могли влиять и в совершенно противоположном плане. В самом деле, именно в Кельтике, и особенно в Галлии, **[148]** отождествление имело наиболее массовый характер, если, конечно, не считать феномена греко-римского синкретизма. Эта лёгкость отождествления тоже требует своего объяснения.

На наш взгляд, одним из главных слагаемых успеха римской религиозной политики в Кельтике был тот факт, что сам этот метод уже действовал в Галлии и Британии задолго до прихода римлян. Специфика кельтского менталитета привела к тому, что общекельтский пантеон фактически не сложился к моменту римского завоевания. Попытки унификации религии, предпринятые друидами[39], наталкивались на политическую раздробленность и связанную с ней особенность кельтской самоидентификации. Кельт воспринимал себя, в первую очередь, членом определённого племени (предпочтительнее говорить – малого этноса), и лишь во вторую – кельтом. Это отразилось и на религии, которая, по существу, представляла собой конгломерат племенных пантеонов, общее число которых в Кельтике, возможно, превышало сотню. Но в таких условиях чрезвычайной раздробленности отождествление своих племенных богов с богами других народов было, по-видимому, единственным способом сближения религий. То есть, сам принцип интерпретации, по-видимому, активно применялся во внутрикельтской религиозной жизни и до прихода римлян, поэтому римская интерпретация пришла на уже подготовленную почву. По существу, римские боги воспринимались этой сотней кельтских племён как чрезвычайно сильные божества народа-победителя, и были

включены в уже существующую в кельтской религии систему отождествления.

По нашему мнению, римскую религиозную политику отождествления существенно облегчал тот факт, что сам кельтский пантеон (в широком смысле), являясь плодом довольно позднего заимствования у античности, не был ещё до конца оформлен ни в общекельтских, ни в племенных рамках. Это подтверждается почти полным отсутствием собственно кельтской иконографии, а также данными античных источников (Paus. X. 21; Iustin. XXIV. 8). Это обстоятельство, кстати, и само по себе должно было сыграть большую роль в успехе римской интерпретации. Ведь кельтские боги, даже тогда, когда они не подвергались отождествлению, получали, в основном, чисто римскую иконографию. Образы, выполненные в традициях античной культуры, безусловно, работали на принцип сближения религий, и галльские боги, даже без применения отождествления, становились галло-римскими. **[149]**

В то же время, успех интерпретации нельзя считать полным. Указанные технические пределы отождествления достаточно показательны. Неизбежные ошибки при прямом сопоставлении божественных персоналий, недооценка или переоценка их роли и, как следствие, формирование неверного восприятия религиозных основ, причём как с той, так и с другой стороны – таковы отчётливо видные изъяны интерпретации. Отождествление пантеонов затрагивало, в основном, внешние формы культа: его влияние на внутренний пласт кельтской религии – кельтское понимание сакрального, кельтскую религиозную символику – было значительно меньшим. Если в городах воздействие романизации было очень высоким, то в сельской местности, на периферии, и степень её влияния была меньше[40], и даже принципы её применения в значительной степени отличались. В то же время, до начала II в. н.э. интерпретация весьма успешно выполняла свою главную политическую задачу – обеспечение политической лояльности покорённого населения – и, возможно, для того времени являлась оптимальной формой религиозной политики. Но с изменением условий существования – неизбежным сближением античной и кельтской ментальности, обусловленным успехами романизации в целом, началом широкой экспансии восточных культов[41], нарастанием германской опасности, особенно во второй половине II в. – становилась всё более очевидной её неадекватность этим новым условиям. Интерпретация в значительной мере изменила доминанту кельтской религиозной идентификации до уровня, который можно сформулировать примерно следующим образом: «Их боги почти такие же, как наши» – сделав весьма важный шаг на пути сближения как религий, так и самих народов. Новая эпоха потребовала смены приоритетов. Осознание необходимости не только политического, но и культурного, и духовного единства Империи становилось всё более категорическим императивом для имперского общества и его политической верхушки. Психологическая доминанта в религиозной области должна была смениться и принять качественно новую форму, обеспечивающую выполнение новых

политических задач: «У нас одни и те же боги». Справиться с подобной задачей интерпретация даже в принципе не могла; требовался переход к новой, более высокой степени взаимовлияния – синтезу религий. **[150]**

Примечания

1. Ферреро Г. Величие и падение Рима. В 5 томах. Т. 4. М., 1920. С.41.
2. При этом мы, безусловно, включаем в Кельтику также Верхнюю и Нижнюю Германии и Аквитанию; вероятно, следует включить сюда и Нарбонскую Галлию.
3. Coulon G. Les gallo-romains. Au carrefour de deux civilisations. P., 1985. P.22.
4. Штаерман Е.М. От религии общины к мировой религии// Культура Древнего Рима. В 2 томах. М., 1985. Т.1. С.141-142.
5. Hatt J.-J. Les deux sources de la religion gauloise et la politique religieuse des empereurs romains // ANRW. Bd.II. 18.1 (1986). P.410.
6. Hatt J.-J. Op.cit. P.410-422.
7. Ibidem. P.411.
8. Ibid. P.412.
9. Ibid. P.413.
10. Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции. В 6 томах. Т.1. Римская Галлия. СПб., 1901. С.146.
11. Demarolle M.-J. Vivre en Lorraine gallo-romaine. Nancy, 1986.
12. Coulon G. Op.cit. P.217.
13. Clavel-Leveque M. Puzzle gaulois: Les Gaules en memoire. P., 1989. P.337-363.
14. Green M. Provincial cults // The Roman world. L.; N.Y., 1987. Vol.II. P.791.
15. Green M. Op.cit. P.791.
16. Tevenot E. Les gallo-romains. P., 1959.
17. Lambrechts P. Contribution a l`etude des divinites celtiques. Brugge, 1942.
18. Eydoux H.-P. Hommes et dieux de la Gaule. P., 1961; idem. La France antique. P., 1962.
19. Deyts S. Images des dieux de la Gaule. P., 1992.
20. Coulon G. Op.cit. P.26.
21. Ibidem. P.217.
22. Ковалёв С.И. История Рима. М., 1986. С.550-551.
23. Beaujeu J. La religion romaine a l`apogee de l`empire. P., 1955. P.37.
24. Ibidem. P.37-43.
25. Duval P.-M. Les dieux de la Gaule. P., 1957. P.57-60; Eydoux H.-P. La France… P.284-291.
26. Clavel-Leveque M. Op.cit. P.338-339.
27. Ibidem.
28. Deyts S. Op.cit. P.53.
29. См. об этом: Duval P.-M. Op.cit. P.47.
30. Clavel-Leveque M. Op.cit. P.341. **[151]**
31. Eydoux H.-P. La France… P.283-285; Demarolle M.-J. Op.cit. P.79; Deyts S. Op.cit. P.59-72.
32. Clavel-Leveque M. Op.cit. P.342.
33. Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетённых классов Римской империи. М., 1961. С.183; Marcale J. Le druidisme: Traditions et Dieux des Celtes. P., 1985. P.88; Clavel-Leveque M. Op.cit. P.346-347.
34. Clavel-Leveque M. Op.cit. P.346.
35. Hatt J.-J. Op.cit. P.415-421; Clavel-Leveque M. Op.cit. P.353-355; Deyts S. Op.cit. P.110-114.
36. Hatt J.-J. Op.cit. P.415.
37. Lot F. La Gaule. Verviers, 1979. P.70.
38. Кельтским Марсам посвящена диссертация Э.Тевено: Tevenot E. Sur les traces des Mars celtiques (entre Loire et Mont-Blanc). Diss. archeol. Brugge, 1955.
39. Facon R., Parent J.-M. Vercingetorix et les mysteres gaulois. P., 1983. P.45.
40. Филип Я. Кельтская цивилизация и её наследие. Прага, 1961. С.182.
41. Виппер Р.Ю. Очерки по истории Римской Империи. Рим и раннее христианство // Виппер Р.Ю. Избранные сочинения в 2 томах. Т.2. Ростов-на-Дону, 1995. С.394-401; Ковалёв С.И. Ук. соч. С.593.

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА III ВЕКА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В НЕМЕЦКОМ АНТИКОВЕДЕНИИ 60-Х – 90-Х ГГ. XX ВЕКА

И.П. Сергеев (Харьков)

История Римской империи в период кризиса III века издавна привлекает внимание многих специалистов в области античности. Традиционно большой вклад в разработку этой проблемы вносят немецкие ученые. Лидерство немецкого антиковедения в данном вопросе наметилось еще в XIX веке. Сохраняли эти позиции историки Германии и в XX веке, как до второй мировой войны, так и после ее окончания[1]. В данной статье предпринимается попытка определить вклад немецких историков в изучение проблемы в последние десятилетия XX века.

Начиная с 60-х годов много внимания вопросам социально-политической истории римлян в III в. н.э. уделяет Г. Альфельди. К настоящему времени им опубликовано несколько серьезных исследований по этому периоду римской истории. В них авторитетный ученый рассматривает как теоретические аспекты проблемы кризиса III века, **[152]** так и конкретные события социально-политического развития Римской империи.

При определении содержания самого понятия «кризис» Г. Альфельди обращается к толкованию этого термина Я. Буркхардтом, который считал, что кризисы в мировой истории представляют собой совокупность экономических, социальных, политических и духовных перемен, в результате которых происходит ускоренный процесс замены старой системы новой. По его мнению, такой кризис наблюдался в эпоху переселения народов[2]. Но Г. Альфельди, возражая против последнего утверждения Я. Буркхардта, «настоящим кризисом» ("echte Krise") Римской империи называет именно кризис III века[3]. Он уверен, что под кризисом следует понимать такие структурные изменения, которые ведут к ликвидации существующего порядка вещей или, по меньшей мере, к возникновению угрозы его существованию[4]. При этом, по мнению Г. Альфельди, было бы неправильным искать какую-то одну главную причину возникновения кризиса III века; данный кризис вызрел под влиянием совокупности причин внутреннего и внешнего характера ("Zusammenwirken innerer und ausserer Ursachen")[5]. Рассматривая вопросы о продолжительности кризиса и его характере, ученый приходит к заключению, что еще во второй половине II в. н.э. в Римской империи начался общий (или тотальный), охвативший все сферы жизни государства кризис, вызванный не обострением социальных конфликтов, а усилением хозяйственных трудностей и варварских вторжений. Социальные же противоречия обострились из-за начавшегося кризиса. На развитие кризиса и его преодоление большое влияние оказывали процессы, происходившие в римской армии. Подобно другим современным западноевропейским антиковедам, Г. Альфельди выступает против тезиса о том, что римская армия обязательно должна была защищать интересы определенного класса общества империи. Как

отмечает ученый, вследствие практики набора солдат из жителей тех регионов, вблизи которых размещались римские войска, устанавливались тесные связи между солдатами и гражданским населением, солдаты видели в этих регионах свою «малую родину». Но это приводило не к совпадению интересов армейских кругов и гражданского населения, а к образованию в составе римских вооруженных сил ряда «военных сообществ» ("Militärgesellschaft"). **[153]** Солдат, связанных с конкретной территорией, волновало прежде всего процветание и безопасность именно этой части империи, а не всего римского государства. Вследствие этого возникает соперничество между данными «военными сообществами». С усилением внешней опасности императоры III в. н.э. объединяют под единым командованием войска нескольких соседних провинций, что, наряду с укреплением связей солдат с гражданским населением провинций, ведет к образованию в империи нескольких военных группировок (британской, рейнской, дунайской, восточной). Интересы последних не совпадают, и между ними идет борьба за возведение на императорский престол выразителя их интересов. Теперь армия, по определению Г. Альфельди[6], перестала быть послушным инструментом власти в руках императоров, обеспечивавшим стабильность положения в государстве. Некоторые из императоров, решая общую для всех римских правителей периода кризиса III века задачу удержания за собой императорского престола, считали, что важнейшим средством упрочения их позиций во главе государства является поддержка со стороны сената. Они стремились к сотрудничеству с сенаторами и выход из кризиса видели в возрождении старой системы государственного строя Римской империи - системы Принципата. Для таких императоров, считал Г. Альфельди, «реформа» означало возврат империи к «прежней славе» (ad pristinam gloriam)[7].

В работах Г. Альфельди уделяется внимание и вопросам о масштабах выступлений низов населения римского государства и их влиянии на социально-политическое развитие империи в период кризиса III века. По его мнению, конфликты между отдельными социальными слоями и группами римского общества всегда присутствовали и росли от отдельных противоречий в эпоху Принципата к постоянному напряжению в позднеримском обществе. Но никогда, утверждает авторитетный ученый, из этих конфликтов не возникало классовое движение, целью которого было бы насильственное уничтожение существующего строя и захват власти угнетенными классами[8].

Вопросам изменения политического значения армии в римском государстве в III веке н.э. уделено внимание в работах Й. Фитца. В настоящее время среди историков получило поддержку впервые высказанное Й. Фитцом[9] заключение о том, что уже к началу 40-х годов III в. н.э. правители империи были вынуждены пойти на то, чтобы **[154]** объединить военные силы нескольких соседних провинций под командованием специальных военачальников (duces). В результате такой политики империя стала состоять из ряда провинциальных комплексов, а ее вооруженные силы фактически распались на отдельные провинциальные группировки - британскую, рейнскую, дунайскую, восточную. В 231 г. н.э. начались вторжения варваров в Мезию и

Фракию[10]; когда вести об этом пришли на Восток, участвовавшие в войне с персами воины-иллирийцы фактически заставили Александра Севера прекратить военные действия в восточной части империи и заняться изгнанием варваров из тех областей, где находились их семьи. Как отметил Й. Фитц, это был первый случай, когда иллирийцы предпочли нужды своей родины интересам всей империи[11].

При анализе военных реформ императора Галлиена Й. Фитц обратил внимание на то, что созданный этим императором мобильный корпус был размещен на севере Италии, откуда его, в случае необходимости, можно было быстро перебросить на Рейн или Дунай для борьбы с варварами или узурпаторами императорской власти[12].

Для выяснения характера попыток узурпации императорской власти на Дунае в правление императора Галлиена, Й. Фитц привлек такой источник как монеты узурпатора Регалиана с легендами: VIRTUS AUGG, AEQUITAS AUGG, CONCORDIA AUGG. По его мнению, под двумя Августами здесь имеются в виду Регалиан и Постум. Следовательно, Регалиан пропагандировал идею союза с основателем Галльской империи[13]. По поводу тех монет императора Галлиена, выпуск которых принято связывать с подавлением выступления Регалиана, Й. Фитц высказал предположение, что эти монеты были выпущены не в связи с подавлением узурпации Регалиана, которая не представляла большой угрозы для Рима, а по случаю крупной победы над варварами, атаковавшими Паннонию и двигавшимися к Италии[14].

Некоторые теоретические аспекты проблемы кризиса III века рассматриваются в публикациях Ф. Кольба. Этот современный немецкий историк ставит под сомнение правомерность определения III в. н.э. как периода кризиса[15]. Он предлагает толковать понятие «кризис» в соответствии с древнегреческим значением этого слова, как «момент решения» ("Augenblick der Entscheidung"). По его мнению, этот термин ошибочно применяется при характеристике развития **[155]** Римской империи в III в. н.э. По отношению к римскому государству, считает историк, понятие «кризис» следует использовать для тех отрезков времени, когда имелась угроза самому его существованию; в III в. н.э. такое положение было только в 60-е годы[16]. По мнению Ф. Кольба, в созданной после преодоления кризиса III века системе управления государством важнейшими элементами являлись бюрократия и армия, поэтому
именно данные институты и были «собственно победителями» ("die eigentlichen Gewinner") в борьбе, которая происходила в империи в годы кризиса[17].

Наибольшее внимание трактовке понятия «кризис» уделил немецкий антиковед К. Штробель. При определении содержания понятия «кризис» он анализирует представления об этом понятии историков, философов, простых обывателей разных эпох. На основе проведенного анализа историк излагает и свою трактовку данного термина. При повседневном, поверхностном толковании этого понятия, пишет К. Штробель, под кризисом понимают любые изменения, которые ведут к (субъективно) негативным,

нежелательным последствиям, независимо от длительности протекания самих изменений[18]. По его убеждению, понятие «кризис» нужно связывать с феноменами обострения отношений, ясно проявляющихся возможностей преобразований или прекращения существования определенных структур и систем. В истории римского мира, пишет далее историк, ускоренный всеобщий переворот после I в. до н.э., несомненно, происходил в десятилетия после 284 г. н.э. и продолжался до 30-х годов IV в. н.э., а в период между правлением последних императоров династии Северов и созданием тетрархии в Римской империи существовала стабильная система[19]. Сравнивая характерные черты развития Римской империи в III в. н.э. и процессы, присущие, в его понимании, периоду кризиса, К. Штробель приходит к заключению, что на протяжении этого столетия римское государство прошло через ряд кризисных ситуаций, но кризиса как такового в нем не было[20].

Исследует К. Штробель и конкретные события социально-политической истории Римской империи в период кризиса III века. При изучении монет, чеканившихся в Александрии и Антиохии в конце 270 - начале 271 гг. н.э., с указанием первого года правления Аврелиана и четвертого - Вабаллата, К. Штробель обратил внимание на то, **[156]** что на них портрет Вабаллата с диадемой и лавровым венком как бы противопоставлялся изображению Аврелиана только в лавровом венке. Эту разницу портретов двух правителей он трактует как проявление претензии пальмирской стороны на принципиальное равенство с Римом и политическое превосходство над ним на Востоке[21].

Вопросы возрастания роли армии в жизни Римской империи в условиях сложной обстановки на границах империи в III веке н.э. рассматриваются в публикациях Ф. Хартманна. По его подсчетам, две трети попыток узурпаций императорской власти в III в. н.э. произошло примерно в то же время, когда и вторжения варваров в империю, и именно на том участке границы, который испытывал давление внешних сил[22]. Анализируя попытки узурпации императорской власти на Дунае в середине III века н.э., он отмечает, что ни Ингенуй, ни Регалиан, будучи объявленными императорами, не попытались получить официальное признание сената и захватить столицу Римской империи. Ф. Хартманн объяснял это тем, что из-за необходимости борьбы с внешними врагами придунайские узурпаторы не могли снять войска с дунайской границы и вести их на Рим[23].

Исследуя обстановку в Римской империи после убийства императора Аврелиана, Ф. Хартманн объясняет решение солдат обратиться к сенату с предложением избрать нового императора специфичностью сложившейся ситуации, когда офицеры армии, собранной для войны с персами, дискредитировали себя участием в убийстве Аврелиана, а наиболее достойные кандидаты на освободившийся императорский престол находились в это время далеко от места событий - на Востоке (Проб, Сатурнин) или на Западе (Прокул, Боноз)[24].

Весьма подробно проблема возникновения Галльской империи, вопросы о взаимоотношениях между ее правителями и римскими императорами

этого времени исследовались И. Кенигом. Не соглашаясь с мнением Е.М. Штаерман о том, что Постум хотел править только отделившимися от Рима западными провинциями, И. Кениг считал, что стратегической целью основателя Галльской империи было господство над всей территорией римского государства. Именно как проявление таких далеко идущих замыслов трактовал он легенды ROMAE AETERNAE, ORIENS AUG (USTUS), REST(ITUTOR) ORBIS («вечному Риму», «Август Востока», «восстановитель мира») на монетах Постума, которые были выпущены уже в самом начале существования Галльской империи. **[157]** Он считал, что Постум был объявлен императором по инициативе солдат подчиненных ему войск. Именно армейские круги римского Запада изначально составляли его опору. Поддержку гражданского населения римского Запада, полагал И. Кениг, Постум получил только спустя некоторое время, когда, добившись успехов в борьбе с варварскими вторжениями, он с полным основанием мог называть себя RESTITUTOR GALLIARUM («восстановитель Галлий») и заявлять, что его целью является SALUS PROVINCIARUM («благо провинций»). Возражая против утверждений Е.М. Штаерман о характере выступления Постума и его социальной опоре, И. Кениг обратил внимание на то, что Постум не мог пойти на Рим сразу после провозглашения его императором потому, что осенью проходы в Альпах были труднодоступны для войск[25]. Называя ошибочными утверждения Е.М. Штаерман о Постуме как выразителе интересов аристократии западных провинций империи, не имевшем поддержки войск, И. Кениг указывает на тот факт, что к власти этот узурпатор пришел по воле солдат. Он соглашался с наблюдением Е.М. Штаерман о том, что нумизматический материал содержит мало сведений о поддержке Постума римскими войсками, но в то же время отметил, что источники ничего не сообщают о том, чтобы солдаты, за исключением гарнизона Колонии Агриппины, попытались воспрепятствовать установлению господства Постума в западных провинциях Римской империи. Характерным в этом плане И. Кениг считал то обстоятельство, что почти все надписи в честь Постума за пределами трех Галлий обнаружены в местах дислокации подразделений римских войск. Будучи явным «солдатским» императором по способу прихода к власти, Постум, по мнению историка, никак не мог сразу же получить поддержку крупных собственников Запада империи. Наоборот, вначале они должны были относиться к нему с подозрением. К тому же данные ономастики не подтверждают тезис Е.М. Штаерман о знатном происхождении этого узурпатора. По мнению И. Кенига, недостаток свидетельств источников делает невозможными ответы на вопросы о карьере Постума и должности, которую он занимал к моменту провозглашения его императором. Он предлагает считать Постума ответственным за защиту рейнской границы империи[26]. Исходя из того, что в надписи 260 г. н.э., **[158]** найденной на территории лагеря легиона в Виндониссе, упоминается Цезарь Салонин, И. Кениг считает, что провозглашение Постума императором произошло не раньше лета этого года[27].

Вопросу о характере взаимоотношений между императорами, сенатом и представителями всаднического сословия в Римской империи в период

кризиса III века посвятил одну из своих публикаций К.-П. Йоне[28]. Много внимания уделил он в ней и вопросу о классификации римских императоров периода кризиса III века. После анализа представлений некоторых современных историков о «солдатских» и «сенатских» императорах и о том, какими критериями при этом нужно руководствоваться, он пришел к заключению, что вопрос этот достаточно сложный. При внимательном рассмотрении, отмечает К.-П. Йоне, оказывается, что некоторые из императоров, которые по своему происхождению и обстоятельствам прихода к власти должны бы быть отнесены к числу «солдатских» императоров, совсем не проводили антисенаторскую политику[29]. Историк отмечает, что он не хочет оспаривать правомерность названия периода кризиса III века временем солдатских императоров, и предлагает при разделении императоров этого периода на «солдатских» и «сенатских» считать «солдатскими» в узком смысле (im engeren Sinne) тех правителей Римской империи, которые были несенаторского происхождения, достигли высоких должностей благодаря военной службе и были провозглашены императорами подчиненными им солдатами. «Сенатскими» же он предлагает считать тех немногих правителей империи времени солдатских императоров, которые были возведены на императорский престол решением сената[30].

Характеризуя конкретных правителей Римской империи периода кризиса III века, К.-П. Йоне отмечает, что Бальбина и Пупиена объединяло то, что оба они были старше 60 лет, относились к числу консуляров, были близки к Александру Северу и входили в состав комитета 20-ти, созданного сенатом для борьбы с объявленным врагом государства Максимином Фракийцем. Но если Бальбин по происхождению относился к провинциальной аристократии Бетики, то Пупиен был homo novus, выходцем из всаднического сословия. Историк полагает, что в сенате в это время соперничали между собой фракции старой аристократии и «новых людей». Бальбин и Пупиен являлись представителями этих фракций, и напряженные отношения, **[159]** сложившиеся между «сенатскими императорами» после победы над Максимином, отражали соперничество, существовавшее внутри римского сената[31].

На основании анализа эпиграфического материала К.-П. Йоне пришел к заключению, что родовое имя Постума Cassianius не имели представителя сенаторского или всаднического сословия; данные эпиграфики позволяют считать, что Постум, как и Максимин Фракиец, был представителем слоя профессиональных солдат и, несомненно, может считаться «солдатским» императором[32].

Подобно К.-П. Йоне, выражение «солдатский император в узком смысле слова» при характеристике правителей Римской империи периода кризиса III века использует и К. Христ. Первым из них и типичным представителем этого нового типа римских правителей он называет Максимина Фракийца[33].

При рассмотрении обстоятельств возникновения Галльской империи К. Христ приходит к заключению, что в основе легитимности власти Постума лежала его успешная борьба с вторжениями варваров. Именно после того,

как он добился в этой борьбе заметных успехов, его стали поддерживать не только крупные земельные собственники, но и другие слои населения, поскольку угроза со стороны варваров задевала жизненные интересы всех жителей римских провинций[34].

События политической жизни Римской империи в период кризиса III века рассматривал и В. Кугофф. По его определению, жители римского государства ожидали от хорошего правителя успехов в поддержании мира внутри империи, в ведении войн, защите правопорядка и улучшении условий жизни. И римские императоры, с помощью своих советников, старались оправдать эти ожидания[35].

При изучении вопроса о попытках узурпации императорской власти на Дунае в правление Галлиена на основании не вполне ясного сообщения о гибели Регалиана, содержащегося в его жизнеописании, В. Кугофф делает вывод, что выступление этого узурпатора было подавлено не римскими войсками: Регалиан погиб в борьбе с варварами, а его сторонников позже наказал Галлиен[36].

При анализе вопроса об обстоятельствах и датировке пленения Валериана персами В. Кугофф пришел к заключению, что на основании данных эпиграфики пленение Валериана следовало бы датировать **[160]** 259 г. н.э., но нумизматический материал и папирусы показывают, что Валериан признавался императором на римском Востоке вплоть до осени 260 г. н.э.[37]

Попытки разобраться в обстоятельствах гибели основателя Пальмирской державы привели В. Кугоффа неутешительному выводу: из-за недостатка свидетельств источников вопрос о том, пал ли Оденат жертвой личной мести, было ли его убийство организовано недовольными римскими должностными лицами, или оно осуществлено по прямому указанию Галлиена, остается открытым[38].

Теоретические аспекты проблемы кризиса III века в Римской империи стали объектом исследования Й. Бляйкена в связи с его стремлением решить вопрос о периодизации истории римлян. Анализируя вопрос о характере власти римского императора, он утверждает, что главной основой императорской власти (das Kernstück) в период Принципата было верховное командование всеми вооруженными силами римского государства (imperium proconsulare maius)[39]. По его мнению, в условиях все более усиливавшегося давления на границы империи и ухудшавшегося финансового положения римского государства рушились казавшиеся само собой разумевшимися представления, армия фактически самостоятельно решала вопрос о наследовании императорской власти[40].

Й. Бляйкен выступил против использования терминов «Принципат» и «Доминат» при попытках выделения периодов в развитии Римской империи. По его мнению, эти понятия употребляются историками для того, чтобы подчеркнуть различие в характере императорской власти в I - II вв. н.э. и в более позднее время: в период Принципата император был «первым» (princeps) гражданином, а позже он стал «самодержцем», не ограниченным никакими законами властителем (legibus solutus dominus)[41]. В действительности же, убе-

ден Й. Бляйкен, не только императорская власть, но и любой другой элемент структуры политической системы Римской империи не может быть использован для выделения определенных периодов развития римского государства. Если же и устанавливать какие-то поворотные пункты в этом развитии, то, считает историк, к таковым скорее следует отнести не время правления Диоклетиана, а конец правления Юлиев-Клавдиев, пресечение династий Антонинов и Северов, наконец, время правления Константина[42]. **[161]** Следовательно, по убеждению Й. Бляйкена, в истории Римской империи неправомерно выделять какие-либо периоды. Что относится и к признаваемому многими историками периоду кризиса III века.

Конечно, в рамках небольшой статьи невозможно в полной мере показать вклад немецких антиковедов последних десятилетий XX века в изучение проблемы кризиса III века в Римской империи. Однако, на наш взгляд, и то, что было сказано выше, свидетельствует о том, что немецкие историки очень активно и продуктивно исследовали как теоретические аспекты данной проблемы, так и конкретные события социально-политической истории римлян в III веке н.э. Более того, проанализированный материал позволяет с уверенностью считать, что данная проблема не останется вне внимания антиковедов Германии и в наступившем столетии.

Примечания

1. Об исследовании проблемы немецкими антиковедами в 1939 – 1959 гг. см.: Walser G., Pekary Th. Die Krise des römischen Reiches. Bericht über die Forschungen zur Geschichte des 3. Jahrhunderts (193 - 284 n. Chr.) von 1939 bis 1959. - Berlin: De Gruyter, 1962. – XI, 146 S.
2. Burckhardt J. Weltgeschichtliche Betrachtungen. - Berlin; Stuttgart, 1905. - S. 160.
3. Alföldy G. Historisches Bewußtsein während der Krise des 3. Jahrhunderts //Krisen in der Antike: Bewußtsein und Bewältigung /Hrsg. von G. Alföldy u. a. - Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1975. - S. 112.
4. Ibid. – S. 124.
5. Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. 3. vollig überarb. Auflage. - Wiesbaden: F. Steiner Verlag, 1984. - S. 136-137.
6. Alföldy G. Römische Heeresgeschichte: Beiträge 1962 - 1985. - Amsterdam: Verlag J. C. Gieben, 1987. - S. 41-42.
7. Alföldy G. Römische Sozialgeschichte…- S. 153.
8. Alföldy G. Die römische Gesellschaft: Ausgew. Beitr. - Stuttgart; Wiesbaden: Steiner-Verlag, 1986. – S. 94.
9. Fitz J. Die Vereinigung der Donauprovinzen in der Mitte des 3. Jahrhunderts // Studien zu den Militärgrenzen Roms. Vorträge des 6. Internationalen Limeskongresses in Süddeutschland. - Köln; Graz, 1967. - S. 121.
10. Fitz J. Das Jahrhundert der Pannonier (193 - 284). - Budapest, 1982. - S. 58.
11. Ibid.
12. Ibid. – S. 64.
13. Fitz J. Ingenuus et Regalien //Collection Latomus. Vol. LXXXI. - Bruxelles; Berchem, 1966. - P. 47-48. **[162]**
14. Ibid. – P. 64, 67.
15. Kolb F. Wirtschaftliche und soziale Konflikte im Römischen Reich des 3. Jahrhunderts n. Chr. // Bonner Festgabe Johannes Straub /Hrsg. von A. Lippold, N. Himmelmann. - Bonn, 1977. - S. 277.
16. Ibid.
17. Ibid.– S. 292, 295.
18. Strobel K. Das Imperium Romanum im "3. Jahrhundert". Modell einer historischen Krise? Zur Frage mentaler Strukturen breiterer Bevölkerungsschichten in der Zeit von Marc Aurel bis zum Ausgang des 3. Jh. n. Chr. - Stuttgart, 1993. - S. 344.
19. Ibid. – S. 344 – 347.
20. Ibid. – S. 341 – 345.
21. Ibid.– S. 265.

22. Hartmann F. Herrscherwechsel und Reichskrise: Untersuchungen zu den Ursachen und Konsequenzen der Herrscherwechsel im Imperium Romanum der Soldatenkaiserzeit (III. Jh. n. Chr.). - Frankfurt a. M.; Bern: H. Lang, 1982. - S. 167.
23. Ibid.- S. 176.
24. Ibid. – S. 123.
25. König I. Die gallischen Usurpatoren von Postumus bis Tetricus. - München: Beck, 1981. - S. 52 ff.
26. Ibid.– S. 46 – 47.
27. Ibid. – S. 42.
28. Johne K. - P. Kaiser, Senat und Ritterstand //Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert /Hrsg. von K. - P. Johne. - Berlin: Akademie Verlag, 1993. - S. 187 - 244.
29. Ibid. – S. 210.
30. Ibid.– S. 211.
31. Ibid. – S. 212 ff.
32. Ibid.– S. 224 – 225.
33. Christ K. Geschichte der römischen Kaiserzeit: Von Augustus bis zu Konstantin. - München: Beck, 1988. - S. 650.
34. Ibid. – S. 671.
35. Kuhoff W. Felicior Augusto melior Traiano: Aspekte der Selbstdarstellung der römischen Kaiser während der Prinzipatszeit. - Frankfurt a. M. etc., 1993. - S. 53.
36. Kuhoff W. Herrschertum und Reichskrise. Die Regierungszeit der römischen Kaiser Valerianus und Gallienus (253 - 268 n. Chr.). - Bochum, 1979. - S. 24.
37. Ibid. – S. 16 – 17.
38. Ibid. – S. 28. **[163]**
39. Bleicken J. Verfassungs- und Sozialgeschichte. Bd. 1. 2. verbesserte Auflage. - Paderborn etc., 1981. - S. 27.
40. Ibid. – S. 120.
41. Ibid. – S. 12.
42. Bleicken J. Prinzipat und Dominat: Gedanken zur Periodisierung der Römischen Kaiserzeit. – Wiesbaden, 1978. - S. 28 – 29.

СООТВЕТСТВИЯ ГРЕЧЕСКИХ И ЛАТИНСКИХ ТЕРМИНОВ В «НОВОЙ ИСТОРИИ» ЗОСИМА

Н.Н. Болгов (Белгород)

В труде позднеантичного историка Зосима (конец V в.) «Новая история» в VI книгах используется номенклатура названий из греческого языка, относящаяся к общеимперской политической практике, латинской в своей основе. В настоящей работе предлагается список соответствий греческих и латинских терминов в труде последнего античного историка.

Список соответствий построен следующим образом. В алфавитном порядке дается латинская терминология. Каждому латинскому термину соответствует один или несколько греческих, употребляемых Зосимом в своем тексте. Указаны и места употребления терминов. Вопросительным знаком отмечены спорные сопоставления.

Индекс не претендует на исчерпывающую полноту и призван служить лишь некоторым ориентиром в терминологии военной и гражданской службы Поздней Римской империи.

Латинско-греческие соответствия

ALA: ’ίλη, I.13.1 (Παιονική); I.40.2 (Δαλματω̃ν); II.54.2; III.3.4 (ʽιππέων); III.8.4; III.13.1 (τω̃ν ʽιππέων); V.13.2 (βαρβαά ρων).

AUXILIA: Μαυρούσια καὶ Κελτικά τέλη, I.15.1; Κελτικὰ τάγματα, I.52.3; ʼεκ τῆς μέσης τῶν ποταμῶν καὶ Συρίας καὶ Φοινίκης καὶ Παλαιστίνης τέλη, I.52.4; Μαυρούσια τάγματα, II.10.1.

CALENDAE: καλάνδαι, V.34.7.

CENTURIO: ʽεκατοντάρχης, II.33.3.

CLARISSIMUS: λαμπρότατος, II.38.4. **[164]**

COHORS: τάγμα, III.8.1.

COMES AFRICAE: ʽο τὴν στρατιωτικὴν ʼέχων ʼεν Μαυρουσίοις ʼαρχήν, IV.16.3; τῶν ʼεν τῆ μεγάλη Λιβύη στρατιωτῶν <ʽηγούμενος>, V.37.6; παραδίδωσι τῶν ʼεν τῆ Λιβύη στρατιωτῶν τὴν ʽηγεμονίαν, VI.7.6.

COMES DOMESTOCORUM: τῶν δομεστίκων ʽηγούμενος τάγματος, III.30.1; τοῦ τῶν δομεστίκων τάγματος προεστώς, V.32.4; στρατηγεῖν, V.34.6.

COMES DOMESTOCORUM EQUITUM: τῆ τῶν δομεστίκων ʼίλη ʼεφεστώς, V.36.3; τῶν ʽιππέων ʽηγούμενος δομεστίκων, V.47.1.

COMES ET MAGISTER UTRIUSQUE MILITIAE PER AFRICAM: πάσης τῆς ʽυπὸ Καρχηδόνα Λιβύης ʼέχων τὴν ʽηγεμονίαν, V.11.2.

COMES ORIENTIS: κόμης τῆς ʽεῶας, V.2.2.

COMES REI MILITARIS: στρατηγός, III.8.2; IV.34.1 (ʼεκπέμπει τοῖς κατὰ τὸ ʼΙλλυριῶν κλίμα στρατιωτικοῖς τάγμασι σ.); ʽηγεμών, V.7.4; τῶν κατὰ Δαλματίαν ταγμάτων ʽηγούμενος, VI.7.2; τὴν ʼαρχὴν ʼεπιτετραμμένος τῶν ʼΙοβιανῶνκαὶʽΕρκουλιανῶν, II.42.2; στρατηγεῖν, III.12.5.

COMES REI PRIVATAE: τοῦ ταμιείου προεστηκώς, II.42.2; τῆ τῶν βασιλικῶν ʼεφεστὼς ταμιείων φροντίδι, IV.14.1; ʽο τῶν ʼανηκόντων ʼιδία τῶ βασιλεῖ ταμιείων προβεβλημένος, V.32.6; ʼάρχειν τεταγμένος τοῦ ταμιείου, V.35.4.

COMES SACRARUM LARGITIONUM: ʽο τῶν θησαυρῶν προεστώς, V.32.6; V.44.2.

CONSUL: ʽύπατος, II.4.2; II.4.3; III.10.4 (дважды); IV.52.1; V.10.5; V.17.4; V.21.6; V.28.1; V.42.3.

CONSULARIS: τῶν ʽυπατικοῦ τάγματος ʼών, I.14.1; ʼήδη ʽύπατος, V.18.8.

CONSULATUM GERERE: ʽυπατεύειν, II.4.1.

CONSULATUS: ʽυπατεία, V.34.7; ʽύπατος τιμή, V.18.8; VI.7.4.

CUBICULARIUS: εʼυνοῦχος ʼεπὶ τῶ κοιτῶνι τεταγμένος, IV.22.4; κατὰ τὴν εʼυνοῦχος, IV.23.5; ʼεπὶ τῆ βασιλικῆ θεραπεία τεταγμένος, V.1.4; περὶ τὴν βασιλικὴν θεραπείαν εʼυνοῦχος, V.3.2; περὶ τὴν αʼυλὴν εʼυνοῦχος, V.46.1.

CUNEUS: τάγμα, V.45.1; VI.7.2.

CURATOR CIVITATIS: τοῦ βουλευτικοῦ προεστώς, III.33.4.

CURIA (Antiochensis): βουλή, IV.41.2. **[165]**

DECURIO: δεκαδάρχης, II.47.2.

DOMESTICI EQUITES: βασιλικοὶʽιππεῖς, IV.6.4.

DUX: δούξ (ʽο λεγόμενος), II.33.3.

DUX MOESIAE: τὴν στρατιωτικὴν ʼαρχὴν [ʼεν Μυσία] ʼέχων, IV.16.6.

DUX PER VALERIAM: ʽο τὴν ʼεν Παιονία καὶ Μυσία ʼεπιτετραμμένος φυλακὴν, IV.16.4.

DUX SCYTHIAE: στρατηγεῖν, IV.40.5.

DUX TRANSRHENANI LIMITIS: ’αρχὴν ’εν Κελτοῖς στρατιωτῶν ’εμπεπιστευμένος, I.38.2.

FISCUS: βασιλικὰ ταμιεῖα, I.13.3.

FOLLIS: φόλλις, II.38.4.

IMPERATOR: βασιλεύς, I.24.1; I.54.2; II.27.1; III.11.4; IV.22.1; V.11.1; VI.6.1; μόναρχος, I.7.2; α’υτοκράτωρ, III.9.2.

LEGATUS LEGIONIS: ‘ηγεμών, I.21.2 (?).

LEGATUS PRO PRAETORE (in Moesia): Παιονικῶν ‘ηγούμενος τάξεων, I.28.1.

Legio: ΣΤΡΑΤΌΠΕΔΟΝ, I.19.2; I.73.1; II.21.1; III.7.5; IV.13.2; V.17.1; VI.3.1; ΛΌΧΟΣ, III.28.2; ΤΆΓΜΑ, I.20.2; I.21.2; I.46.2; III.28.3.

MAGISTER EQUITUM: στρατηλάτης τῆς ‘ίππου, II.33.3; στρατηγός τῆς ‘ίππου, III.13.3; VI.10.1; ’ίππαρχος, IV.27.2; IV.35.6; V.48.1; τοῦ ‘Ρωμαίων ‘ηγούμενος ‘ίππικοῦ, IV.24.3; ‘ίππεῦσιν ’εφεστώς, IV.45.2; V.36.3; τῶν ‘ίππέων ‘ηγούμενος, V.32.4.

MAGISTER MILITUM: στρατηγός, II.33.5; IV.8.3; IV.23.1; IV.24.5; IV.25.4; IV.27.1; IV.27.2; IV.33.1; IV.35.1; IV.38.3; IV.38.4; IV.39.1; IV.39.2; IV.39.4; IV.47.1; IV.49.1; IV.57.2; IV.59.1; V.4.2; V.10.5; V.13.1; V.14.1; V.14.2; V.17.2; V.20.1; V.21.2; V.21.3; V.21.4; V.25.2; V.31.24; V.32.4; V.36.2; V.46.2; V.47.2; V.48.3; VI.2.3; VI.2.4; VI.2.5; VI.4.2; VI.5.1; VI.5.2.

MAGISTER OFFICIORUM: ‘ηγεμών τῶν ’εν τῆ α’υλῆ τάξεων, II.25.2; τὴν ’αρχὴν ’επιτετραμμένος τῶν περὶ τὴν ’αυλὴν τάξεων, II.43.4; τῶν περὶ τὴν ’αυλὴν ‘ηγούμενος τάξεων, III.29.3; μάγιστρος τῶν ’εν τῆ α’υλῆ τάξεων, IV.51.1; V.32.6; μάγιστρος <τῶν ’οφφικίων>, V.35.1; τῶν ’εν τῆ α’υλῆ τάξεων ‘ηγούμενος, V.45.6; VI.4.2.

MAGISTER PEDITUM: στρατηλάτης τῶν πεζῶν, II.33.3; στρατηγός τοῦ πεζοῦ, III.13.3; ’επὶ τῶν πεζῶν τεταγμένος, IV.27.2; πεζοῖς ’ εφεστώς, IV.45.2; V.36.3. **[166]**

MAGISTERIUM MILITUM: ‘ηγεμονία, IV.23.1; στρατιωτικὴ ‘ηγεμονία, IV.2.4; στρατηγία, V.20.1; V.48.4; τῆς στρατηγίας ’αρχή, V.49.1; δυνάμεων στρατηγία, VI.7.2; ’αρχή, V.48.1; στρατιωτικὴ ’αρχή, IV.53.1.

MANES: μάνης, II.3.2.

MILIA: μίλια, V.31.1; V.48.2.

NOBILISSIMUS: νωβελίσσιμος, II.39.2.

NOTARIUS SECRETORUM: τῶν ’έξωθεν φερομένων ’αποκρίσεων μηνυτής, I.62.1.

NUMERUS: ’αριθμός, IV.31.4; V.26.4; λόχος, III.22.2; III.22.4; τάγμα, II.42.2; III.30.2; II.51.4; VI.8.2; τέλος στρατιωτικόν, V.7.3; V.9.1; V.10.1; τέλος ‘Ρωμαϊκόν, V.31.5.

[КОМАНДИРЫ И ПОЛКОВОДЦЫ]: ’άρχοντες, V.34.6; ‘ηγεμόνες, V.31.5; στρατιωτικοὶ ‘ηγεμόνες, II.14.1; III.10.1; ‘οι ’εν τέλει, III.30.1; στρατιωτικῶν ‘ηγησάμενος ταγμάτων, V.8.3; τὰς ‘ηγεμονίας ’έχοντες, III.36.1; ταγμάτων στρατιωτικῶν προεστῶτες, IV.26.6.

PATRICIUS: πατρίκιος, II.40.2; V.17.4; V.47.1.

PRAEFECTURA PRAETORIO: ʽύπαρχος ʼαρχή, I.73.1; τω̃ν ʽυπαρχων ʼαρχή, II.32.2; II.33.3; V.44.2; τη̃ς αʼυλη̃ς ʼαρχή, IV.6.2.

PRAEFECTUS ALAE: ʼιλάρχης, I.40.3; IV.27.3.

PRAEFECTUS CLASSIS: ναύαρχος, II.23.2; II.23.3; II.23.4; III.13.3; στρατηγός, II.23.3; II.24.1; II.24.3.

PRAEFECTUS LEGIONIS: στρατοπέδου ʽηγούμενος, I.73.1 (?).

PRAEFECTUS MESOPOTAMIAE RECTORQUE ORIENTIS: τη̃ς μέσης τω̃ν ποταμω̃ν ʽύπαρχος καὶ τὴν τη̃ς ʽεώας ʼεγκεχειρισμένος διοίκεσιν, I.60.1.

PRAEFECTUS PRAETORIO: ʽύπαρχος τη̃ς αʼυλη̃ς, I.10.1; I.63.1; II.10.1; III.29.3; IV.2.4; V.7.5; V.48.1; VI.7.2; ʽύπαρχος, I.13.2; I.18.2; II.33.3; II.33.4; τη̃ς αʼυλη̃ς ʼεν τοι̃ς ʽυπὲρ ʼΆλπεις ʼέθνεσιν ʽύπαρχος, V.2.1; V.32.4; τη̃ς κατὰ την ʼΙταλίαν αʼυλη̃ς ʽύπαρχος, V.32.7.

PRAEFECTUS URBIS: πόλεως ʽύπαρχος, IV.6.2; IV.45.1; IV.52.1; V.41.1; VI.7.1; ʽύπαρχος, V.40.2; V.46.1; VI.7.2.

PRAEFECTUS NUMERI ABULCORUM: ʽο του̃ τάγματος τω̃ν ʼΑβούλκων ʽηγούμενος, II.51.4.

PRAEPOSITUS SACRI CUBICULI: τη̃ς βασιλικη̃ς αʼυλη̃ς ʼεπιτετραμμένος, IV.2.3; τοὺς βασιλικοὺς φυλάττειν ʼεπιτεταγμένος κοιτω̃νας,IV.37.2; ʼεφεστὼς τη̃ τη̃ς αʼυλη̃ς φυλακη̃, *ibid.*; τὴν ʽηγεμονίαν πάντων τω̃ν βασιλικω̃ν ʼέχων κοιτώνων, V.9.2; **[167]** τη̃ς φυλακη̃ς του̃ βασιλικου̃ κοιτω̃νος προεστώς, V.35.2; ʼάρχων του̃ βασιλικου̃ κοιτω̃νος, V.37.6; τω̃ν βασιλικω̃ν προεστώς κοιτώνων, V.47.2; φύλαξ του̃ κοιτω̃νος, V.48.1.

PRAETOR: πραίτωρ, II.38.3.

PRAETORIANAE COHORTES: περὶ τὴν φυλακὴν τω̃ν βασιλείων τεταγμένον στρατιωτικόν, I.7.2; ʼέννομος δορυφορία, I.7.3; περὶ τὴν αʼυλὴν τάγματα, II.32.2.

PRAETORIANI: περὶ τὴν αʼυλὴν στρατιω̃ται, I.7.2; πραιτωριανοί (στρατιω̃ται), II.17.2; οʽι του̃ βασιλικου̃ τέλους, I.52.4.

PRIMICERIUS NOTARIORUM: του̃ τάγματος τω̃ν ʽυπογραφέων προτεταγμένος, III.22.4; του̃ τάγματος τω̃ν ʽυπογραφέων ʽηγούμενος, V.35.2; βασιλικω̃ν ʽυπογραφέων, οʽύς τριβούνος καλου̃σιν, ʼάρχων, V.40.2.

PRIMICERIUS SACRI CUBICULI: τὴν μετὰ του̃τον ʼέχων τάξιν, V.37.6; μετὰ του̃τον τη̃ τάξει καλούμενος, V.47.2.

PROCONSUL: ʼανθύπατος, IV.15.2; V.5.3; V.5.5.

PROCONSULATUS: ʼανθύπατος ʼαρχή, IV.3.3.

PROMAGISTER IN COLLEGIO PONTIFICUM: ʽο πρω̃τος ʼεν ποντιφίξι τεταγμένος, IV.36.5.

PROVINCIA: ʼέθνος, I.13.2; I.64.1; II.14.1; III.2.1; IV.59.4; V.10.4; V.37.3; ʼεπαρχία, IV.28.3; IV.28.4; V.2.2; V.37.3; V.50.3; VI.5.3; φυ̃λον, IV.19.2 (?).

QUAESTOR (SACRI PALATII): κοιαίστωρ, V.32.6.

SACRAE LARGITIONES: τὸ δημόσιον, IV.40.8.

SAECULUM: σέκουλον, II.1.1.

SCHOLAE PALATINAE: οʽι περὶ τὸν βασιλέα, IV.31.3; ʼεν τη̃ αʼυλη̃ δορυφόροι, V.18.10; ʼεπὶ φυλακη̃ τη̃ς αʼυλη̃ς τεταγμένοι, V.19.2;

SCUTARIUS: σκουτάριος, III.29.3.

SENATUS: γερουσία, I.7.2; I.61.1; II.31.3; III.10.3; IV.26.6; V.11.1; VI.6.3; σύγκλητος, I.14.1; σύγκλητος βουλή, II.49.1; βουλή, I.14.2; I.19.2.

SURENA: σουρήνας, III.15.5; III.15.6; III.19.1; III.19.2 (дважды); III.20.4; III.25.5; III.31.1.

TRIBUNUS: ταξίαρχος, II.50.2; III.14.4; I.21.2; II.9.3; III.9.1; III.11.3; III.23.2; IV.20.6; IV.23.2; λοχαγός, II.48.5; III.29.1; ’ιλάρχης, IV.27.3, а также различные комбинации.

TRIBUNUS ET NOTARIUS: βασιλικὸς ‛υπογραφεύς, III.4.5; **[168]** III.4.6; III.4.7; IV.13.3; V.44.2; ‛ο λεγόμενος νοτάριος τριβοῦνος, V.34.7.

VICARIUS AFRICAE: τόπον ’επέχειν τοῖς ‛υπάρχοις τῆς α’υλῆς ’εν Λιβύη καθεστάμενος, II.12.2.

VICARIUS URBIS (ROMAE): τόπον του῀ τῆς πόλεως ‛υπάρχου ‛επέχων, II.9.3.

Греко-латинские соответствия

’ανθύπατος: proconsul

’αριθμός: numerus

’άρχειν τῶν ’εξ ’Αρμενίας: tribunus comitum sagittariorum Armeniorum.

’αρχή: magisterium militum

’αρχὴ ’ανθύπατος: proconsulatus

’αρχὴ στρατηγίας: magisterium militum

’αρχὴ στρατιωτική: magisterium militum

’αρχὴν ’εν Κελτοῖς: dux Transrhenani limitis

’αρχὴν ’επιτετραμμένος τῶν ’Ιοβιανῶν καὶ ‛Ερκουλιανῶν: comes rei militaris

’αρχὴν στρατιωτικήν (’εν Μυσία) ’έχων: dux Moesiae

’αρχὴν στρατιωτικήν ’έχων ’εν Μαυρουσίοις: comes Africae

’άρχοντες: военные командиры среднего и высшего звена (“офицеры” и “генералы”)

αυ’λῆ (’εν τῆ) δορυφόροι: scholae palatinae

αυ’λὴν (περὶ τὴν) στρατιῶται: praetoriani

αυ’λὴν (περὶ τὴν) τάγματα: praetorianae cohortes

αυ’λῆς ’αρχή: praefectura praetorio

αυ’λῆς βασιλικῆς ’επιτετραμμένος: praepositus sacri cubiculi

αυ’λῆς (’επι φυλακῆ τῆς) τεταγμένοι : scholae palatinae

αυ’λῆς φυλακῆ ’εφεστώς: praepositus sacri cubiculi

α’υτοκράτωρ: imperator

βασιλέα (ο‛ι περὶ τὸν): scholae palatinae

βασιλεύς: imperator

βασιλικοῦ τέλους (ο‛ι τοῦ): praetoriani

βουλή: senatus, curia

γερουσία: senatus

δεκαδάρχης: decurio

δημόσιον: sacrae largitiones (?)**[169]**

δομεστίκων ’ίλη ’επιστατεις: comes domesticorum equitum

δομεστίκων ‛ιππέων ‛ηγούμενος: comes domesticorum equitum

δομεστίκων τάγματος ʽηγούμενος (προεστώς): comes domesticorum
δορυφορία ʼέννομος: praetorianae cohortes
δορυφόροι ʼεν τῆ ʼαυλῆ: scholae palatinae
δούξ: dux
ʼέθνος: provincia
ʽεκατοντάρχης: centurio
ʼεξηγούμενος πάσην … στρατιᾶς: magister militum
ʼεπαρχία: provincia
εʼυνοῦχος ʼεπὶ τῶ κοιτῶνι τεταγμένος: cubicularius
εʼυνοῦχος κατὰ τὴν αυʼλήν: cubicularius
εʼυνοῦχος περὶ τὴν αυʼλήν: cubicularius
εʼυνοῦχος περὶ τὴν βασιλικὴν: cubicularius
ʽηγεῖσθαι τῶν ʽΡωμαϊκῶν στρατοπέδων ταχθείς: magister militum
ʽηγεμόνες (στρατιωτικοὶ): военные командиры среднего и высшего звена (“офицеры” и “генералы”)
ʽηγεμονίαν πάσης τῆς ʽυπὸ Καρχηδόνα Λιβύης ʼέχων: magisterium militum
ʽηγεμονίας (τὰς) ʼέχοντες: comes et magister militae per Africam
ʽηγεμών: военные командиры среднего и высшего звена (“офицеры” и “генералы”)
ʽηγησάμενος στρατιωτικῶν ταγμάτων: legatus legionis, magister militum, comes rei militaris, tribunus
ʽηγούμενος στρατοπέδου: praefectus legionis
ʽηγούμενος ταγμάτων κατὰ Δαλματίαν: comes rei militaris
ʽηγούμενος τάξεων Παιονικῶν: legatus pro praetore (Moesiae ?)
ʽηγούμενος τοῦ τάγματος τῶν ʼΑβούλκων: praepositus numeri Abulcorum
ʽηγούμενος τῶν ʼεν τῆ μεγάλη Λιβύη στρατιωτῶν: comes Africae
ʽηγούμενος τῶν στρατιωτικῶν: magister militum
ʼήδη ʽύπατος: consularis
θεραπεία (ʼεπὶ) βασιλικῆ τεταγμένος: cubicularius
θησαυρῶν προεστώς: comes sacrarum largitionum
ʼιλάρχης: praefectus alae
ʼίλη: ala
ʼίππαρχος: magister equitum **[170]**
ʽιππεῖς βασιλικοί: domestici equites
ʽιππεῦσι ʼεφεστώς: magister equitum
ʽιππέων ʽηγούμενος: magister equitum
ʽιππικοῦ ʽΡωμαίων ʽηγούμενος: magister equitum
καλάνδαι: calendae
κοιαίστωρ: quaestor (sacri palatii)
κοιτῶνας βασιλικούς φυλάττειν ʼεπιτεταγμένος: praepositus sacri cubiculi
κοιτῶνος (βασιλικοῦ) ʼάρχων (φύλαξ): praepositus sacri cubiculi
κοιτῶνος βασιλικοῦ φυλακῆς προεστώς: praepositus sacri cubiculi
κοιτώνων βασιλικῶν (πάντων) τὴν ʽηγεμονίαν ʼέχων (προεστώς): praepositus sacri cubiculi
κόμης τῆς ʽεῶας: comes Orientis

λαμπρότατος: clarissimus
Λιβύη (’εν τῆ) στρατιωτῶν τὴν ‛ηγεμονίαν παραδίδωσι: comes Africae
Λιβύη (’εν τῆ μεγάλη) τῶν στρατιωτῶν <‛ηγούμενος >: comes Africae
Λιβύη πάσης τῆς ‛υπὸ Καρχηδόνα ’έχων τὴν ‛ηγεμονίαν: comes et magister utriusque militae per Africam
λοχαγός: tribunus
λόχος: numerus, legio
λόχου ‛ηγεμονίαν ’έχων: tribunus
μάγιστρος ’οφφικίων: magister officiorum
μάνης: manes
μετὰ τοῦτον ’έχων τάξιν: primicerium sacri cubiculi
μηνυτὴς τῶν ’έξωθεν φερομένων ’αποκρίσεων: notarius secretorum
μίλια: milia
μόναρχος: imperator
ναύαρχος: praefectus classis
νοτάριος τριβοῦνος: tribunus et notarius
νωβελίσσιμος: nobilissimus
πατρίκιος: patricius
πεζοῖς ’εφεστώς: magister peditum
πεζῶν (’επὶ τῶν) τεταγμένος: magister peditum
πραίτωρ: praetor
πραιτωριανοί (στρατιῶται): praetoriani
προεστὼς τοῦ βουλευτικοῦ: curator civitatis (?)
προεστὼς παντὸς τοῦ στρατοπέδου: magister militum **[171]**
προεστῶτες ταγμάτων στρατιωτικῶν: военные командиры среднего и высшего звена (“офицеры” и “генералы”)
πρῶτος ’εν ποντιφίξι τεταγμένος: promagister in collegio pontificum
Σεβαστός: Август
σέκουλον: saeculum
σκουτάριος: scutarius
σουρήνας: surena
στρατηγεῖν: magister militum, comes rei militaris, dux Scythiae, comes domesticorum
στρατηγία (δυνάμεων): magisterium militum
στρατηγίαν ’έχειν ταχθείς (προχειρισάμενος): magister militum
στρατηγός: magister militum, comes rei militaris, praefectus classis, praepositus numeri Abulcorum, tribunus comitum sagittariorum Armeniorum
στρατηγός τῆς ‛ίππου: magister equitum
στρατηγός τοῦ πεζοῦ: magister peditum
στρατηλάτης τῆς ‛ίππου: magister equitum
στρατηλάτης τῶν πεζῶν: magister peditum
στρατόπεδον: legio
σύγκλητος: senatus
σύγκλητος βουλή: senatus
τάγμα: legio, auxilium, numerus, cohors, cuneus

ταμιεῖα βασιλικά: fiscus
ταμιείου προεστηκώς (’άρχειν τεταγμένος): comes rei privatae
ταμιείων ’ανηκόν των ’ιδία τῶ βασιλεῖ προβεβλημένος: comes rei privatae
ταμιείων βασιλικῶν φροντίδι ’εφεστώς: comes rei privatae
τάξεσι τῶν στρατιωτῶν ’εφεστώς: tribunus (?)
τάξεων ’εν τῆ α’υλῆ (περὶ τὴν α’υλὴν) ‘ηγεμών (τὴν ’αρχὴν ’επιτετραμμένος, ‘ηγούμενος, μάγιστρος): magister officiorum
ταξίαρχος: magister militum, tribunus
τέλει (ο‘ι ’εν): военные командиры среднего и высшего звена (“офицеры” и “генералы”)
τέλη: auxilia
τέλος: numerus (?)
τέλους (ο‘ι τοῦ βασιλικοῦ): praetoriani
τόπον ’επέχειν τοῖς ‘υπάρχοις τῆς α’υλῆς ’εν Λιβύη καθεστάμενος: vicarius Africae **[172]**
τόπον τοῦ τῆς πόλεως ‘υπάρχου ‘επέχων: praefectus urbis (Romae)
‘υπαγορεύειν τά βασιλεῖ δοκοῦντα τεταγμένος: quaestor sacri palatii
‘ύπαρχος ’αρχή: praefectura praetorio
‘ύπαρχος (τῆς α’υλῆς): praefectus praetorio
‘ύπαρχος τῆς μέσης τῶν ποταμῶν καὶ τὴν τῆς ‘εώας ’εγκεχειρισμένος διοίκεσιν: praefectus Mesopotamiae rectorque Orientis
‘ύπαρχος (τῆς πόλεως): praefectus urbis (Romae)
‘υπάρχων ’αρχή: praefectura praetorio
‘υπατεία: consulatus
‘υπατεύειν: consulatum gerere
‘υπατικοῦ τάγματος ’ών: consularis
‘ύπατος: consul
‘ύπατος τιμή: consulatus
‘υπογραφεὺς βασιλικός: tribunus et notarius
‘ύπογραφέων βασιλικῶν ’άρχων: primicerius notariorum
‘υπογραφέων τάγματος προτετάγμενος (‘ηγούμενος): primicerius notariorum
φόλλις: follis
φυλακῆ ’εφεστὼς τῆς α’υλῆς: praepositus sacri cubiculi
φυλακῆ (’επὶ) τῆς α’υλῆς τεταγμένοι: scholae palatinae
φυλακὴν ’εν Παιονία καὶ Μυσία ’επιτετραμμένος: dux per Valeriam
φυλακὴν (περὶ τὴν) τῶν βασιλείων τεταγμένον στρατιωτικόν: praetorianae cohortes
φῦλον: provincia (?)
χιλίαρχος: tribunus

ИОАНН ЛИД И ЕГО СОЧИНЕНИЕ «О МАГИСТРАТАХ РИМСКОГО НАРОДА»

Н.Н. Болгов (Белгород)

К важным источникам по истории Рима и ранней Византии относится сочинение Лида «О магистратах Римского народа». Полное имя писателя – Иоанн Лаврентий Филадельфий Лид. Его родина – Филадельфия в Лидии. Родился в 490 г., с 511 г. – в Константинополе. Получил классическое образование у философа Агапия. **[173]** «Иоанн, сын Лаврентия, Филадельфиец, именуемый Лидийцем», долгое время был чиновником в префектуре претория в Константинополе. Замеченный Юстинианом за хорошее знание латыни (тем более, что оно высоко ценилось в Восточной империи, так как уже становилось редким), он нес государственную службу 40 лет. В 551 г. ушел в отставку и был назначен в Высшую школу Константинополя преподавать латынь. Лид пользовался особым доверием императора, которое выразилось в поручении показать современникам римские общественные и государственные институты в порядке их возникновения, от Ромула до его дней, подчеркивая таким образом непрерывность и преемственность римского права и подлинно римский характер Восточной империи.

Сочинение Лида «О магистратах Римского народа» в трех книгах создавалось в 554-565 гг. и написано по-гречески. Оно достаточно путанно и смешанно излагает обширные сведения – часто очень ценные и весомые, но зачастую и весьма наивные. Жанр сочинения – историко-литературный трактат, посвященный проблемам общественной и идейной жизни империи.

Кн. I излагает эпоху царей и Республики, кн. II – эпоху империи; кн. III посвящена специально префектуре претория (при Анастасии и Юстиниане).

Иоанн Лид, преподаватель латыни, прежде всего – наследник великих трудов таких своих предшественников, как Варрон. Его сведения поистине драгоценны для историка, изучающего римские общественные институты. Источники, которые Лид использует, вполне добротны – это эрудиты (Катон, Варрон), историки (Тит Ливий), грамматики (в особенности схолиасты, комментаторы Вергилия), а также юристы (непосредственно, или через Дигесты, в составлении которых Лид, видимо, принимал участие), теоретики политики (Юний Гракхан). Такое обилие материалов ставит труд Иоанна Лида в гораздо более высокое положение, чем других византийских авторов и антикваров. Впрочем, книга Лида – не просто собрание фактов. Лид – ярый консерватор, сторонник традиционной латинской административной системы, с которой он был связан всей своей жизнью. Труд ярко тенденциозен - направлен против временщика Иоанна.

Книга имела два названия (разночтения в рукописях) – De magistratibus и De potestatibus. В любом случае, он не вписывается в перечень **[174]** обычных практических руководств, предназначенных для должностных лиц и перечисляющих его задачи (как у Ульпиана, Павла, Атея Капитона, Аркадия Харисия). Он возрождает гораздо более древние традиции и становится в контекст с трудами, готовившими переработку общей концепции римского права. Иоанн цитирует Семпрония Тудитана, автора Libri magistratuum, Юния Гракхана, автора Liber potestatibus (к сожалению, оба труда не сохранились). Труд

Лида стал, по словам Э. Штайна, «единственным историческим трудом по римскому общественному праву, сохраненным для нас античностью». Его часто цитируют и используют в новейших исследованиях, тогда как он ни разу не переводился на русский язык. Впрочем, Лид плохо представлен и на других европейских языках: совсем недавно появился первый французский перевод.

Помимо связного изложения интерес вызывает экскурс о латинской драматической и сатирической поэзии (I. 40-41).

Лид является автором еще двух сочинений – О месяцах и О небесных знамениях.

Без знания трудов Иоанна Лида невозможно представить себе работу антиковеда сегодня. Досадный пробел – отсутствие русских переводов – в скором будущем, видимо, будет ликвидирован.

Библиография

Lydi De magistratibus / Caseolinus. – P., 1785.
Lydi De magistratibus / J.-D. Fuss. – P., 1812.
Lydi De magistratibus / I. Bekker. – Bonn, 1837 (CSHB).
Lydi De magistratibus / R. Wensch. – Leipzig, Teubner, 1903 (repr. 1967).
Lydi De magistratibus / CUF . M. Dubuisson – J. Schamp. – P., 1996.
John the Lydian. On the Magistracies of the Roman Constitution. – Sidney: Coronado Press, 1971.
Bandy A.C. Ioannes Lydus. On the Powers or The Magistracies of the Roman State. – Philadelphia: American Philosophical Society, 1983.
Crusius O. Romische Sprichworter und Sprichworter klarungen bei Johannes Laurentius Lydus // Philologus. 1898. 57. – S. 501-503.
Dubuisson M. Jean de Lydien et les fornes de pouvoir Magistracies of the Romanpersonnel a Rome // Cahiers du Centre Glotz. 2. 1991. – P. 55-72.
Dubuisson M. Jean de Lydien et le latin: les limites d'une competence // Serta Leodiensia secunda. – Liege, 1992. – P. 123-131.
Ensslin W. Zur Aefassungszeit von des Iohannes Lydos // Philologische Wochenschrift. 1942. **[175]**
Maas M. John Lydus and the Roman Past. Antoquarianism and Politics in the Age of Justinian. – L.: Routledge, 1992.
Schamp J. Les Trevires a Byzance. A propos de Jean le Lydien, DM I.50 // Byzantion. 66. 1996. – P. 381-408.
Trispanlis C.N. John Lydos on the Imperial Administration // Byzantion. XLIV, fasc. 2. 1974.
Удальцова З.В. Из византийской хронографии VII в.- Ч. 1. Иоанн Лаврентий Лид // ВВ. 45. 1984. – С. 54-60.

III. АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ НАСЛЕДИЕ

АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В КУЛЬТУРЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ: РЕЦЕПЦИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛАТЫНИ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ СВ. ПАВЛА

Л.В. Софронова (Нижний Новгород)

Последние десять-пятнадцать лет в истории российской школы отмечены процессом возрождения классического образования[1]. После долгого пере-

рыва во многих объявивших себя гимназиями и лицеями средних школах было введено преподавание латинского и греческого языков. Ныне можно сказать, что особая роль латыни в создании античной культуры - базы современной европейской цивилизации осознана представителями педагогической общественности России, пытающейся возродить классические традиции и вернуть стране утраченное место в общественно-культурном доме и вернуться к высокому (по настоящему представлению - неслыханно высокому) уровню интеллектуального развития, присущего дореволюционной российской интеллигенции. «Оживлению» латыни препятствует, однако, нехватка в стране учебников, адаптированных для соответствующего возраста, латинских текстов для чтения и перевода, текстов, которые должны иметь широкий культурологический смысл, специально подготовленных кадров преподавателей. В связи с этим приобретает особую актуальность опыт педагогов-латинистов эпохи Ренессанса, поскольку и тот «величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством» **[176]** имманентным образом включал в себя возрождение античной культуры в целом, ее вербальное восприятие через тексты, осознание исторической преемственности по отношению к этой культуре. XIV-XVI столетия справедливо считаются «золотым веком» латыни[2], для глубокого филологического изучения которой создавались грамматические школы «нового типа», ставшие зародышами системы классического образования в странах Западной Европы Нового времени.

Среди блестящих знатоков и пропагандистов латыни особое место принадлежит английскому гуманисту Джону Колету (1466-1519). Выходец из среды состоятельного купечества лондонского Сити, выпускник Оксфорда, он получил солидную гуманистическую подготовку в итальянских университетах. Вернувшись в 1496 г. в Англию, он занялся преподавательской деятельностью, читая студентам оксфордского университета знаменитый курс публичных лекций о толковании Посланий апостола Павла, ставший сенсацией английской культурной жизни тех лет. Интерес к проблемам школьной педагогики возник у гуманиста вскоре после вступления в должность настоятеля собора св. Павла в Лондоне в 1505 г. Первоначально декан пытался реконструировать старую грамматическую школу св. Павла, существовавшую при соборе с XII века, а затем пришел к мысли об основании на свои собственные средства новой школы.

Новаторство Д. Колета проявилось как в организации учебного процесса[3], так и в содержании учебной программы, включавшей в себя «bonae litterae» - выражение, использованное Д. Колетом для обозначения латинской и греческой словесности. Изучение этих языков занимало главенствующее положение, поскольку, по словам Эразма Роттердамского, принявшего активное участие в организации колетовой школы, «практически все, достойное изучения, выражено на этих двух языках»[4]. Включение в школьный устав в качестве школьной дисциплины греческого языка - бесспорно ренессансная инновация Д. Колета. Изучение латыни также было организовано в соответствии с требованиями «studia humanitatis».

Основатель новой школы, как и современные педагоги-энтузиасты, столкнулся с проблемой отсутствия необходимых учебных пособий. Оксфордские гуманисты отчетливо осознавали значение учебника, **[177]** поскольку эта книга имеет специфическую, молодежную, следовательно, особо восприимчивую, аудиторию. Наилучшим средством распространения гуманистических идей среди подрастающего поколения был, по мнению Колета, учебник, ежедневно читаемый в школах, с его иллюстративным материалом, подбором примеров грамматических и риторических форм, «столь усердно заучиваемых, чтоб стать неотъемлемой частью будущих граждан»[5]. Энтузиазм Колета по поводу новых учебников понятен, поскольку он соответствует его гражданской позиции. Не являясь кабинетным ученым, гуманист активно претворял в жизнь идеи христианского гуманизма. Его собственная жизнь имела для него ценность, если только могла служить духовному обогащению других. Об этом бескорыстном служении Колета гуманистическим идеалам писал Эразм: «Ты отнимаешь у себя, чтобы обогатить других, ты разоружаешь себя, чтобы экипировать других, изнуряешь себя тяжелой работой, чтобы твое детище процветало во славу Христа, короче, ты отдаешь все свои силы, чтобы привести их к победе»[6].

В школах Англии в начале XVI в по-прежнему использовались английские переводы «Ars minor» (Donat), распространенной грамматики Элия Доната, царившей в европейских школах с середины IV века, и «Doctrinale puerorum» Александра Вильдье (XIII век.) Учебники «Parvula» Джона Стэнбриджа и «Lac puerorum» Джона Холта, опубликованные в самом конце XV в., были более четкими по строению, облегчали понимание введением графических диаграмм и рисунков (например, для объяснения окончания пяти падежей в них использовалось изображение пяти пальцев руки). Однако в них применялась старая вопросно-ответная форма изложения материала, тексты для иллюстрации из средневековой грамматики[7]. Таким образом, обучение латыни в английских школах соответствовало средневековым образцам. Этим объясняется стремление Колета обеспечить учеников своей школы новыми учебниками, что привело к публикации целой серии школьных пособий, составивших, по выражению Т.В. Болдуина «систему образовательной прогрессии»[8]. Начало было положено Колетом, написавшим в 1509 г. «Accidence» - краткую латинскую морфологию для самых ранних ступеней обучения. Вместе с Катехезисом эта книга составила первоначальный вариант трактата, известного под названием «Aeditio»[9]. **[178]** Со временем в него вошли краткий латинский синтаксис «Rudimenta» У. Лили на английском языке и «Песни о нравах» («Carmina de moribus») того же автора[10]. Это был основной учебник для младших классов школы св. Павла. Демонстрируя демократичность взглядов его создателя и отсутствие каких-либо амбиций, Устав предписывал изучение «Accidence» Колета или «любой другой грамматики, если она будет лучше служить цели более быстрого освоения детьми латинского языка»[11].

В 1509 г. по просьбе Колета Томас Линакр написал более объемное

грамматическое сочинение «De emendata Structura Latini Sermonis», но декан нашел книгу слишком сложной и отказался от использования ее в школе[12].

Применение родного языка в гуманистических школах считалось допустимым лишь на ранних стадиях обучения. Поэтому несколько лет спустя после публикации «Aeditio» Колет составил небольшой трактат «De octo Orationis partium constructione libellus». Он послал ее У. Лили с теплым дружеским обращением: «Мне кажется, мой дорогой Лили, что я испытываю к моей школе такую же нежность, какую отец питает к своему единственному сыну, которому стремится передать не только свое имущество, но и, если б это было возможно, отдать самого себя. Ибо, как полагает отец, мало произвести на свет сына, нужно дать ему достойное знание хорошей науки. Так и для меня недостаточно, что я выстроил, то есть, породил эту школу, употребив на это все мое состояние и даже предоставив все наследство, если я не сделаю все возможное, чтобы обучить детей благочестивым нравам и хорошим наукам и воспитать до полной зрелости и совершенства. Поэтому я посылаю тебе эту небольшую книгу..., но она отнюдь не малую пользу принесет нашей юности, если ты ее правильно объяснишь и будешь по ней учить»[13]. Будучи невысокого мнения о собственных способностях, Колет просил У. Лили отредактировать это сочинение, а потом с подобной просьбой обратился к Эразму, который писал по этому поводу: «Колет ... навязал мне это исправление ...Что же мне было делать? Такого друга мне было бы грех водить за нос или отказывать ему в какой-либо просьбе. Он оказал мне настолько большие услуги, что даже имел право приказывать Эразму»[14]. Роттердамец основательно переработал сочинение, так что У. Лили и Колет сочли невозможным публикацию под их именами. Эразм также не считал книгу своей, **[179]** поэтому она вышла в 1515 г. без указания автора с небольшим предисловием Колета[15]. Он «...отбросил многие вещи», принятые в средневековых учебниках, и «выделил те явления, что наиболее часто встречаются в латинском языке». Располагая учебный материал более систематизированно, гуманист «имел намерение ... говорить о сложных правилах ...таким образом, чтобы юные неопытные новички могли с удовольствием взять и осознать»[16]. В своей работе учителю рекомендовалось обязательно учитывать, что нравится детям, близко и любимо ими.

Стремление к простоте и ясности, как уже отмечалось, было характерно и для ряда позднесредневековых учебников, особенно «Lac puerorum» Дж. Холта. Но в отличие от своих предшественников Колет не ограничился упрощением грамматики, а коренным образом переработал содержание учебного материала. Новый путь овладения латинским языком, по мнению Колета, лежал через изучение авторов, писавших на классической латыни. Гуманист применил в соответствующем разделе Устава выражение «хорошая латынь» /bona latina/, имея в виду «старую латинскую речь и истинно римский язык, который был во времена Туллия, Саллюстия, Вергилия, Теренция». Это бесспорно гуманистическое определение дополнено автором в духе христианского гуманизма: «...и который св.

Иероним, св. Амвросий и св. Остин и многие другие святые изучали в свое время»[17]. Цель подобного уточнения - показать на примере отцов церкви, что изучение языческой латыни не вредит делу становления истинного христианина; известно, что многие раннехристианские авторы получили образование в римских грамматических школах. Кроме того, вероятно, что ссылка на авторитет отцов церкви была необходима автору Устава для защиты от нападок клерикальных кругов Лондона, объявивших школу св. Павла еретической, «средоточием дьявола» из-за наличия в ее учебной программе греческих и римских поэтов.

В связи с этим важно отметить, что активная рецепция классической латыни для Колета означала не дань времени моды на античность, а один из способов борьбы со схоластикой, тоже пользовавшейся латинским языком, но утратившим свои классические формы. Возвращение к ним стало одним из важных проявлений антисхоластической позиции гуманиста. Оценка Колетом средневековой эпохи с точки зрения истории латыни однозначна - варвары погубили латинскую словесность. **[180]** Теологи-схоласты названы в Уставе «слепыми невежественными людьми, от которых произошли все варваризмы, испорченность и извращения»[18]. В данном случае позиция гуманиста - непримиримого борца со схоластикой - непоколебима: «Я совершенно осуждаю и исключаю из школы всю эту испорченность, все искажения, которые внесли позже в прекрасную латинскую литературу, так что она скорее может быть названа бумагомарательством (blotterature) нежели литературой»[19]. Основатель выдвигает программный тезис - в его школе следует изучать таких авторов, которые, «передают свою мудрость на чистой и ясной латыни в стихах и прозе»[20]. Поэтому Колет призывал «любезных учителей» после изучения частей речи «читать и буквально растолковывать... ученикам хороших авторов, объяснять им каждое слово, в каждом предложении выделять то, что ученик должен заметить, изучить». По мнению гуманиста, наилучший способ усвоения языка - подражание древним авторам, так как «чтение хороших книг, нужная информация ...учителей, усердие и внимание учеников, прослушивание образцов ораторского красноречия и, в конце концов, легкое им подражание «with toung and pen» более способны привить истинное красноречие, чем все традиции, правила грамматики и наставления учителей»[21]. Тождественную установку можно встретить в «De Copia» Эразма, особенно в главе IX «Quibus exercendi rationibus haec facultas paretur», где читатель найдет страстный призыв к постоянным упражнениям и повторению образности и выразительности классического стиля[22].

Обязательность классических реминисценций и следования античным образцам в Уставе школы св. Павла - важнейший признак ренессансного мышления его автора, его приверженности принципу imitatio, характерного для языковой доктрины латинистов Возрождения и их эстетики языка. Однако, в высказываниях гуманиста можно усмотреть достаточно самостоятельную концепцию. Колет говорит о легкости подражания «with toung and pen», предостерегая, вероятно, своих учеников от слепого

копирования, заботящегося лишь о красоте стиля. Воспринимая наследие древних эпох в комплексном единстве содержания и формы, Колет протестовал против поверхностного imitatio, названного впоследствии Эразмом «цицеронианством», подражания строю речи без учета нравственной сути. **[181]** Автор Устава неоднократно подчеркивал, что дети должны читать «хороших авторов», то есть таких «у которых истинно римское красноречие сочетается с мудростью»[23]. Список рекомендуемых авторов, приведенный в Уставе, составлен, несомненно, с учетом данного принципа.

Важной отличительной чертой педагогической концепции Колета является актуализация социальной направленности обучения. По убеждению гуманиста, ребенок должен быть воспитан и образован - строго в соответствии с античными образцами - для службы обществу. Вероятно, этим обусловлено стремление автора «Aeditio» придать явно социальное звучание многим предложениям, иллюстрирующим правила латинской грамматики. Например, в сентенции «Regum est tueri leges» приведенной в связи с делом Эмпсона и Дадли, обвиненных в начале царствования Генриха VII, ученикам предоставлялась возможность не только узнать о фактах недавней истории, но и дать им соответствующую оценку. Любопытно, что каждое новое издание «Aeditio» дополнялось подобными примерами «на злобу дня». Например, издание 1513 г. содержит упоминание о совместных действиях короля и германского императора Максимилиана при осаде г. Теровенн во Фландрии – «Imperator meruit sub rege in Gallia». Издание 1520 г. дополнено примером «Audito regem Dorobernian proficisci», касающимся путешествия короля в Кентерберри для приема Карла V, высадившегося в Дувре. Нам представляется, что включение в учебный материал подобной информации о состоянии государственных дел при соответствующем комментарии учителя могло способствовать подготовке учащейся молодежи к служению обществу и государству.

Подводя итог краткому анализу латинской грамматики Колета, заметим, что в историко-педагогической литературе бытует несколько искаженное, на наш взгляд, мнение о роли Колета в создании нового поколения учебной литературы по латинской словесности. Дело в том, что с 40-х годов XV века имя Колета исчезло с обложки учебника латинской грамматики, носившего отныне имя одного только Лили, хотя книга включала также и работы Колета. Колет написал основной текст учебника старших классов на латинском языке, отредактированный Лили и Эразмом и издававшийся впоследствии без упоминания первого из соавторов. **[182]** Трудно утверждать, объясняется данная ситуация скромностью Колета, либо естественным желанием основателя укрепить авторитет своего детища именами известного знатока античности Лили и всемирно известного Эразма. Так или иначе, важно подчеркнуть, что благодаря усилиям Колета в новых грамматических сочинениях для школьников старшей ступени воедино слились теоретические разработки и блестящая эрудиция Эразма и богатейший опыт лучшего английского учителя-практика того времени

Лили. Латинская грамматика школы св. Павла, созданная совместными усилиями оксфордских гуманистов, вскоре получила национальное признание - с 1540 г. специальным королевским указом она была объявлена обязательным для всех британских школ учебником латинского языка, оставаясь таковым более двухсот лет[24].

Рекомендации Устава и данные практической деятельности школы обнаруживают определенную систему, «образовательную прогрессию». Начало ей положено в «Aeditio», обучавшим азам латинской грамматики; книгой для чтения на этом этапе был «Катехезис» Колета на английском языке и его латинский вариант «Institutum Christiani Hominis» Эразма. Совместный с Лили и Эразмом трактат «De Constructione Orationis» предназначался для углубленного изучения морфологии в старших классах, основанного на примерах из классической античной литературы. Следующей ступенью был трактат Эразма «О двойном изобилии слов и вещей» («De duplici copia rerum ac verborum commentarii duo»). Это пособие по риторике, целью которого было помочь учащимся достичь «истинного римского красноречия», а затем перейти к чтению литературы, соединяющей мудрость и элоквенцию. Издание 1513 г. сопровождается посвящением Колету, в котором Эразм писал: «... Поскольку я хорошо осознаю, как многим я обязан английской нации в целом и тебе персонально, я подумал, что мне следует сделать небольшой литературный подарок для «экипировки» твоей школы. Поэтому я решил посвятить новой школе эти два новых комментария «De copia»[25]. Хотя известно, что первоначальный вариант сочинения относится к парижскому периоду жизни автора[26], данные переписки[27] позволяют утверждать, что Эразм взялся за доработку трактата в 1511 г. в результате «назойливых просьб» Колета, подкрепленных оплатой всех финансовых издержек автора. **[183]** Настойчивость Колета объясняется его стремлением организовать в своей школе курс обучения языку, основанный на принципе продвижения. Помимо чисто грамматических достоинств работы, Колету была близка и ее философско-нравственная ориентация, созвучная этическим воззрениям гуманиста. Понятие copia имеет двойную природу, то есть различают обилие слов и обилие дел. Двойственность этого понятия и обусловила структуру эразмова двухчастного трактата[28]. Книга первая «Copia Verborum» состоит из 19 серий, рассматривающих способы достижения разнообразия стиля (rationes variandi), включая синонимы, парафразы, метонимию, синекдоху, сравнение, гиперболу и т.д.[29] В рамках каждого раздела-серии Эразм детально занимается такими вопросами, как правильное и неправильное использование слов, категории слов (вульгарные, поэтические, архаические, необычные, новые, иностранные), степени сравнения прилагательных и наречий, отрицание и отрицательные частицы, антонимы (dignus – indignus) и т.д.[30]. В совокупности этот материал и составляет «изобилие слов» - copia verborum.

Вторая книга рассматривает «дела» (res) - конечный результат удачного использования слов (verba). По структуре она представляет собой серии предложений с их тщательным комментарием. Автор берет части

каждого предложения и демонстрирует с обилием примеров все возможные способы ее расширения и распространения, показывая учащимся, как одна мысль может быть передана различными способами. Например, предложение «Tuae litterae me magnopere delectant» сопровождено 165 вариантами расширения; серия «Semper dum vivam, tui meminero» демонстрирует около 200 способов распространения[31], среди которых можно назвать отступление, эпитеты, усиление, преувеличение, пример[32]. Для большей легкости выражения и полноты описания Эразм советует прибегать к расчленению первоначального предложения[33]. Он показывал на примере, как наилучшим образом создать описание мест, народов, времен, рекомендуя определенные средства и план описания.

Несмотря на скромное замечание в письме-посвящении Колету о том, что «книга не получила должной обработки»[34], совершенно очевидно, что «De Copia» - хорошо обдуманное и превосходно отредактированное сочинение. По элегантности, виртуозности стиля, остроумию оно - сам образец искусства, для обучения которому создано, **[184]** искусства красноречия. Но при всей тщательности обработки материала трактат, по выражению современного исследователя «сохраняет очарование экспромта и свежесть tour de force»[35].

Колет высоко оценил грамматико-риторические достоинства работы; думается, и философская сторона трактата была созвучна нравственным исканиям Колета и оценена деканом также высоко. Дело в том, что двойственность понятия «Copia» имеет и другой, не столь буквальный смысл, а res и verba не только обозначения заголовков книг. В единстве этих сторон «rerum verborumque copia» проявляется, по мысли Эразма, другое единство - реформы языка и реформы человека. Ремарки и наставления нравственного содержания, аргументы в пользу реформы общества, столь страстно защищаемой и пропагандируемой Колетом и Эразмом, искусно разбросаны среди правил грамматики и синтаксиса, вкраплены в иллюстрации риторических тонкостей. Например, предложение «Rem universam luxu perdidi» используется автором как иллюстрация приема расчленения, но по мере его обсуждения вырастает в нравственную проповедь[36]. Предложение «Nulla est tam brevis vitae portio in qua non magnus aliquis ad felicitatem gradus fieri poterat» используется для иллюстрации другого приема[37]. В своем рассуждении «Ratio collegendi exempla» автор применяет категории «Pietas» и «Impietas», имея, таким образом, повод поговорить о разных видах благочестия и набожности, коими изобиловал его век[38]. В «De Copia» нашла место и важнейшая идея христианских гуманистов о мирном пути преобразования человечества путем просвещения и подражания Христу. Так, в главе «Десятый способ расширения» Эразм посредством разъяснения слов Христа из Евангелия св. Матфея «Discite a me quod mitis sum et humilis corde» (Учитесь у меня, ибо я кроток и сокрушен сердцем) показывал контраст с безверием, лицемерием своих современников, жестокими войнами христиан, которые кровавыми злодеяниями исказили учение Отца Небесного[39]. В другом месте Эразм

высказывает осуждение войн и социальных конфликтов, объясняя способы распространения предложения «Bellum tibi acceptum feremus»[40].

Колет хотел, чтобы ученикам его школы через изучение «De Copia» передалась приверженность автора гуманистическому идеалу учености и вера, что только путем образования человек сможет реализовать врожденные свойства ума, **[185]** развить свои способности. Например, Эразм спрашивал: «Что более всего подходит человеку?» и отвечал: «Жить в согласии с разумом». «Что есть самое пагубное?» «Невежество»[41]. Следует отметить, что для гуманиста имело ценность только классическое образование, поскольку только у классиков ученики могли найти «обильность речи», элегантность стиля, разнообразие выражений, которым учил трактат Эразма. Книга изобиловала образцами греческого и латинского красноречия[42].

Таким образом, серия новых учебных пособий оксфордских гуманистов, начинавшаяся «Морфологией» Колета и «Основами синтаксиса» Лили и завершающаяся «De Copia» Эразма, позволяла ученикам школы св. Павла постепенно достичь свободного владения языком - цели, поставленной Колетом в его «Aeditio».

Эразм справедливо назвал своего друга «homo prudentissimus»[43]. В Уставе школы св. Павла была заложена тенденция развития английской школы в Новое время - создание публичных грамматических школ со светским управлением и гуманистической программой обучения, когда вслед за школой св. Павла «языческие авторы стали основным продуктом питания (staple-diet) тюдоровских школ»[44]. Новые английские учебные заведения, созданные после Реформации, отражали иной этап в эволюции гуманизма, поэтому в Уставах их нет произведений христианских поэтов IV-V вв., но важно отметить, что рекомендации относительно античной языческой литературы, как правило, сопровождаются ссылкой на Устав Колета[45].

Примечания

1. Подосинов А.В., Ван Хоф А. О преподавании древних языков в средней школе (гимназии) // ВДИ. 1991. № 1. С. 91-95.
2. Касаткин А.А. Культ латыни в эпоху Возрождения (генезис и исход) // Культура эпохи Возрождения. Л.: Наука. 1986. С. 36-41.
3. Подробнее см.: Софронова Л.В. Грамматическая школа св. Павла: гуманистические принципы организации образования. // Школа и педагогическая мысль Средних Веков, Возрождения и начала Нового Времени. М. 1991, С.245-269.
4. Erasmus Desiderius. Opera Omnia Desiderii Erasmi Roterdami. Amsterdam: North Holland Publishing Company. 1969. V.I. P.144. Далее - Opera Omnia.
5. Ioannis Coleti Theologi et Decani divi Pauli. Aeditio una cum quibusdam G. Lilii Grammatices Rudimenta. London. 1527. P. 291. **[186]**
6. Erasmus Desiderius. Opus Epistolarum Des Erasmi Roterdami. Rec. per P.S. et H.M. Allen. Oxonii: Typ. Clarendoniano. 1906. V.I. № 260. P.511.
7. Три последних английских издания "Ars Minor" датируются концом XVI - XVII вв. Последнее издание "Doctrinale" относится к 1516 г. См.: Pollard A.W., Redgrave G.R. Short Title Catalogue of Books, printed in England 1475-1640. London. 1926. 7015-7017; 315-320.
8. Baldwin T.W. William Shakespere's Small Latin and Less Greek. Urbana. 1954. P. 99.
9. Первое (1510 г.) издание этой книги, более известное как Paul's Accidence утеряно. Сохранилось издание 1527 г. упоминавшееся в сноске 5.
10. Об Aeditio Колета см.: Allen C.G. The sources of "July's Latin Grammar" // The Library. 5th series. IX. 1954. P.86-87. Частично Aeditio опубликовано Дж. Флинном вместе с другими грамматиками тюдоровской эпохи: A short Introduction of Grammar. Ed. V.G. Flynn. New York. 1945.

11. Colet John. Statuta Scholae Paulinae // English Historical Documents. V.V (1485-1558). Ed. by C.H. Williams. London. 1967. P.1040 etc.
12. Несмотря на негативную оценку Колета грамматика Т. Линакра в исправленном виде использовалась для обучения принцессы Марии, а, переведенная на латынь, долгое время являлась стандартной грамматикой во Франции. Ученый в течение 20 лет совершенствовал свой труд, получив от Эразма прозвище "раба восьми частей речи".
13. Opera omnia. I – 4. 1973. P.119.
14. Ibid. P.120.
15. Эразмов вариант сочинения см.: Libellus De Constructione Octo Partium orationis. Ed.par Cytowska // Opera omnia. I-4. P.104.
16. Aeditio. P. 291.
17. Statuta. P. l044.
18. Ibid.
19. Ibid. P.1044 –1045.
20. Ibid. P.1044.
21. Aeditio. P. 292.
22. Opera omnia. I – 6. Amsterdam. 1988. Далее - De Copia.
23. Statuta. 1044 – 1045. О позиции Эразма по отношению к языку и философии Цицерона см.: Брагина Л.М. Эразм и итальянские гуманисты // Эразм Роттердамский и его время. М., 1989. С. 49.
24. Так, в 1675 г. парламент принял решение о наказании учителей грамматики за использование каких-либо других учебников. О дальнейшей судьбе У. Лили см.: McDonnell M.F. The history of St.Paul's School for Boys. London, 1909. P. 54-56.
25. Opus epistolarum. T.I. N 260. P. 510. Этот фрагмент переведен в издании Ф.М. Николса: The Epistles of Erasmus. V. II. 1918. Ep. № 248. **[187]**
26. Григорьева И.Л. Значение парижского периода в формировании взглядов Эразма // Эразм Роттердамский и его время. С. 37-49.
27. История создания книги отражена в переписке: Opus Epistolarum. T.I. Ep. № 94, 95, 130, 145, 212, 213, 241, 258, 260, 331, 270.
28. De Copia. P. 33.
29. Ibid. Chap. VIII-XXIII.
30. Ibid. Chap. XIV-XXIV.
31. Ibid. Chap. XXXIII. Experientiae.
32. Ibid. P. 82-83, 84, 95.
33. Ibid. P. 75.
34. Opus Epistolarum. T.I. Ep.260.
35. Sowards J.K. Erasmus and the apologetic textbook: A study of the De Copia. Essays on the Northern Renaissance/ Ed.by K.A. Strang. Michigan. l968. P.97.
36. De Copia. I – 75.
37. Ibid. I- 95.
38. Ibid. I – 100,101.
39. Ibid. I – 86, 87.
40. Ibid. I –77.
41. Ibid. I – 497 E.
42. Chap. LXXVII-LXXXII, посвященные описанию; Chap. Ill, IX целиком состоят из цитат из классических авторов.
43. Opus Epistolarum. T. I. № 1211.P.516.
44. Orme N. English School in the Middle Ages. London, l973. P. 114.
45. Больше всего аналогий и прямых указаний на школу Колета как образец можно обнаружить в Уставе грамматической школы кафедрального собора в Кентерберри, созданной в 1548 г.

КОНСТИТУИРОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

А.Е. Прилуцкая (Харьков)

Предпосылкой выделения зрелищно-игровых практик в самостоятельный вид художественной деятельности стал процесс возрастания собственно

эстетического потенциала в обрядовых действах архаической культуры. Культ Диониса стал основой для возникновения трагедии и комедии как классических форм театральной культуры античности. **[188]** Дионисийские обрядовые действа, имеющие, по утверждению Ф. Ницше, двойственную природу, могут быть рассмотрены, как особые «ситуации культуры», когда «каждый чувствует, что он не только примирился, слился со своим ближним, но... и составил с ним единое целое, представ сочленом некой высшей общины» [1, с.137].

В этом смысле они действительно предоставляли уникальную возможность гармонизации межсубъектных отношений и эстетизации человеческой конфликтности. В этом вакхическом единстве совмещались возвышенное и низменное, серьезное и развлекательное, шуточное оплакивание умирающего бога и веселье от божественного дара - вина.

Само название «трагедия», по свидетельству Аристотеля, произошло из сочетания песни дифирамба («одэ» - песнь) с действием козлоподобных сатиров («трагос»-козел, животное, в облике которого воплощался сам Дионис и которое приносилось ему в жертву). Уже в своем первоначальном значении «трагедия» - это не просто «козлиная песнь», это крик живого существа при перерезании его горла (в мистериях орфиков «песнь топора» - при убиении быка). Этот крик потрясал и опьянял душу зрителей животным ощущением полноты и единства бытия. «Подтверждение жизни даже в самых непостижимых и суровых ее проблемах, воля к жизни, ликующая в жертве своими высшими типами собственной неисчерпаемости» [2, с.132], – вот что лежит в основе трагического и как эстетической категории, и как формы художественной деятельности.

Эволюция процессов художественно-эстетического освоения действительности, строгая социальная регламентация, развитие индивидуальной «способности суждения», созерцания и восприятия нашли свое воплощение в актуализации и автономизации трагедии, комедии и сатиры как классических форм зрелищно-событийных практик античности. Исторические процессы эволюции всей художественной культуры и зрелищных искусств, в частности, «вывели» трагедию и комедию в первосимволы античной культуры. В структуре классических форм театрального действа: трагедии и ее эстетической антитезы - комедии, наиболее полно отразились мифологическое отождествление природы и духа, единичного и всеобщего, субъективного и объективного, эстетическая целостность, телесность и пластичность, стремление к совершенству и законченности. **[189]** Обращаясь к онтологии трагедии, исследователи античной культуры (Ф. Ницше, Вяч. Иванов) отмечают ее двуединую сущность. В трагедии в единстве и в борьбе сосуществуют две противоположные идеи - идея безграничности, всевозможности и идея оформленности как ограненности, единства. Как отмечает Ф. Ницше, два начала: аполлоново и дионисово - это два разъединенных художественных мира, два полюса художественного творчества. Именно в греческой трагедии, благодаря сложившейся общеэстетической ситуации и творческой энергии исполнителей сценического действия и исполнителей ролей зрителей эти две стихии,

два мира сливаются и резонируют зрелищные, игровые, культовые смыслы действа. В этот момент они, «находясь в дионисийском опьянении и мистическом самоотчуждении... вдруг под воздействием аполлоновского начала погружаются в сон-притчу» [3, с.140], раскрывающий человеку смысл его собственного существования, «причастности к первоосновам мира, к его глубинам» [3, с.140].

В трагедию дионисийское начало вносит космическую полноту и цельность, наполняя дионисийской энергией разрушения и созидания художественные модели античных характеров, поведений, перипетий. Они также всегда категоричны в своей цельности, моральной и эстетической завершенности, своей личной ответственности перед Судьбой, стремлении наперекор ужасу и страданию «самому быть вечной радостью становления, которое заключает в себе также и радость уничтожения» [4, с.132]. Этот процесс освобождения духа определяет эстетическую специфику трагедии как возможности духа материально явить себя в ее художественно-организованном хронотопе. «Дионисийское» разрушение устоявшейся, принятой «аполлоновской» формы уже в процессе этого «катастрофического действа» гибели формы рождает новую форму. Созерцание же этого процесса, переживание разрыва, «темной и пустой бездны между двух сближенных и несоединимых краев, в ощущении сокровенных противоречий душевной жизни, ... зияние которых будет приоткрывать взору тайну бытия, не умещающегося в земных гранях и представляющегося смертному зрению небытием», и есть момент восприятия трагедии как «чистой» формы театрального действа, как искусства, которое должно потрясать душу, «испытывать и воспитывать ее священным ужасом» [5, с.93]. **[190]**

В качестве утверждения «двуединой души» трагедии Вяч. Иванов привлекает поэтический аргумент: «В сердце помысла два, и две воли: чего бежать?» [5, с.99] - поет влюбленная Сапфо. В результате этого в точке разлома, разделения обряда на действо религиозное по своей сути и действо уже иного толка, выделяется энергия эстетического осмысления и художественно-образного отражения. Это длительный этап метаморфоз религиозного и эстетического сознания, в течении которого трагедия, отдаляясь от своего дионисийского первообраза, все больше становилась искусством. И как это ни парадоксально, именно процесс возрастания в ней эстетической компоненты создавал новые условия для наиболее яркого и полного раскрытия диады. Эта возможность непосредственного воздействия на душу, разум, психику воспринимающего присуща именно феномену театрального действа и трагедии как его классической форме.

В результате последовательного разделения ритуала, обряда, мистерии на культовую церемонию и светское зрелище античная трагедия вобрала в себя все героическое, похоронно-торжественное и возвышенное из синкретичного прадейства, что и определило выбор сюжетов, способ отображения, форму построения первоначально музыкального диалога между хором и протагонистом-героем в трагедии как сложной инвариантной художественной системы.

Так, уже Аристотель в широко известной «Поэтике» достаточно категорично утверждает, что трагедия должна включать в себя шесть составных элементов. Это - фабула, характеры, мысли, словесное выражение, музыкальная композиция, сценическая обстановка. Значение этих частей неравноценно. На первое место Аристотель ставит фабулу - состав событий трагедии, которая в его интерпретации должна быть целостной, законченной и имеющей определенный объем.

Говоря о фабуле, Аристотель выдвигает требование единства действия: действие трагедии должно быть сконцентрировано вокруг одного события или вокруг судьбы одного персонажа и освобождено от всего случайного и второстепенного. (Интересно, что в XVII в. теоретики французского классицизма приписывали Аристотелю также единство места и времени /закон трех единств/. Но о единстве места действия Аристотель не пишет ничего, так как в греческой драме оно могло меняться. Аристотель не настаивает и на том, **[191]** чтобы действие драмы происходило в течение одних суток, хотя обычно события трагедии умещались в рамки одного дня). Аристотель различает два вида фабулы – «простую» и «сложную». Непременный элемент каждой из них - страдание. А различие в том, что в трагедии с простой фабулой действие развивается без каких-либо неожиданностей и переломов. Основу же сложной фабулы составляют перипетия и узнавание (переход от незнания к знанию). Предпочтение Аристотель отдает сложным фабулам. Относительно следующего элемента трагедии, – характеров, Аристотель пишет, что они должны быть благородны, правдоподобны и последовательны. Героем трагедии должен быть человек скорее лучший, чем худший, человек, который испытывает страдание вследствие не своей преступности, а случайной ошибки.

Рассматривая структуру трагедии, Аристотель пытается объяснить её цель как «очищение», освобождение. С этой точки зрения, трагедия силой эстетического воздействия вызывает у зрителей чувства страха и сострадания, доводит эти аффекты до крайнего напряжения, нарушая душевное равновесие зрителей, а затем дает своеобразную разрядку, очищение, доставляя человеку облегчение, соединенное с чувством удовольствия. Исследуя онтологию театрального действа, нельзя не увидеть, что по Аристотелю и исторически, и типологически духовное «очищение» связано с реализацией человеческого стремления к бессмертию. Но в случае религиозного «очищения» идея бессмертия рождает образы искупительной жертвенной смерти, а катарсический же мотив её - в достижении вечных начал в реальной жизни, в опыте человеческих отношений вне их «божественной санкционированности» [6, с.78]. Поэтому, видимо, среди разнообразных видов античных зрелищ в большей или меньшей степени театрализованных, трагедия очень долгое время занимала совершенно особое место.

Развитие трагедии как формы театральной практики с возрастанием художественно-эстетической доминанты связано с деятельностью коринфского певца Ариона (около 600 г. до н.э.), в лице которого соединились функции двух инвариантных компонентов театрального действа: исполнителя и организатора художественного пространства. По свидетельству Геродота, Арион

был изобретателем трагического строя, первый установил хор, придал законченную художественную форму дифирамбу, **[192]** ввел в представление сатиров и разговорный ямб. С его именем связывают трансформацию культовых хоровых и мимических танцев в единое сценическое действие, называя «изобретателем» трагедии. С позиции морфологической характеристики Арион стремился к развитию зрелищности, сценичности античной трагедии, художественно организуя визуальный, акустический и пластический ряды восприятия.

Ранние формы театрального действа у афинян связаны с именем Фесписа, современника Соломона. Феспис присоединил к дифирамбическим песням хора рассказ о тех или иных событиях (в основном мифических) в виде орхестических (орхестика - танцевальное искусство) представлений, расширив палитру театральных средств выразительности. Роль рассказчика исполнял, вероятно, сам Феспис, он же был поэтом, композитором, актером. Существуют сведения, что Феспис сначала гримировался, а затем стал использовать маски из полотна. («Актер Феспис, меняя маски, мог создавать разные роли», - писал Гораций, он же сообщает о передвижном театре Фесписа, который, «как все говорят, изобрел и возил на телегах» [2, с.275-277,348]). Так уже в ранней античности искусство театра формировалось как искусство синтеза актерского мастерства, декоративного искусства, драматургии, музыки, хореографии, вокала.

Классическую форму, канонизированную структуру, регламентацию сюжетов и способов их художественно-образного воплощения античная трагедия обретает в период творчества Эсхила, Софокла и Еврипида. В этот период, как отмечает С. Аверинцев, театр был «важнейшим художественным символом греческого космоса: представление трагедии в аттическом театре было великим всенародным действием, зримо являвшим духовное единство сограждан» [3, с.56].

Социализирующая функция театрального представления как особой художественно - коммуникативной, саморефлексирующей структуры с уникальными возможностями психо-эмоционального воздействия на личность в формировании общественных взглядов, настроений нашла свое воплощение в постановках пьес трех великих трагиков Эллады, показавших меняющиеся культурно-исторические реалии классической Греции. Театрально-художественная практика наиболее адекватно и зримо отразила рост индивидуального сознания античного человека в оформлении идеи столкновения, **[193]** противостояния деятельной личности с высшими силами. В монументально-патетических ораториях Эсхила действовали боги и герои, в страданиях познающие мир и просветляющие буйство темных сил далекой старины. В драмах Софокла, друга и соратника Перикла, богоподобные земные люди осуществляли нравственный выбор в экстремальных ситуациях. В своих трагедиях Софокл славит человека и торжество извечного миропорядка: «Много есть чудес на свете,/Человек из всех чудесней...».

И драматургия линия трагедий, и гражданский пафос содержания, и изменение состава действующих лиц в сторону «очеловечения» мифологиче-

ских сюжетов увеличивают долю психологичности в строгих классических формах театрального действа. Поэтому уже в трагедиях Еврипида логика магистрального движения от обряда к художественно оформленному светскому зрелищу получает особый импульс в отражении чувств, радостей и страданий обычного земного человека. Он слаб, противоречив, и не всегда побеждает. «Кто знает, жизнь не есть ли смерть, а смерть не есть ли жизнь?» [4, с.14] - вопрошает трагик, предвестивший самоизживание классической трагедии.

Во времена этих трех великих трагиков окончательно сложилась структура трагедии как классической формы театрального действа. Театральное представление начиналось с пролога (действия до вступления хора), затем следовало выступление хора - парод («выступление», «проход»); после этого эписодии (выступления-диалоги актеров) и стасимы (песни хора при движении вокруг жертвенника). Трагедия заканчивалась эксодом или заключительной песней хора.

Если трагедия отражала страстную сторону дионисийского культа, то комедия - карнавально-сатирическую. По свидетельству Аристотеля, комедия ведет свое начало от запевал фаллических песен, и изначально была как бы «неофициальной» частью дионисийских празднеств. «Комедия» означала «карнавальная» (комос - шествие подвыпившей толпы ряженых, карнавал, гулянка) или «деревенская» - («комэ – деревня + «одэ» - песнь). Ритуальные песни, пляски сопровождались играми, клоунадой, акробатикой, фокусничеством.

Следует заметить, что в комедии гораздо шире, чем в трагедии к мифологическим сюжетам примешивались житейские, **[194]** которые постепенно стали преобладающими или даже единственными, хотя в целом комедия попрежнему считалась посвященной Дионису. Так, во время комоса стали разыгрываться небольшие сценки бытового и пародийно-сатирического содержания. Эти импровизационные сценки представляли собой элементарную форму народного балаганного театра и назывались мимами. Героями мимов были традиционные маски народного театра: горе-воин, базарный воришка, ученый шарлатан, простофиля и т.д.

Песни комоса и мимы - это главные истоки древнегреческой комедии. Возникая из античного комоса, комедия была злободневна и актуально значима по своему содержанию. Её злободневность усиливалась тем, что в комедии допускалась полная свобода в карикатурном изображении отдельных граждан, выводимых к тому же под своими подлинными именами (у Аристофана действующие лица его комедий – Эсхил, Софокл, Еврипид, Сократ, Клеон и др.). При этом аттическая комедия создавала обычно образ не индивидуальный, а обобщенный, близкий к маске народного комедийного театра. Например, Сократ в «Облаках» Аристофана наделен не чертами реального лица, но всеми свойствами ученого-шарлатана, одной из любимых масок народных карнавалов.

Аристофан - единственный древнегреческий комедиограф, произведения которого (хотя и не все) дошли до нас, поэтому структуру античной ко-

медии традиционно исследуют по его произведениям. Как и трагедия, комедия начиналась с пролога, в котором давалась завязка действия. За прологом шел парод, т.е. вступительная песня хора при выходе его на орхестру. За пародом следовали эписодии, отделенные друг от друга песнями хора, причем во многих эписодиях хор также принимал самое живое участие. Среди эписодий почти всегда заключался агон — словесный поединок, во время которого два противника защищали противоположные мнения. Агон иногда сопровождался и дракой. Конфликт, лежащий в основе комедии, достигал в агоне самого высокого накала. Далее следовало обращение хора к зрителям — парабаза. В ней хоревты снимали маски, выстраивались полукругом на орхестре и обращались к зрителям. Ход событий на некоторое время прерывался, так как парабаза не была связана с основным действием комедии: в ней корифей и хоревты рассказывали зрителям о заслугах драматурга или от его лица высказывались по поводу тех или иных событий. **[195]**

Последняя часть комедии называлась, как и в трагедии, эксодом: по окончании действия хор покидал орхестру, исполняя эксод, который сопровождался буйными, веселыми танцами и факельным шествием.

Хороводные сцены были тесно связаны с фарсовым действием балаганных скоморохов-мимов. Актеры, исполняя роли в комедиях Аристофана, нередко прибегали к шаржу, а спектакли строились на контрастных переходах от безудержной буффонады к лирическим сценам. В комедиях использовалось множество комических элементов: переодевание, шутки в сторону зрителей, дурачливая скороговорка, беготня, драки, болтовня, акробатика и пантомима. Задача и комедии, и комического персонажа (в отличие от трагедии) заключалась в том, чтобы подчеркнуть низменные, уродливые черты, обнажить порок. Все дошедшие до нас комедии Аристофана (11 пьес) социально заострены, злободневны, в них отразился кризис афинской демократии и, по сути, конец всего классического периода Греции.

Можно сказать, что греческая драма моделировала идеальный, инобытийный образ полиса в трагедии и фантастический, уродливый, антибытийный мир комедии, служа, тем самым, общегреческой пайдейе.

Дальнейшее развитие классических форм театрального действа связано со становлением эстетики эллинистического театра в недрах исчерпавшего себя хороводного театра Древней Греции. Меняется содержательная наполненность театрального действа как феномена античной классичности. На смену театральным зрелищам, воплощавшим идеи полисного свободного гражданства, приходят зрелища, выражающие принципиально новые умонастроения - повышенный интерес к личному, частному, к тому, что называется бытом. Складывается новоаттическая бытовая комедия, героями которой были представители средних и низших слоев, далекие от политики и преданные лишь своим личным интересам.

Новая комедия - это своеобразный «разговорный» драматический жанр. Выступления хора представляли собой вокальные интермедии, содержание которых целиком зависело от замысла постановщиков. Так, например, комедии Меандра состояли из пяти актов. Два акта дают завязку действия,

третий - кульминацию, четвертый и пятый - развязку. Время действия - сутки, место действия не меняется, **[196]** сосредотачивается обычно на улице перед домами действующих лиц. На почве именно этой формы театрального действа появилось правило «трех единств»: места, времени, действия, которое позже восприняла классицистическая драматургия.

Произошли изменения и в устройстве театра. Спектакли шли на возвышенной сценической площадке, прислоненной к зданию скены, а сама скена имела 2-3 этажа. Новая сценическая площадка была названа проскением (т.е. пространство перед сценой). Трехмерное построение мизансцен и оформления уступило место двумерному, плоскостному. Появились писанные, живописные декорации, которые укрепляли созерцательное отношение к спектаклю, пришедшее на смену его прежнему активному восприятию.

Репертуар эллинистического театра состоял из бытовых комедий и некоторых трагедий Софокла и Еврипида. Изменилась в эллинистическом театре и его организационная структура. Актеры становились чисто драматическими, утрачивая синтетическое (вернее, синкретичное) мастерство и пафос архаического прадейства. И хотя лицо же актера по-прежнему было закрыто маской, исполнение отличалось условностью, а костюм уже ориентировал зрителя на сопереживание современности.

Процесс преемственности театральных культур Греция - Рим определил не только расширение всей палитры зрелищных искусств, но и трансформацию эстетической компоненты театральной практике. Новая культура Рима возникла на основе освоения и переработки греческого наследия. В свою очередь историки театра рассматривают римский театр как своеобразное соединительное звено между греческим и новоевропейским театром. Истоки римского театра также можно отнести к аграрным оргиастическим праздникам, напоминавшим древнегреческие Диониссии. На этих праздниках распевались насмешливые диалогические песни - фесценнины, нередко весьма язвительного содержания.

Кроме того, нельзя не сказать еще об одном виде зрелищно-игровой деятельности в древнеримской культуре. Это - сатура, состоявшая из диалога, музыки, мимики и пляски. Исполнители сатуры назывались гистрионами. Это слово этрусского происхождения и свидетельствует о том, какое существенное влияние оказали зрелищные искусства этрусков на формирование римского театра. **[197]** По рассказу историка Тита Ливия, когда Рим постигло моровое поветрие (364 г. до н.э.), чтобы умилостивить богов, решили устроить сценические игры, «дело новое для воинственного народа, так как до этого зрелища ограничивались только конскими бегами». Для этого из Этрурии были приглашены плясуны, танцующие под аккомпанемент флейты. Затем этрускам стала подражать местная молодежь, прибавляя к пляскам шуточные диалоги в стихах, мимику, пение, что и породило «сатуру», т.е. «смесь».

Другим видом театрального действа были ателланы - драматические представления, заимствованные римлянами от племени осков во время войны в Кампании (ок. 300 г. до н.э.). Ателланы – комические сценки, напоминаю-

щие греческий мим. В них действовали четыре комических персонажа: Макк, Буккон, Папп, Доссен. Макк представлял собой трусливого дурака, увальня и обжору. Буккон - хитрый, пронырливый болтун. Паппа изображали богатым, скупым стариком. Доссен - злой, назойливый, ученый-шарлатан. Аттеланы игрались в маске.

Особым успехом у римлян пользовались комедии Невия, которые представляли собой переработку новоаттической бытовой комедии. Отношение к оригиналам у Невия было достаточно свободным. Он впервые ввел контаминацию, т.е. сочетание в одной пьесе сюжетов из нескольких греческих комедий с целью усложнения ее интриги. Этим приемом пользовался Плавт, позже драматурги эпохи Возрождения: Ариосто, Шекспир, Мольер и др. Комедии Невия назывались паллиатой, т.к. ее герои носили греческий плащ - паллий. Действие в пьесах происходило где-нибудь далеко за пределами Рима, в Греции.

Реформация театрального действа периода Римской республики связана также с именами Квинта Энния, Тита Макция Плавта и Публия Теренция Афра. Они увеличили музыкальность драматического стиха, создав предпосылку развитию римской театральной декламации; внесли в текст комедий элементы быта римлян, обычаи, термины.

Со временем паллиата уступает место жанру комедии с национальным римским содержанием. Формируются литературная ателлана или тогата. Тогатой в Риме называли комедию, в которой действующие лица выступали в тогах. Параллельно развивается мим, где актеры выступали без масок, что открывало простор для мимической игры. **[198]** Среди мимов уже появились женщины, участие которых придавало спектаклям определенную степень эротизированности. До середины I века мим оставался импровизационным, лишь впоследствии получив литературную обработку (Децим Лаберий, Публилий Сир).

Четыре раза в году в Риме отмечались государственные праздники Великой Матери (апрель), Аполлона (июнь), Римские игры (сентябрь), Плебейские игры (ноябрь), во время которых устраивались театральные представления. Театральное действо «творилось» также во время триумфальных и погребальных игр, при выборах должностных лиц и по другим поводам. На римских праздниках драматические представления шли нередко вместе с цирковыми играми и гладиаторскими боями, причем зрители отдавали предпочтение последним.

В отличие от греческого театра, в котором основным было коллективное начало, авторское исполнение, римскому театру было свойственно увеличение зрелищной стороны спектакля, заслонившее актерское мастерство.

В эпоху Римской империи самым распространенным из видов театрального действа становится мим. Темами мимов служили супружеские измены, приключения разбойников. Другим видом зрелищ был пантомим - сольный танец, в котором единственный актер исполнял несколько ролей. Актер носил театральный костюм и маску с закрытым ртом. Пантомимический танец сопровождался ариями-монологами, которые исполнялись хором

певцов под аккомпанемент оркестра. В эпоху империи большим успехом пользовались зрелища, показываемые в цирке и амфитеатре. В цирке проводились состязания колесниц, бег, кулачные бои. В амфитеатре устраивались гладиаторские сражения. Подобные зрелища амфитеатра и цирка уже не имели ничего общего с возвышающим душу античного человека, «переплавляющим и очищающим» театральным действом.

В результате анализа процессов формирования театрально-художественной практики как особого способа освоения, отражения и преобразования действительности в Античности можно сделать следующие выводы:

Смещение акцентов на эстетическое перенесло театрализованные представления в лоно художественной культуры. **[199]** Функционирование в отличной от религии сфере общественного сознания предъявило свои специфические требования к способу бытования традиционных мифологических сюжетов. Выделение античной трагедии и комедии в автономную художественно-эстетическую единицу произошло одновременно с обособлением индивидуального начала в противовес коллективному, воплощенному в действии хора. Снижение значимости хора постепенно привело к уменьшению удельного веса ритуальных действий и отдалению театра от его культовых корней, появлению новых, художественных смыслов в рождающемся светском зрелище. Театрально-художественная практика воплотила стремление античного человека к гармонии и совершенству во всех сферах человеческой деятельности, что отразилось в канонизированной структуре, регламентированности сюжетного и художественно-коммуникативного аспектов классических форм театрального действа. Процесс окончательного конституирования классической модели театрального действа отразился в появлении мета-продукта театральной деятельности - драматургии как возможности литературной фиксации сюжета сценического действия, логики развития перипетии.

Анализ драматургических произведений античных авторов с оформившейся структурой литературных текстов позволяет делать вывод о предшествующем этому процессе оформления структуры театрального действа как сумме творческих актов по созданию, трансляции и восприятию сценического театрально-художественного образа. Классические формы театрального действа в период Античности носили ярко выраженный социализирующий характер, став художественным символом древнегреческой культуры. К исходу античности театральное действо теряет свое «соборное» значение, продолжая существование по инерции, как один из элементов сферы зрелищ и развлечений Римской империи.

Библиография

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики. М. 1994.
2. Гораций. Об искусстве поэзии. М. 1984.
3. Аверинцев С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к Средневековью// Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., 1976. **[200]**
4. Античная драма. М., 1970.
5. Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. К. 1991.
6. Бычков В.В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. М., 1977.
7. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Сирах 38 5-24 // Библия. Брюссель, 1973.

ПРОБЛЕМА БЫТИЯ И БЫТОВАНИЯ В АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

Я.Н. Кунденко (Харьков)

Античная культура - колыбель научного мышления. Именно в этот период оформляется основная проблема философского исследования - поиск первоначала сущего и возникает философия как наука о всеобщем. Последующее историческое развитие связано с конкретизацией понятия «бытие». Современная неклассическая философия выступает противоположностью античной, так как обращается уже к первоначалам существующего - к бытию человека, «бытию-сознанию», объединяющему мироздание в своем мышлении. Следовательно, философия приобретает иное значение, становясь наукой о единичном бытии человека в культуре, в том числе и повседневном бытовании. Классическое пренебрежение связанного со сферой повседневной жизни единичного сменяется в современной культуре интересом именно к непосредственности человека. Это делает необходимым философское определение понятия «повседневность» в его историческом становлении и логической значимости.

Прежде чем оформиться в качестве предмета теоретического исследования, понятие «повседневность» проходит долгий путь становления. Культура Античности отличается и интересна с точки зрения осознанного формирования повседневной жизни. В этот период вырабатывается идеал, и оформляются культурные реалии повседневности. Древние греки начинают с понимания своего мира как обжитого родного дома, преодолевая природную непосредственность, делают свою жизнь предметом исследования, представляя высочайший образец осознанного построения жизни развитого, культурного человека. **[201]**

Одновременно возникает наука - противоположность обыденному уровню сознания, однако в этот период способом ее исследования является здравый смысл, присущий повседневной жизни, за рамки которого античные философы не выходят. Подтверждением этого является поиск ионийских философов первоначала сущего. Оно представляется им различными чувственно-определяемыми природными элементами, которые человеческое сознание выделяет на обыденном уровне, в начале познавательного поиска. Однако уже ранняя античная философия переносит истинное бытие из области здравого смысла и чувственной реальности в сферу науки и умозрения пока в форме представления. Так, Пифагор с презрением отзывается о видимом мире, как о ложной иллюзорной «мутной среде», тьмы и тумана. Поэтому, математические знания, полученные не наблюдением, а посредством размышления, казались идеальными, по сравнению с которым будничное, эмпирическое знание несостоятельно. При остром неприятии мира реальной жизни Пифагор продолжает традицию учить жизни собственным примером. Он разрабатывает правила достойной человека обыденной жизни, неукоснитель-

но следуя им в назидание окружающим. В рекомендациях призывает он к умеренности и простоте, потому что это приносит здоровье телу и ясность уму. Так посредством введения культурных норм повседневной жизни формируется духовная сущность человека.

На основе рассуждения Пифагора об истинном и мнимом бытии последующее философское направление - элейская школа - в лице Ксенофана высказывается против чувственного мира и конечных определений мышления, что соотносится со сферой повседневного. Однако и здесь метод еще не выходит за рамки здравого смысла, так как критерием истины считается мнение, то есть обыденное мышление, а не научное, точное и достоверное. Парменид же окончательно отождествил истинно сущее с мыслью. Чем окончательно разграничил мир сущностей и мир обыденности. Первый является предметом исследования философии, метод которой - умозрение, «путь истины» при одновременном существовании «пути мнения» - обманчивой системы мира, существующей в повседневной жизни, уводящей философию с правильного пути. Чувственный мир и его способы познания, наблюдение и суждение, основанные на образных представлениях, элеаты признают неистинным. **[202]**

Таким образом, формируется понятие обыденного мышления, здравого смысла и представления о нем, которые потом будут дополняться и конкретизироваться в той части философии, которая занимается вопросами онтологии и познания наряду с практическим направлением, исследующим не столько мышление, сколько сферу действия, опосредованного мыслью - жизнь человека. Для изучения повседневного мира необходимы характеристики как первого, так и второго направления, потому что они дают возможность получить целостную картину: здравый смысл - основание повседневности, сфера оценки и формирование поведения в обыденных ситуациях, повседневная предметность как видимая реальность.

Софисты и Сократ - представители нового этапа в развитии человеческой мысли. С этого момента натурфилософия досократиков сменяется антропологией. Предметом познания становится мысль, но поиск критериев истинности приводит в осуждаемый ранее субъективный мир мнений и формируемую им сферу повседневной жизни. Однако это необходимо как начальный этап восхождения по лестнице познания. Софисты направляют мысль от проблем вечносущего единства бытия к «мирским» предметам и человеческим взаимоотношениям. Сократ углубляет эту тенденцию, полностью сращивая свое философствование с повседневной жизнью и превращая ее в жизнь в процессе философствования.

Для софистов определяющим был человек именно со стороны этой субъективности, конкретности и случайных целей. Рассуждения софистов соответствуют состоянию мышления на обыденном уровне. Это время развития структур здравого смысла, называемого Гегелем «софистикой здравого представления».

Этот недостаток пытается преодолеть Сократ, выделяя на материале конкретности общие выводы и понятия, делая шаг от здравого смысла к нау-

ке. Отделяя конкретное, он заставляет осознать содержащееся в нем всеобщее, то есть идет по пути преодоления и снятия обыденного уровня мышления. Переход в мир понятий или «мир идей» сделает его ученик Платон, отделяя разумно-сущностную составляющую от ее повседневной основы.

Важным для становления понятия «повседневность» были предъявленные в рассуждениях софистов и Сократа свойства обыденного сознания: субъективизм, дискретность и противоречивость. **[203]** Эти рассуждения находят продолжение в этико-практической философии Аристотеля и философии эллино-римского периода.

Явление повседневной жизни исследовали философы сократических школ. Следуя за Сократом, главной целью своих исследований они считали индивидуальную жизнь, выработку основ поведения человека в различных жизненных ситуациях. Так, представитель киренской школы Аристипп интересен не столько с точки зрения его философского учения, но, главным образом, как личность, активно применяющая свои взгляды в собственной жизни. Это было время апробации тех или иных повседневных структур.

Так же, как киренаики, киники ставили перед собой задачу определить, что должно быть основой в познании и в поступках. По сути дела, в этическом учении киников нет рефлексии, а есть становление жизненных форм, выработка культурных реалий повседневности. Они стоят на распутье, что свойственно раннему периоду развития культуры человечества: принять или не принять культурный, то есть опосредованный мир человеческой жизни, или вернуться к природной простоте и натурализму, естественному ходу вещей. По их мнению, соответственно принципу добра, человек должен довольствоваться простыми естественными потребностями. Все особенное, ограниченное, достижение чего является предметом заботы людей - недостойно человеческого внимания и желания. Поэтому природа ценнее, чем обычай, и необходимо развивать привычку к природной жизни, становиться выше наслаждений тела, усложняющих жизнь и не ведущих к счастью. Часто киников называют философами без философии. Они жили в соответствии со своими научными воззрениями и жизнью доказывали их.

Как философия Сократа и софистов, так взгляды киников и киренаиков являются философствованием на уровне здравого смысла. Это подтверждается тем, что сократовская добродетель заключается в поступках и не нуждается ни в словах, ни в науках. Философы этого времени враждебно относятся к отвлеченному теоретизированию и переносят взгляд на практическую сторону добродетели, которая является сферой повседневного.

Важную роль киники отводят благоразумию как прочной основе добродетели. Разум, по их мнению, должен руководить человеком, помогать выстоять в жизни, указывать, что нравственно, чтобы не оказаться в плену страстей, ведущих к несчастью. **[204]** Эта тенденция разумного обустройства жизни будет продолжена и развита Демокритом и Аристотелем. Спутницей разумной и добродетельной жизни, по мнению киников, является бедность. Одна из характеристик повседневной жизни - понятие материального достатка - проходит в исследованиях красной нитью до настоящего времени. Не бо-

гатство и знатность, по их мнению, составляют силу человека, а его смекалка, находчивость, природный ум, чувство юмора и здравый смысл. В рассуждениях киников также упоминаются негативные свойства обыденной жизни: праздность, эгоизм, властолюбие, честолюбие, пресмыкательство, несправедливость, которые пополняют «копилку» человеческих пороков, формируют набор «антиценностей». Эти недостатки, по мнению киников, - результат «неразумного» жизненного пути, т.к. люди изначально не злы, «но сбиваются, идя вслед за другими, и не возвращаются в свое добродетельное природное состояние» [1, с.268]. Добродетель доступна обучению, и людей надо учить, как поступать в жизни. Таким образом, формируются реальные структуры повседневности, первые попытки ее изучения при одновременном применении этих идеалов в собственной жизни.

Интересным является этическое учение Демокрита, который первым выделяет специфичность культуры как продолжение развивающейся природы в сфере деятельности человека. Причиной ее появления и движущей силой он считает нужду и пользу, то есть пригодность для удовлетворения потребностей человечества, предварительно осознанных и оцененных. Демокрит подчеркивает необходимость для человека «достроить» свою природность воспитанием и обучением, приходит к обязательности выработки идеала построения жизни. Демокрит, как Сократ и софисты, вводит в научный оборот рассуждения о явлениях обыденной человеческой жизни и не считает лишним в научной теории рассуждать на такие темы, как смысл и цель человеческой жизни, счастье с присущими ему наслаждением и страданием, бедностью и богатством, щедростью и бережливостью, воздержанностью, вводит понятие досуг, «дельный человек». Из этого складывается определенный идеал человека, который подчиняет свою жизнь разумной цели. Основным критерием ее является мера во всем, **[205]** приносящая человеку радостное расположение духа и независимость от преходящих вещей, предметов ненасытного влечения, наполняющего жизнь страданием. Демокрит приходит к выводу о необходимости и неизбежности «окультуренной» жизни человека, наполненной не только стремлением к вечному, но преходящими делами и заботами. Этот мир повседневности не непосредственен, как мир природы, и поэтому нуждается в осознанном построении. Узловые моменты этой теории жизни он предлагает в своем этическом учении.

Противоположное мнение о мире человеческой культуры и месте в нем преходящего, чувственно-предметного, обыденного обосновывается в работах Платона. Акцентируя внимание на истинно-сущем, достойном познания, вечном и божественном, чем является мир идей, Платон противопоставляет ему мир вещей. Для человека - это мир его повседневного окружения. Эта сфера, по мнению Платона, неистинна в силу своей близости к телесному. В диалоге «Федон» Платон дает характеристику не только миру идей, но и его противоположному миру - телесному: «...человеческому, смертному, постигаемому не умом, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собой», [2, с.82], - так он характеризует сферу повседневного. Отсюда, по Платону, определяются свойства знания, присущего

повседневной жизни - это мнение, которое является специфической ступенью познания. Познание стремится постигнуть сущее. Мнение противоположно ему, но не потому, что его содержание составляет ничто (это было бы невежеством), а в том смысле, что нечто мнится. Следовательно, повседневное знание - мнение - является промежуточным между невежеством и истинным знанием, его содержание есть смесь бытия и ничто (онтология повседневности), причем «истинное мнение ведет нас к правильным действиям не хуже, чем разум» [2, с.407].

Философия Аристотеля синтезирует непосредственность сократиков и «идеальность» взглядов Платона. Аристотель разграничивает сферы научного и практического мышления, к которому можно отнести и повседневное мышление. Наука - это знание знания, направленное на необходимое, собирающее мир в определенное единство и взаимосвязь. Оно осуществляется разумной частью души в процессе созерцания на досуге, который должен быть у человека. Но Аристотель считает, что одной теории недостаточно. **[206]** Неправ тот, кто думает, что может стать нравственным только философствуя, как не станет здоровым больной, который внимательно слушает врачей, но ни в чем не следует их предписаниям. Таким образом, теоретическое мышление не в состоянии привести что-либо в движение, оно должно быть подкреплено практическим мышлением, формируемым рассудочной частью разумной души. Мир немыслим без энтелехии, без осуществления какой-либо цели. Добродетелью, наилучшим качеством сферы действия, Аристотель считает практичность. Повседневность - есть сфера действия, осуществления, поэтому практичность является основной нравственной ценностью. Практичен тот, по мнению Аристотеля, кто способен хорошо взвешивать обстоятельства, верно рассчитывать средства для достижения цели, ведущей к благополучию. Практичность, связанная прежде всего с умеренностью, приходящая по мере накопления опыта, нуждается в добром совете, проницательности, рассудительности и изобретательности. Аристотель подчеркивает, что практичность не определяет добродетель в человеке, но без нее высшее благо - мудрость - невозможна. Одновременно Аристотель фиксирует ограниченность практичности, так как она является низшим видом человеческой деятельности, лишена покоя и стремится всегда к известной цели, нуждается при этом во многом, поэтому не самодостаточна. Причем наихудшей частью практической деятельности является обыденная. Недостатком практической деятельности, в том числе и повседневной, Аристотель считает беспокойство, непрерывные заботы о достижении определенных «приземлённых» целей, страдание от неудач, отсутствие досуга, который должен быть заполнен умозрительной деятельностью, добродетель которой - мудрость, приносящая блаженство. Только она делает жизнь счастливой. Модель жизни для человека, представленная Аристотелем, объединяет философские исследования на эту тему периода Античности: магистрально в ней стремление к божественному идеалу, высшая цель - созерцательное постижение, интеллектуальная интуиция, жизнь сообразно тому, что в нас сильнее и значительнее - божественному разуму. Но достижение высшей цели жизни не означает бегства от

действительности и исключения повседневности, так как человеческая природа несовершенна и нуждается в ряде благ: здоровье, пище, благоприятных условиях жизни. **[207]** Все это, по мнению Аристотеля, вынуждает обращать внимание на менее совершенную, подчиненную сферу - обыденную жизнь. Эти положения Аристотеля развивают философы эллино-римского периода, намечая тенденции уже следующего этапа в развитии человеческой мысли - Средневековья.

Эллино-римский период становления понятия «повседневность» является временем «растворения» этических идеалов, выработанных в античной классике и адаптированных жизненными исканиями киников и киренаиков в индивидуальном внутреннем мире человека. В период нестабильности и острых социальных кризисов предложенные извне жизненные догмы и стратегии должны были быть переработаны и осознаны каждым. Поэтому основное внимание мыслителей сосредоточено на проблеме выбора в жизни, преодоления или избежания препятствий и страданий, а также встрече со смертью. Основными философскими направлениями этого периода являются учение Эпикура и стоицизм. Первое - учит человека жить в удовольствии и безмятежности духа, второе - достойно жить и мужественно принять смерть, т.е. полностью включены все процессы, протекающие на фоне повседневной жизни. Философов в данный период интересует не вопрос, «что есть мир» и «как он существует», а вопрос, «как в нем жить». Вырабатываются не только формы повседневной жизни: в бедности или богатстве, удовольствии или терпении, в уединении или государственной деятельности, но и ценностный аппарат, на основе которого моделируется поведение в пределах этих форм.

Таким образом, основной тенденцией культурного творчества в сфере повседневности в период Античности является вписывание микрокосмоса человеческой жизни в космос мироздания. Были осознаны и выработаны формы, в которых она протекает. Человеческая жизнь теряет свою природную непосредственность и должна обрести смысл, войдя в традицию. Обсуждается не только статус обыденной жизни, но и ее основные элементы. Это основа, культурный идеал для всего человечества должен был стать не только внешней нормой, предлагаемой человеку обществом посредством нравоучений философов и моралистов, но стать внутренним убеждением, ценностью для каждого, принятой сердцем, а не разумом, что и происходит в период Средневековья. **[208]**

Таким образом, в период Античности проблема повседневности была обнаружена и философы исследуют наиболее очевидные ее составляющие, хотя осуществляется это в контексте разработки иного, истинного жизненного пути в философствовании и мудром деянии.

Библиография

1. Диоген Лаэртский. О жизни и изречениях знаменитых философов / АН СССР, Ин-т философии; общ. ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. - М.: Мысль, 1979. – 620 с.
2. Платон. Соч. в 3 т. - М.: Мысль, 1971. Т. 1. – 687 с.

АНТИЧНЫЙ МИФ В ПОЭТИКЕ КОРТАСАРА (РЕЛИГИОЗНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Анна Волкова (Харьков)

Мы обращаемся к проблеме отношения мифа и литературы на примере рассказов Хулио Кортасара. Мы впервые формулируем систему принципов прочтения и анализа кортасаровских рассказов с точки зрения неомифологии, характерной для мировой литературы XX века в целом.

Мы ставим задачу доказать, что поэтика кортасаровских рассказов может быть охарактеризована как мифопоэтика. Для этого мы систематизируем существующие подходы к изучению проблемы «миф и литература». Эта проблема разрешается по-разному. Есть несколько подходов к ее решению, причем каждый из них апеллирует к различному пониманию проблемы. Мы считаем, что все подходы можно свести к трем общим направлениям. В настоящем исследовании мы анализируем творчество Кортасара, применяя последовательно все обозначенные нами подходы. Мы стремимся найти подход, наиболее эффективный для обнаружения мифопоэтики у Кортасара.

В понимании сущности и характера мифа взгляды разных исследователей нередко принципиальным образом расходятся. Существует множество определений мифа. Это объясняется разными взглядами исследователей на функции мифологии, различными воззрениями на соотношение мифа с религией, философией, искусством. **[209]** Мелетинский [3,164] отмечает, что все дефиниции мифа подразделяются на две категории: как правило, миф рассматривается или как фантастическое представление о мире, как система фантастических образов богов и духов, управляющих миром, или как повествование, рассказ о деяниях богов и героев. В основе мифа лежит метафора, воспринимаемая как действительность.

Можно выделить три подхода к изучению функционирования мифа в литературе:

1. Прямое использование автором мифа. Миф служит инструментом выражения воли автора. Происходит сознательное заимствование автором мифопоэтических сюжетов, образов и ситуаций в виде мифологем.

2. Миф явно не используется, однако могут быть выявлены основные элементы мифического. Их обнаружение и является проблемой мифопоэтики. Такого рода исследования могут быть разделены на два подхода:

2.1. Феноменологический подход Элиаде: основным порождающим элементом мифического является событие, явление сакрального – иерофания, – а миф как повествование служит одним из инструментов открытости священному.

2.2. Подход, в котором сущность мифического связывается со структурными особенностями мифологического повествования.

В отечественной традиции исследования мифопоэтики доминировал 2.2. подход, связанный со структурно-семиотическими исследованиями (Мелетинский, Пятигорский, Топоров, Лотман, Успенский), в то время как 2.1. подход, связанный с описанием источника мифологического повествования, оставался в тени.

3. Методологически альтернативные 2.1. и 2.2. подходы не могут рассматриваться как конкурирующие и, по всей видимости, первый, феноменологический, подход должен быть дополнен использованием результата второго через исследование проблемы возникновения мифического повествования из мифического события.

Творчество Кортасара можно рассматривать посредством всех трех подходов, что мы и демонстрируем. Классический подход применим, но малоэффективен, так как у Кортасара мы находим мало примеров такого использования мифа. Это такие рассказы, как «Менады» [1,170-185] и «Цирцея» [1,85-103]. Для этих рассказов автор **[210]** использовал два архетипических мифологических сюжета, что ясно уже на уровне заглавий, сразу отсылающих нас к мифам.

Рассказы Кортасара позволяют нам показать преимущество подхода Элиаде, так как явной структуралистской мифопоэтики у Кортасара нет, но его поэтика ориентирована на мифическое событие сакрального. Мы также, в виде эксперимента, покажем возможности третьего подхода.

Понятное и обоснованное толкование мифического мы встречаем у всемирно известного исследователя и писателя Мирчи Элиаде. Элиаде доказывает, что сознание любого человека религиозно, мифические архетипы заложены в каждом человеке независимо от того, является ли он верующим или нет [4,131]. Священное проявляется как реальность иного плана, которая отличается от естественной, т.е. мирской реальности. Священное - это то, что противостоит мирскому [4,17]. Человек узнает о священном потому, что оно проявляется, обнаруживается как нечто совершенно отличное от мирского. Для объяснения того, как проявляется священное, Элиаде предлагает термин иерофания.

Иерофания - это нечто священное, предстающее перед нами [4,14]. Во всякой иерофании, даже самой элементарной, заключен парадокс, который мы никогда не сможем полностью понять. Выражая священное, объект остается объектом окружающего нас мира - Космоса, противоположного беспорядочной, бесформенной сущности. Таким образом, для людей, имеющих религиозный опыт, весь окружающий мир может проявляться как священный Космос.

Противопоставление священного мирскому можно представить как оппозицию «реальное – ирреальное». Отсюда следует, что стремления религиозного человека направлены на то, чтобы полностью погрузиться в реальность, вбирая в себя ее могущество.

Иерофания удваивает мир на подлинный и профанный. Такой двойственный мир представлен в рассказе «Другое небо» [2,224-242].

Пространство и время представляют собой основные мифические структуры. Именно они дают возможность упорядочить хаос непознанного мира путем приобщения его к священному. Эти мифические структуры (пространство и время) выполняют двойственную функцию: они служат как архетипической моделью поведения, так и способом включения в «ойкумену» нового путем его сакрализации. **[211]**

Священное и мирское представляют собой два образа бытия в мире. По этим двум способам существования можно судить о различии положения, которое занимает человек в космическом пространстве. Для религиозного человека пространство в мире неоднородно: в нем много разрывов, разломов; одни части пространства качественно отличаются от других. Есть пространства священные, т.е. «сильные», значимые, и есть другие - неосвященные, лишенные структуры и содержания. Когда священное проявляется в какой-либо иерофании, возникает тот самый разрыв пространства, который позволяет собственно сотворить мир, ибо иерофания обнаруживает «точку отсчета», некий «Центр мира». Всякое священное пространство предполагает некое вторжение священного, то есть иерофанию. В результате такого вторжения из окружающего космического пространства выделяется какая-либо территория, которой придаются качественно отличные свойства.

В рассказе «Захваченный дом» [1,33-37] прослеживается мысль о том, что жилище несет в себе нечто священное. Известно, что дом занимает важное место в ритуалах и мифологии. Всякое постоянное жилище, где устраивается человек, равноценно в философском плане определенной бытийной ситуации, которую он принимает для себя. Владение домом свидетельствует об устойчивом положении в Мире. Лишившись своего сакрального пространства, герои рассказа теряют смысл существования.

Так же, как и пространство, время для религиозного (мифического) человека неоднородно и не беспрерывно. Есть периоды священного времени, и есть мирское время. Период священного времени - это время праздников, большая часть которых повторяется с определенной периодичностью. Мирское время включает в себя обычную временную последовательность, где происходят действия, не несущие никакой религиозной нагрузки [4,49].

Большое значение имеет цикличность времени. Для религиозного человека древних цивилизаций мир обновляется ежегодно. Можно сказать, что с наступлением каждого нового года мир вновь обретает исходную «святость». Для мифического человека всякое создание и всякое существование начинается во Времени. Концепцию о сакральном циклическом времени иллюстрируют рассказы «Непрерывность парков» [1,141-142] и «Остров в полдень» [2,184-192]. **[212]**

Среди обстоятельств, вызывающих иерофанию, можно выделить восприятие другого существа как экстатическое единение с ним. В такие моменты какой-либо объект превращается в нечто иное, не переставая при этом быть самим собой [4,18]. Такое магическое или мифическое восприятие другого является темой рассказов "Место под названием «Киндберг» [2,317-330], «Дальняя» [1,59-69], «Аксолотль» [1,212-218].

Также иерофаническим событием может стать случай. Этому посвящены рассказы «Рукопись, найденная в кармане» [2,279-293] и «Южное шоссе» [2,99-127].

Описание мифического события у Кортасара влечет за собой возникновение элементов мифопоэтической структуры повествования без прямых и явных оценок мифа. Греческая мифология неявно оказывается резервуаром мифологем, которые возникают при описании различных мифических событий. Парижское метро с его переходами, описанное в рассказе «Рукопись, найденная в кармане» [2,279-293], напоминает нам о лабиринте. А герой рассказа, подобно Тезею, бродит в поисках Ариадны, которая вывела бы его наверх. Миф о Нарциссе легко накладывается на рассказы «Дальняя» [1,59-69] и «Аксолотль» [1,212-218]. В рассказе «Письмо в Париж одной сеньорите» [1,48-58] присутствуют структурные элементы мифа о Кроносе. Конечно, соответствие кроликов богам-олимпийцам довольно комично, но именно в этом и проявляется особенность поэтики кортасаровских рассказов, в которых ирония соединена с трагизмом.

Итак, мы рассмотрели некоторые рассказы Кортасара с точки зрения присутствия в них элементов мифического. Мы последовательно применили три способа обнаружения мифического, воспользовавшись, во-первых, классическим подходом, во-вторых, феноменологическим подходом М. Элиаде и, в-третьих, в порядке эксперимента обозначили подход, при котором мифическое повествование возникает из мифического события. Мы показали, что классический подход малоэффективен в применении к Кортасару, так как мы находим мало примеров такого использования мифа в его творчестве. Мы также показали, какие возможности заключаются в пути исследования, который представляет собой синтез двух подходов: феноменологического и структурно-семиотического. Мы считаем, **[213]** что описание мифического события у Кортасара влечет за собой возникновение элементов мифопоэтической структуры повествования без прямых и явных оценок мифа.

Подход Элиаде оказался наиболее продуктивным. Поэтика Кортасара близка к пониманию мифического в определениях Элиаде и может быть охарактеризована как мифопоэтика в нетрадиционном смысле.

Библиография

1. Кортасар Х. Врата неба: Рассказы: Пер. с исп. - СПб.: Амфора, 1999. – 428 с.
2. Кортасар Х. Истории хронопов и фамов: Рассказы: Пер. с исп. – СПб.: Амфора, 1999. - 381 с.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. - М.: Наука, 1976. - 407 с.
4. Элиаде М. Священное и мирское: Пер. с франц. - М.: Изд-во МГУ, 1994. –144 с.

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ

А.М. Болгова (Белгород)

Общеизвестно, что общий уровень культуры страны тесно зависит от уровня ее классического образования, которое является основой европейской, а значит и современной мировой цивилизации[1]. Между тем, секуляризация мысли и сознания с эпохи Возрождения, а со 2-й половины XIX в. и слепая вера в механический, автоматический прогресс человечества за счет развития техники стали толкать Европу к отказу от классической и гуманистической традиции в образовании. «Не стоит терять драгоценное время на Цицерона и Софокла, нужны реальные технические познания», - таковы были лозунги реформаторов-прогрессистов от германского императора Вильгельма II до русских демократов[2]. Однако «почти каждая эпоха и каждая фаза просвещения с нетерпением и досадой пытались освободиться от греков, ибо при сопоставлении с ними все достигнутое своими силами, якобы подлинно оригинальное и заслуживающее **[214]** искреннего восхищения, внезапно лишалось окраски и жизненных сил, превращаясь в бледную копию, если не в жалкую карикатуру»[3].

Из всех видов образования лишь классическое имеет своей целью преимущественно умственное и нравственное совершенствование человека. И именно это должно быть подлинной целью развития любого общества, хотя кажущиеся цели обществ всегда были другими.

«Нет ничего невежественнее, чем утверждать, что нам у античности нечему учиться, так как мы ее давно опередили, и что классическая школа не прогрессирует со временем. Античность и ее место в образовании равны месту хлеба в питании», - писал апологет античности в России Ф.Ф. Зелинский[4]. Обычная школа дает лишь сумму знаний, которая со временем утрачивается. Классическая гимназия дает уму такую подготовку, которая приспособит его с наименьшей затратой сил и времени и с наибольшей пользой воспринимать те знания, которые ему понадобятся впоследствии.

Изучение античности в русской классической гимназии было основным и включало три важнейших элемента: 1) древние классические языки; 2) произведения избранных античных авторов в подлиннике; 3) античная история и культура. Каждая из этих частей, особенно третья, имеет непреходящее воспитательное значение.

Ни наука, ни учеба непосредственно нравственных целей не преследуют. Обладание истиной само по себе не делает человека нравственнее. Лишь тот путь, которым она досталась, лишь то усилие, которое мы делаем над собой, - вот в чем заключается нравственный смысл науки и учения. Но большинство учебных предметов воспитывает скорее не нравственность, а непереубедимость и нетерпимость. Поэтому защитники классического образования видели в древних языках и античной истории необходимый в обучении нравственный элемент.

Чтобы иметь право судить об античности, нужно иметь очень много знаний, ибо наука об античности – предмет энциклопедический, с огромной широтой кругозора, с большой суммой затрачиваемого труда. Лучшие российские антиковеды и филологи-классики, работавшие еще в начале XX в. и в гимназиях, были в значительной степени гуманистами и энциклопедистами.

Античный гуманизм требовал прежде всего положительного отношения к жизни. «Видеть, как человек сам себя понимает, **[215]** в чем он усматривает равнодействующую между нравственным законом и собственным Я (практической этикой), - это такое умственное наслаждение, выше которого трудно и представить себе»[5].

Античность завещала нам своеобразный кодекс мыслителя на все времена: каждое положение должно быть доказано, а для этого нужно, чтобы человек был убедимым и переубедимым. Что же может способствовать этому в большей мере, нежели античная идея умеренности, меры во всем, «золотой середины»? Приобщение же к античности и ее идеям «из первых рук» помогает воспитать в себе познающего человека, для которого выше всего истина и родство со всем духовным и который выводит из этого познания свой истинный гражданский долг.

Античные тексты несут в себе колоссальный нравственно-патриотический воспитательный заряд. Патриотические чувства ребенка воспитываются прежде всего на примере героев отечественной истории. Но как воспитать уважение к героям других народов? Здесь рядом с библейским Давидом свое место должны занять и триста спартанцев у Фермопил, и пожертвовавший собой во имя победы римский консул Деций Мус. Только в древней Греции родилась мысль о том, что государство – это средство к нравственному воспитанию и совершенствованию человека, что политика есть завершение этики. Только древний Рим возвел служение своему государству в высший моральный долг. Можно привести массу других примеров.

Главная беда прежнего классического образования в России заключалась в том, что его пытались дать чуть ли не каждому мальчику из состоятельных или привилегированных сословий. Это был единственный путь к высшему образованию и связанным с ним преимуществам. Среди детей помещиков, купцов, лавочников было много тупых, ленивых, для которых изучение древних авторов было бессмысленно. Обучение превращалось порой в фарс[6].

Россия с невероятной скоростью создала систему классического образования почти на пустом месте. К началу XX в. эта система успела несколько раз поменяться, но реальные плоды этой реформы были все же получены. Всплеск русской образованности, науки, литературы, искусства в России в начале XX в. – реальные достижения этого в чем-то скоропалительного, но правильного в своей основе образовательно-воспитательного процесса[7]. **[216]**

Избранный Россией в XX веке исторический путь оторвал страну от ее прошлого с невиданной последовательностью и решимостью. Причиной этого во многом стало отношение к классическому образованию в среде части русской интеллигенции как к оплоту реакции. Тем не менее, для лучших представителей отечественного антиковедения XIX-XX вв. было характерно восприятие античности через живые и доступные примеры, дающие возможность размышлять, убеждать, предостерегать, воспитывать. Наиболее эффективный способ превращения прошлого в живую действительность – проник-

новение в духовный мир человека античности. Этого не хватало прежней русской гимназии. В современной России для этого нет препятствий.

Не обольщая себя надеждами в отношении степени и масштабов возрождения элементов классического образования и их влияния на нравственность сегодня, все же следует отметить: при государственной поддержке сегодня можно реально создать одну из прослоек интеллектуальной элиты, ориентированную именно на классические ценности. Пусть круг этих людей будет небольшим, но их роль в обществе должна стать заметной.

Как в условиях модернизации и прогресса, так и в эпохи упадка и деградиции (а эти тенденции в сегодняшней России причудливым образом сочетаются) опора на классические традиции может стать если не панацеей, то испытанным средством континуитета культурных и нравственных ценностей.

Примечания

1. Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы. – СПб., 1911. – С. 8.
2. Зайцев А.И. В поисках возрождения // Греко-латинский кабинет. № 1. – М., 1992. – С. 5.
3. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. – СПб., 1993. – С. 198.
4. Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. – С. 12.
5. Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. – СПб., 1910. – С. 207.
6. Зайцев А.И. Указ. соч. – С. 10.
7. Шичалин Ю.А. «Ужель свободны мы?…» // Греко-латинский кабинет. № 1. – М., 1992. – С. 17.

[217]

IV. ХРОНИКА

ОТЧЕТ ОБ УЧАСТИИ В НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ В 2001 г.

Н.Н. Болгов (Белгород)

В течение 2001 г. нам предоставилась возможность принять участие в ряде научных конференций, проходивших на территориии России и Украины.

1. Март: Санкт-Петербург. «Боспорский феномен».
2. Апрель: Харьков. «Проблемы истории и археологии Украины».
3. Апрель: Нижний Новгород. XII чтения памяти профессора С.И. Архангельского.
4. Октябрь: Севастополь. «Церковная археология».
5. Ноябрь: Киев. «Ольвия».

Кроме того, не удалось лично посетить конференции в Москве (июнь, ИВИ РАН), две в Керчи (май, II Боспорские чтения; июль, 175-летие КИАМЗ), Санкт-Петербурге (III Жебелевские чтения, октябрь, СПбГУ). Туда были отправлены тезисы, принятые к печати.

***

В марте 2001 г. состоялась третья конференция «Боспорский феномен», соучредителями которой выступили Государственный Эрмитаж, Институт истории материальной культуры РАН, Государственный музей истории религии (В.Ю. Зуев, М.Ю. Вахтина, В.А. Хршановский). Форум объединил около ста ученых из ряда стран СНГ и дальнего зарубежья. Материалы опубликованы в двух томах. В ходе культурной программы была проведена экскурсия в Эрмитаж. Во время конференции удалось также поработать в библио-

теках Санкт-Петербурга и провести переговоры с издательством «Гуманитарная академия» (Ю. Довженко, М. Холод) о публикации нашего перевода «Новой истории» Зосима.

***

В апреле 2001 г. в Харькове состоялась IV конференция Историко-археологического общества и Харьковского национального университета «Проблемы истории и археологии Украины». Все секции конференции позволили охватить широкий спектр проблем истории и археологии от каменного века до истории Слободской Украины. В конференции приняли участие ведущие ученые Харькова, Крыма, Донецка, Москвы (В.И. Кадеев, А.П. Мартемьянов, И.П. Сергеев, С.Б. Сорочан, С.В. Дьячков, О.А. Ручинская, **[218]** В.В. Колода, В.Ю. Юрочкин, Л.Г. Шепко, Д.В. Журавлев и др.). По итогам конференции выпущен сборник материалов.

***

20-21 апреля в Нижнем Новгороде на базе ННГУ и НГПУ состоялась международная конференция «XII чтения памяти профессора С.И. Архангельского». Помимо местных ученых в работе форума приняли участие ученые из Москвы, Белгорода, Брянска, Арзамаса, а также США. Ряд секций охватил все направления всеобщей истории. Наиболее репрезентативной была секция античной истории, где было сделано более 20 докладов. По итогам работы конференции опубликован сборник материалов, в том числе и наша статья[3]. Среди прочих докладов необходимо выделить сообщения И.Ю. Ващевой о Евсевии Кесарийском, С.А. Доманиной о кельтской религии, А.В. Махлаюка о римской армии, А.В. Хазиной об эллинизме в контексте ментальной истории. Сборник материалов передан в библиотеки Белгорода.

***

10-12 октября 2001 г. на базе Национального заповедника «Херсонес Таврический» состоялась конференция «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия». Соучредителями и организаторами форума выступили Крымский филиал Института археологии НАНУ, ИА РАН, Фонд «Москва-Крым», Русский культурный центр. Это была первая конференция по церковной археологии и христианским древностям, организованная и проведенная светскими специалистами. Опыт проведения подобных конференций в Пскове и Санкт-Петербурге с участием светских и церковных ученых выявил определенные проблемы и обнаружил труднопреодолимую разницу в подходах и методологии. Здесь этого удалось избежать. Участники представляли Севастополь, Симферополь, Киев, Харьков, Донецк, Керчь, Судак, Бахчисарай, Москву, Санкт-Петербург, Белгород, Познань. На пленарном заседании 10 октября выступили: главный редактор журнала «Российская археология» Л.А. Беляев, автор известного пособия «Христианские древности»; преподаватели церковной археологии в духовных учебных заведениях Москвы А.М. Копировский и Н.Е. Гайдуков; археологи Г.Ю. Ивакин (ИА НАНУ, Киев) и В.Л. Мыц (ИА НАНУ, Симферополь); профессор Таврического университета С.Б. Филимонов. Вечером того же дня участники конференции побывали на экскурсии в Инкерманском пещерном монастыре, осмотрели памятники Инкерманской долины (крепость Каламита и др.).

На заседаниях 11 октября был сделан ряд интересных докладов и сообщений. Необходимо отметить доклад П.Д. Диатроптова (ГИМ, Москва) **[219]** «О датировке росписей херсонесских христианских склепов». Докладчик впервые привлек аналогии из Болгарии для уточнения хронологии росписей херсонесских склепов. А. Бернадский (Познаньский университет, Польша) сообщил о последних результатах раскопок кафедральной базилики Нове на Нижнем Дунае (совр. Свиштов, Болгария), сопроводив рассказ демонстрацией диапозитивов. В.Ю. Юрочкин (Симферополь) рассказал о новых работах с материалами позднеантичных склепов Пантикапея и Китея. Вечером участники конференции приняли участие в экскурсии по христианским древностям Херсонеса Таврического, которую провела сотрудник НЗХТ Т.А. Яшаева.

---

[3] Болгов Н.Н. Источники по проблеме культурно-идеологического континуитета на позднеантичном Северном Понте // XII чтения памяти профессора С.И. Архангельского. – Н. Новгород, 2001. – С.11-17.

12 октября заседания продолжились. В этот день преобладала церковно-искусствоведческая тематика, а среди докладчиков наиболее полно были представлены киевляне. Наш доклад был посвящен проблемам интерпретации ранневизантийских мозаик Херсонеса. Материалы предполагается опубликовать.

Конференция прошла на высоком научном и организационном уровне. Помимо докладов огромное значение имели визуальный осмотр памятников и экспонатов херсонесского музея, знакомство с городищем.

***

20-23 ноября в Институте археологии Национальной академии наук Украины при содействии Британского археологического института состоялась конференция «Ольвия». Был собран представительный состав участников из нескольких стран мира (Англия, Украина, Франция, Греция, Россия). Среди российских научных центров были представлены ИА РАН (Москва), ГИМ (Москва), ГМИР (Санкт-Петербург) и БелГУ. Доклады представили всю панораму мнений о проблемах, связанных с исследованиями Ольвии. Была проведена презентация новой литературы, вышедшей в Украине, в том числе коллективной монографии «Ольвия» и журнала «Древний мир». По итогам конференции был опубликован сборник материалов, в т.ч. и наша статья.

В обширную культурную программу вошел осмотр достопримечательностей Киева (Софийский собор, Михайловская Златоверхая церковь, Киево-Печерская лавра, Андреевский спуск, Золотые ворота), включая прием в британском посольстве. Помимо научной части нам удалось поработать с фондами архива и библиотеки ИА НАНУ.

Участие в конференциях в Санкт-Петербурге, Харькове, Нижнем Новгороде и Киеве было частично профинансировано из внебюджетных средств БелГУ (оплата проезда). **[220]**

О РАБОТАХ БЕЛГОРОДСКОГО ОТРЯДА ВКАЭ В СЕЗОНЕ 2001 Г.

Н.Н. Болгов, Е.А. Семичева (Белгород)

В полевом сезоне 2001 г. отряд студентов Белгородского государственного университета впервые принял участие в работе Восточно-Крымской археологической экспедиции Института археологии Российской академии наук (начальник экспедиции – А.А. Масленников; начальник отряда – Е.А. Семичева).

Этот сезон был первым официальным полевым сезоном за 8 лет после Китейской экспедиции 1992 г., когда последний раз наши студенты проходили полевую практику. В частном порядке ряд студентов и выпускников также участвовали в Китейской экспедиции в 1993-1995 гг. и разведках на городище Акра и в окрестностях с. Заветное в 1998 г.

Экспедиция существует непрерывно с 1978 г. За минувшие годы ее отдельными отрядами были исследованы многие объекты – поселения, некрополи, валы – северной части Керченского полуострова.

Работы Белгородского отряда велись на эллинистических слоях городища Генеральское (Крымское Приазовье). Основным объектом изучения стали памятники городища эллинистического времени. В IV-III вв. до н.э. здесь была возведена система укреплений, в которую входило несколько сельских поселений, вытянутых вдоль побережья. На городище изучались как «форт», так и «посад» – часть поселения, не входившая в крепость[1].

Состав участников: студенты истфака А. Осыченко (V курс), С. Будунов, М. Асафайло (IV курс), М. Николаенко, М. Дубова, Л. Цыбульник, Ю. Балабанова (III курс), С. Прокопенко, И. Сергеев, М. Черкесов, А. Щендрыгин (II курс), студент физмата А. Суровцев, выпускники истфака В. Вородов, И. Козлов, О. Аладова, доцент кафедры педагогики М.Е. Поленова, группа любителей. Статус отряда был закреплен договором между кафед-

рой всеобщей истории и сектором классической археологии ИА РАН. Это предусматривает участие студентов в ВКАЭ на долговременной основе. **[221]** Несмотря на оплату студентами проезда и проживания, участие в экспедиции вызвало немалый интерес. Все участники экспедиции однозначно положительно оценили итоги полевого сезона, которые были подведены в ноябре 2001 г. на традиционной итоговой конференции на факультете.

Традиции участия белгородских студентов в античных экспедициях были продолжены оформлением стенгазеты, фотоальбома; во время экспедиции поднимался отрядный флаг, производилось посвящение в археологи и другие традиционные (сложившиеся еще в Китейской экспедиции) ритуалы, в числе которых – и празднества.

Планируется продолжение работ отряда в сезоне 2002 г.

Примечания

1. Подробнее см.: Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. – М., 1998.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Н.Н. Болгов, С.В. Будунов, М.П. Асафайло, Л.В. Цыбульник (Белгород)

В течение первого полугодия 2002 г. в БелГУ происходил ряд событий, связанных с антиковедением.

13 марта 2002 г. на историческом факультете в рамках заседания проблемной группы по античной истории и археологии был впервые показан 20-минутный хроникально-документальный фильм о Китейской экспедиции сезона 1988 года, снятый ее участником А. Никитенко. Перезапись была осуществлена преподавателем кафедры педагогики А.А. Жиховым и И. Будагянц, участниками экспедиции, которые и предоставили фильм для демонстрации (перемонтирование и озвучание на видеопленке были закончены в июле). На этом же заседании был показан фильм «Херсонес Таврический», подготовленный сотрудниками Херсонесского Национального музея-заповедника.

***

18 марта 2002 г. в рамках договора о сотрудничестве между историческими факультетами БелГУ и ХНУ состоялась экскурсия группы студентов ИФ БелГУ в Харьков, Музей археологии и этнографии ХНУ. Состав участников: Корзунина И., Вдовенкова И. (2 курс), Михарева О., Шабанова А., Кравченко О., Карнаух С., Засыпко Д., Чубаров М., Сигарёв С., Гуляева Ю., Крайник Т. (1 курс). Экскурсия была проведена директором музея В. Скирдой и научным сотрудником Т. Крупой, за что, пользуясь случаем, **[222]** выражаем признательность. В будущем подобные контакты должны получить развитие. Информация об экскурсии помещена в Восточноевропейском археологическом интернет-журнале.

***

9 апреля состоялся традиционный ежегодный День науки, который подвел итоги научно-исследовательской работы студентов за 2001 год. В секции, посвященной проблемам античной истории и археологии, было заслушано 12 докладов:

1. Алавердян А. (II курс). «Князья и цари Армении в IV в.».
2. Будунов С. (IV курс). «Культ героев в античном Северном Причерноморье».
3. Денисова И. (II курс). «Стилистические особенности ранневизантийских мозаик Равенны».
4. Дрожжина Н. (I курс). «Амулеты в погребениях Древнего Египта».
5. Засыпко Д. (I курс). «К проблеме интерпретации греческих мифов: Персей».
6. Малахова О. (V курс). «Древняя Греция в образах художественной литературы».

7. Осыченко А. (V курс). «Причины расцвета Римской империи во II в.» (на пленарном заседании).
8. Пелецкая А. (I курс). «Из частной жизни греков классического периода».
9. Смирницких Т. (I курс). «Семья и частная жизнь эпохи эллинизма».
10. Суслов Ф. (II курс). «Символ свастики в раннем исламе».
11. Тагирова Г. (I курс). «Источниковедческие проблемы Ветхого Завета».
12. Щендрыгин А. (II курс). «Александрийская война и Цезарь».

Заседание секции вызвало живой интерес студентов. Всего приняло участие 52 студента, из них I курс – 24, II курс – 9, III курс – 12, IV курс – 1, V курс – 5.

***

В 2002 г. дипломные работы по истории древнего мира по кафедре всеобщей истории подготовили 5 студентов:

- Малахова Ольга: «Древняя Греция в образах художественной литературы»;
- Молчан (Максимова) Илона: «Частная жизнь греков классического времени».
- Осыченко Алексей: «Расцвет Римской империи во II в.»;
- Осыченко Ольга: «Города Таманского полуострова в истории Боспорского царства V-I вв. до н.э.»;
- Ташкова Анна: «Историческая социальная психология греков классического периода»; **[223]**

Рецензентом всех работ выступила кандидат исторических наук Е.А. Семичева. Все работы защищены на «5» 31 мая 2002 г.

***

С начала 2002 г. велась работа по формированию Белгородского отряда Восточно-Крымской археологической экспедиции сезона 2002 г. Помимо ряда прежних участников прошел отбор первокурсников для прохождения практики. Сроки работы – 22 июля – 10 августа. Состав отряда: Е.А. Семичева, Л. Цыбульник, М. Николаенко, М. Дубова, С. Прокопенко, А. Щендрыгин, И. Сергеев, М. Черкесов, Е. Слюсарева, Р. Беседин, О. Винакова, М. Рябцева, О. Чернова, О. Сосоенко, И. Денисова, М. Кретова, Д. Никулин, А. Клейменов, Д. Бычков, С. Лилоашвили, П. Косов, ряд любителей. Отъезд - 22 июля.

В работе Херсонесской экспедиции Харьковского университета (нач. эксп. С.Б. Сорочан) принял участие Сергей Будунов (с 4 июля).

В работе Восточно-Боспорской экспедиции ГМИИ (Гермонасса и окрестности) приняли участие Марина Асафайло и Роман Шеховцов (13 июля – 14 августа). **[224]**

Список сокращений

АО	Археологические открытия
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БелГУ	Белгородский государственный университет
БИ	Боспорские исследования
БС	Боспорский сборник
ВВ	Византийский временник
ВДИ	Вестник древней истории
ВХУ	Вестник Харьковского университета
ГСУИФ	Годишник на софийский университет – исторический факултет
ДБ	Древности Боспора
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	Записки Русского археологического общества
ИАИАНД	Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону

ИАК Известия археологической комиссии
ИБАИ Известия на Българския археологически институт
ИГАИМК Известия государственной академии истории материальной культуры
ИМЮБ Известия на музеите от Южна България
ИТУАК Известия Таврической ученой архивной комиссии
КФ ИА Крымский филиал Института археологии
МАИЭТ Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии
МАР Материалы по археологии России
МОБЧМ Международные отношения в бассейне Черного моря
МИА Материалы и исследования по археологии
НАНУ Национальная Академия наук Украины
НЗХТ Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
НТрВМИ Научни трудове на Висмия медицински институт (София)
ПИФК Проблемы истории, филологии, культуры
ПС Палестинский сборник **[225]**
РА Российская археология
СА Советская археология
СГЭ Сообщения Государственного Эрмитажа
СХМ Сообщения Херсонесского музея.
ТГИМ Труды Государственного Исторического музея
ТГЭ Труды Государственного Эрмитажа
ХНМЗ Херсонесский Национальный музей-заповедник
ХСб Херсонесский сборник
AJPh - American Journal of Philology
ANRW - Aufstieg und Niedergang der Romischen Welt.
BSAA - Bulletin de la Societe archeologique d'Alexandrie
Cd'E - Chronique d'Egypte
FgrHist - Die Fragmente der griechischen Historiker / Hrsgb. F. Jacoby. – B., 1923-1958. – Bd. 1-3.
IG - Inscriptiones Graecae
JHS - Journal of Hellenic Studies
MDAI (A) - Mitteilungen des Deutschen archaeologischen Institut. Athenische Abteilung.
OGIS - Orientis Graeci Inscriptiones Selectae / Ed. G. Dittenberger. – Lipsia, 1903-1905. – V. 1-2.
[226]

Содержание

Научное издание

Темплан 2002 г., II квартал.

ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие [вып. 2]
Материалы научного семинара

Сдано в печать: 5.08.2002 г.
Усл. п.л. - 10.
Тираж 300
Гарнитура Times.
Заказ.....
Цена договорная

Оригинал-макет подготовлен Н.Н. Болговым на кафедре всеобщей истории БелГУ.

КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ БелГУ

В 2001-2002 гг. выпущены следующие издания:

1. Белгородский историко-археологический сборник. Вып. 1 / Под ред. Н.Н. Болгова, И.Т. Шатохина. – Белгород,2001. – 96 с.
2. Черноземная лесостепь – контактная зона /Под ред. Н.Н. Болгова, И.Т. Шатохина. – Белгород, 2001. – 140 с. (коллективная монография).
3. Проблемы источниковедения всеобщей истории. В 2 ч. / Под ред. Н.Н. Болгова. – Белгород, 2002. – 130 с., 86 с. (коллективная монография).
4. **Болгов Н.**Н. История и археология Северного Причерноморья в позднеантичный период. Статьи 1991-2001. – Белгород, 2002. – 206 с. (13 п.л.).
5. **Болгов Н.**Н. Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV-VI вв. – Белгород, 2002. – 120 с. (7,5 п.л.) (монография).

Выходят в свет, готовятся к печати

1. **Дворецкая А.А.** «Истина в образах и символах». Символизм в искусстве Средних веков и Возрождения (7 п.л.).
2. Белгородский историко-археологический сборник. Вып. 2 / Под ред. Н.Н. Болгова (5 п.л.).
3. Возвращение на родину. Н.П. Кондаков: документы и материалы. Вып. 1 / Сост. Н.Н. Болгов (5 п.л.).

Вышедшие и готовящиеся к публикации издания (при наличии) можно заказать наложенным платежом по адресу: 308007 Белгород, ул. Студенческая, 12; БелГУ, кафедра всеобщей истории. Болгову Н.Н. Т.: (0722) 34-01-94. bolgov@bsu.edu.ru.